

Псковское региональное отделение Союза краеведов России
Псковский государственный университет
Псковское региональное отделение
Русского географического общества
Псковский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
Бюро путешествий «Континент»

**ВОСЬМЫЕ
ПСКОВСКИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Том I

Материалы

*Международной научно-практической конференции,
г. Псков, 12–14 октября 2018 года*

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским
советом Псковского государственного университета*

Псков
Псковский государственный университет
2018

УДК 908
ББК 28.89
В789

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Псковского государственного университета

Редакционная коллегия:

Т. В. Вересова, председатель Псковского регионального отделения Союза краеведов России, член Совета СКР, член Союза писателей и Союза журналистов России (ответственный редактор);

А. Г. Манаков, д-р геогр. наук, проф. каф. географии ПсковГУ (научный и технический редактор);

А. И. Слинчак, канд. геогр. наук, зав. каф. географии ПсковГУ;

Н. К. Теренина, канд. геогр. наук, доц. каф. географии ПсковГУ;

Т. Д. Фейгмане, д-р истории, научный редактор сайта «Русские Латвии», г. Рига, Латвия.

Восьмые (VIII) Псковские Международные краеведческие чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Псков, 12–14 октября 2018 г.). Том I / Под ред. Т. В. Вересовой, А. Г. Манакова. — Псков : Псковский государственный университет, 2018. — 264 с.
ISBN 978-5-91116-749-3 (общий)
ISBN 978-5-91116-750-9 (Том I)

Первый том сборника составлен на основе докладов, прочитанных на заседаниях секций «Краеведение как наука. История и современная деятельность краеведческих сообществ», «Российско-балтийское порубежье: пересечение судеб и культур» и «Природное и культурно-историческое наследие края». Большая часть статей подготовлена на основе редких архивных источников.

Представленные материалы сохраняют авторский стиль.

УДК 908
ББК 28.89

ISBN 978-5-91116-749-3 (общий)
ISBN 978-5-91116-750-9 (Том I)

© Союз краеведов России,
Псковское региональное отделение, 2018
© Псковский государственный университет, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Т. В. Вересова,
Председатель Псковского регионального
отделения Союза краеведов России
E-mail: veresovatv@mail.ru

Для нас, участников конференции, каждая подобная встреча — праздник; подпитка новым, ещё не познанным или не осознанным, изъятым из исторической памяти, — иностранных хроник, архивов, музеев. И всё это служит одной цели — восстановлению подлинной истории нашего малого и большого Отечества, и порой только тут и осознаёшь значение такого общения. Семьдесят четыре докладчика — каждый из них внёс свой вклад в «общую копилку знаний» истории Псковской земли.

Уже постоянными стали приезды к нам коллег из Орла, Челябинска, Москвы, Санкт-Петербурга, нынче к ним присоединились Владимир и Иваново — и все с псковской тематикой. Весьма важным для нас является участие соседей, — исследователей из Латвии и Эстонии, которое тоже, начиная с 2010 г., стало постоянным, и потому в этом году мы решили организовать отдельную секцию «Российско-балтийское порубежье: пересечение судеб и культур». Приятно было, что весь первый день, с самого открытия Чтений, на них присутствовали дипломаты Генерального Консульства Эстонской Республики в Санкт-Петербурге — директор Псковской канцелярии Трийн Партс и специалист Свен Кассатик. Сюрпризом стало и «мимолетное виденье» (один день) сотрудников Литературного музея А. С. Пушкина в Вильнюсе: доклад Эллы Авериной заполнил, наконец, пробелы в судьбе архитектора Владимира Назимова, след которого для местного краеведения потерялся в 1916 г. А Надежда Петраускене, директор Пушкинского музея в Маркучяе, считает, что без Владимира Назимова их музея не состоялось бы.

Ежегодная краеведческая конференция — событие в научной и культурной жизни региона, а в этот раз ей было придано ещё и общественное звучание: на Пленарном заседании Александр Иванович Слинчак, заведующий кафедрой географии, предложил нам принять участие во Всероссийском проекте «Великие имена России», обсудив на заседаниях секций имя исторического деятеля, какое мы хотели бы присвоить аэропорту в Пскове, — и в резолюцию форума мы единодушно внесли имя княгини Ольги. Кроме того, активным было подведение секционных итогов: поднимались серьёзные

проблемы в сохранении исторической памяти, какой бы сферы современной деятельности человека они ни касались.

В ходе конференции произошло ещё одно значимое для Пскова событие: совместно с Музеем-заповедником мы провели в Приказной палате презентацию книги В. Сергеева «Евгений Климов» (М.: Русский путь, 2018), на которой выступили представители Латвии и Дома Русского зарубежья им. А. Солженицына (г. Москва); было зачитано обращение Алексея Евгеньевича Климова, сына художника (США). Сопровождала это мероприятие выставка части работ Е. Е. Климова, подаренных Музею-заповеднику А. Е. Климовым (самое большое отечественное и зарубежное собрание — более 650 рисунков, литографий, художественных полотен). После этого — экскурсия по Кремлю, которую Светлана Быстрова начала от Троицких ворот, над которыми — мозаичная икона «Троица», главный труд Евгения Климова. Затем — Троицкий собор с его святынями.

Надо сказать, что, как и собственно конференция, культурная программа была весьма насыщенной: после подведения итогов — знакомство с экспозицией Поганкиных палат (экскурсовод Наталья Гусева): иконы, серебро XVII в. и Картинная галерея. А по окончании знакомства с Музеем-заповедником желающим была предложена прогулка вдоль крепостной стены Окольного города — от Ботанического сада к Покровской башне и по набережной Великой — к устью Псковы, и по берегу её Финским парком к Летнему саду гостей провела Валентина Анатольевна Лилейкина, старший преподаватель кафедры географии ПсковГУ.

И заключительный — волшебный, по мнению гостей, — аккорд Чтений: поездка в Любенск — Вечашу, Мемориальный музей Н. А. Римского-Корсакова. Солнце и золото осени, яблоневый сад... И приём, устроенный сотрудниками Музея, — Евгением Николаевичем Барканниковым, Валентиной Михайловной Васильевой, Натальей Петровной Алексеевой, Ольгой Алексеевной Кузнецовой и Раисой Михайловной Алексеевой, — поразил всех. Эти три дня конференции прошли на одном дыхании и настроили её участников на новую встречу в следующем году.

КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ

УДК 908

Т. В. Вересова

Союз краеведов России, Псковское региональное
отделение (председатель), г. Псков, Россия.

E-mail: veresovatv@mail.ru

РОЛЬ КРАЕВЕДЕНИЯ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье, на примере деятельности регионального отделения Союза краеведов России, говорится о значении объединения исследователей в сообщества единомышленников, проведения совместных мероприятий, помогающих восстановить подлинную историю не только своей малой родины, но и нашего необъятного Отечества.

Ключевые слова: Псковская земля, краеведение, поиски и восстановление утраченных времем и памятью событий и личностей.

В сохранении культурно-исторического наследия краеведению принадлежит определяющая роль. Смею заявить, что краеведение в этом — старейшая из всех форм. Если говорить о составляющих краеведения, то оно включает в себя исключительно все сферы жизни — историю и географию, языкознание и литературу, биологию и зоологию, искусство и промышленность, природу и природопользование, топонимику и социологию, население и статистику, личность и общество...

Рамки статьи не позволяют рассказать обо всех наших делах за период существования, с конца июля 2010 г., Псковского регионального отделения Союза краеведов России (ПРО СКР), целью которого и является объединение исследователей области, собирание воедино истинной, богатейшей истории края. С 2011 г. наша область на Всероссийских краеведческих чтениях в Москве (2-я часть их проходила в Омске, Владимире, Воронеже, а в 2016 г. — в Великих Луках) представляла самую солидную делегацию. И именно на Всероссийских чтениях мы находили участников своих конференций, причём обязательно с псковской тематикой. Так нам удалось в значительной степени восполнить, за счёт Челябинска и Оренбурга, биографию Василия Никитича Татищева; достаточно примеров подобного сотрудничества

с историками Москвы, Петербурга и других городов и весей нашей необъятной Отчизны. К сожалению, не все желающие поделиться своими знаниями, по разным причинам, могут к нам приехать.

О подобных знакомствах можно рассказывать долго, но сейчас постараюсь назвать наиболее значимые страницы истории Псковской земли, которые удалось восстановить или открыть, — подчеркну: общими усилиями с представителями дальних регионов России и Ближнего Зарубежья — исследователями Латвии и Эстонии, которые с 2012 г. стали активными участниками наших конференций (от трёх человек в 2012 и 2013 гг. до 12 в 2015 г.), а в этом году к ним присоединилась Литва, ниточка к которой была протянута ещё в Печорах в 2015 г. В августе этого года я участвовала в Философских чтениях, которые уже много лет проводит Бежаницкий Историко-культурный центр. И вот здесь меня ждала неожиданность: в докладе Эллины Авериной, научного сотрудника Литературного музея А. С. Пушкина (Вильнюс), прозвучало имя Владимира Назимова, управляющего имением Варвары Алексеевны Пушкиной, жены младшего сына поэта Григория, в биографии которого для вильнюсских музейщиков было много неизвестного. На Философских чтениях присутствовала и Надежда Петраускене, директор Литературного музея, — я пригласила дам на наши Чтения в Псков, предварительно познакомив Эллину с Владимиром Васильевым, обнаружившем имя архитектора Назимова в «чёрном чемодане» архитектора Подчекаева. Они соединили свои знания — и сегодня биография Владимира Леонидовича Назимова полностью восстановлена [1], а в знак признательности за сохранение памяти о нём коллеги, слушающие выступление Э. Авериной, внесли в резолюцию конференции предложение объявить Эллине благодарность.

О том, что нам удалось за девять лет, можно узнать из сборников региональных чтений и альманаха «Псковский летописец», который с 2010 г. является печатным органом ПРО СКР. Практические, визуально ощутимые, дела таковы: установлены мемориальные доски математику Владимиру Брадису, академику медицины Августу Летавету (2013 г., в ходе Четвёртых региональных краеведческих чтений, на здании школы № 1, где и проходили Чтения); физику, академику Сергею Векшинскому — на доме № 22 по Октябрьскому проспекту, в 2014 г., в ходе Пярых региональных чтений; в декабре 2017 г. — вновь на здании школы № 1, художнику Николаю Лохову, псковичу и флорентийцу. Доски А. А. Летавету, С. А. Векшинскому, Н. Н. Лохову — наш, краеведов, дар городу. К слову: в ходе Четвёртых региональных чтений открыто ещё одно имя выпускника гимназии — писателя Антонина Ладинского, автора исторических романов «Последний путь Вла-

димира Мономаха», «Когда пал Херсонес», «Анна Ярославна — королева Франции»; известен Антонин Петрович и как поэт. К сожалению, совсем недавно (2000-е гг.) снесён дом на углу Гоголя и Карла Маркса, где жили Ладинские, но, думаю, не за горами тот день, когда на здании школы № 1 появится ещё одна мемориальная доска. На нынешней конференции прозвучало ещё одно имя ученика Псковской губернской гимназии, — поэта и переводчика Вильгельма Зоргенфрея [8], — и Алла Александровна Шелаева (Санкт-Петербург), открывшая для нас это имя, предлагает увековечить его мемориальной доской.

По нашей «наводке» установлена памятная доска и Сергею Александровичу Цвылёву: его адрес (Октябрьский пр., 22) Краеведческому отделу Областной библиотеки указала я (письма С. А. Цвылёва Е. Н. Морозкиной нашла в «бумагах» Елены Николаевны, когда разбирала её архив, — они опубликованы в «Псковском летописце» № 2). На нашей конференции в школе № 1 Аллой Ильиничной Беленковой (Таллин), поддерживающей связь с брюссельскими потомками Фердинанда Петровича Врангеля, были озвучены псковские страницы его биографии, что позволило нам «отменить» установку памятной доски мореплавателю на здании «старой гимназии» (В двух выпусках альманаха «Псковский летописец» — статьи А. И. Беленковой о Ф. П. Врангеле). В ходе этих же Чтений школа получила в дар фотографию гимназического друга Юрия Тынянова Николая Нейгауза, который по окончании гимназии учился в Юрьевском университете. До того изображения Нейгауза псковского периода мы не имели — фотография подарена Зоей Ивановной Кузнецовой (Тарту). И ещё один след известного псковича нашёлся в Эстонии благодаря нашему сотрудничеству: Н. Ф. Левин, занимавшийся представителем другой ветви псковских Врангелей (Фердинанд Петрович — «герой моего романа»), долгое время не мог отыскать следа Константина Карловича Врангеля (1837–1902), управляющего Псковской Казённой палатой, действительного члена Псковской Археологической комиссии, стоявшего у истоков создания Краеведческого музея, а с 1888 г. — председателя ПАО. Я написала в Нарву И. Е. Иванченко, историку, литературоведу: нам было известно, что фамильное кладбище Врангелей находится под Раквере. Ирина Евгеньевна поступила как настоящий соратник: попросила Уно Трумма, сотрудника Вирумааского музея, съездить на Немецкое кладбище, расположенное в местечке Кохала, которым когда-то владели Врангели, — и Натан Феликсович получил фотографии надгробий и крестов всей родовой веточки Константина Врангеля, имеющей отношение к Пскову, а из Исторического архива Татьяна Кузьминична Шор прислала фотографию Константина Карло-

вича Врангеля (см. сборник «Шестые Псковские региональные краеведческие чтения», книга II, с. 116–127), сопроводив её своими комментариями. Много и «свежих» примеров, но приведу один: Алексей Иванович Фёдоров, член Совета ПРО СКР, попросил меня связаться с моими эстонскими коллегами — его интересовала судьба семьи Добровольских, уроженцев Струг Красных. Сначала я обратилась в Таллин и Тарту, затем к Татьяне Кузьминичне Шор, которая тут же прислала опись фонда с конкретными именами, интересовавшими Алексея. Он был доволен, но решил на время отложить знакомство с делом — нет загранпаспорта. Я предложила ему самому вести переписку с Т. К. Шор — и довольно оперативно он получил все документы Национального архива Эстонии, касающиеся Добровольских, и на сегодняшней конференции на основе этих архивных данных построил свой доклад [7].

Я уже отмечала, что со многими участниками наших конференций, начиная с 2010 г., я познакомилась на Всероссийских чтениях: кого-то находила я, кто-то подходил ко мне, предлагая свои темы. Так мы познакомились в Воронеже с Алексеем Ивановичем Кондратенко из Орла — результат знакомства таков: в Печоры приехала чета Кондратенко с двумя псковскими темами. Однако на этом сотрудничество с «орлятами» не закончилось: когда порховские краеведы пожелали возродить Краеведческое общество, существовавшее в 1921 г., и сообщили мне короткую информацию о его организаторе Иване Евсееве, начинавшем свою деятельность в Орле, я спросила Алексея Ивановича, не поищет ли он каких-то более подробных сведений о нём. Ментально получаю ответ: «А я и хотел подавать заявку о нём...» [3]. И Галина Ивановна Кондратенко, как и в прошлый раз, подготовила выступление о не известной нам теме. Могу продолжать бесконечно — за девять лет удалось «рассекретить» многие засекреченные факты нашей истории; рассказать о людях, незаслуженно забытых или оболганных...

Это говорит о том, КАК важны наши сообщества и встречи, подобные сегодняшней — наших VIII Псковских Международных краеведческих чтений. Подчеркну ещё раз: много нового удавалось отыскивать в процессе подготовки или в ходе конференций — причём, часто не в одиночку, а в сотрудничестве с исследователями других регионов страны и даже далеко за её пределами. За отсутствием времени, коротко скажу о знакомстве с Алексеем Евгеньевичем Климовым (США), сыном художника Евгения Евгеньевича Климова, которое открыло новые страницы, в том числе изобразительные, в истории Изборска, Печор, Пскова. Кроме того, в богатейшем фонде семьи Климо-

вых, который передал А. Е. Климов в Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, содержится переписка с теми, кто имеет непосредственное отношение к Псковской земле, — художники Николай Лохов, Эрик Прэн и Мстислав Добужинский [2], писатель Леонид Зуров... Все материалы, предоставленные А. Е. Климовым, опубликованы в трёх номерах «Псковского летописца». В ходе нынешней конференции в Приказной палате Кремля состоялась презентация книги В. Н. Сергеева «Евгений Климов. Художник-реалист русского зарубежья. 1901–1990» (М.: Русский путь, 2018, с. 224) — значимое событие и для псковичей, и для рижан, и в целом российского искусствоведения. Главная работа Евгения Климова — мозаичная икона «Троица», подаренная художником городу в 1944 г., — с 2003 г. занимает своё «законное место»: нишу Троицких ворот нашего Крома, встречая и провожая паломников и экскурсантов, посещающих главную святыню, символ Псковской земли — Троицкий собор.

Встречи, переписка обогащают участников всех сторон. Доказательством тому служит, к примеру, сначала заочное знакомство, а потом и встречи с Михаилом Талалаем, историком, представителем Института Всеобщей истории РАН в Италии (Милан). На прошлых чтениях я представляла нашу совместную работу — книгу «Человек Ренессанса. Художник Николай Лохов и его окружение». Однако наше сотрудничество началось задолго до того. Основная тема исследований М. Г. Талалая — русские в Италии. Готовя к печати книгу «Российский некрополь в Италии» (М.: ООО «Старая Басманная», 2014, 908 с.), Михаил Григорьевич обратился ко мне за информацией о выходцах из Псковской губернии, нашедших свой последний приют в Италии. Я переадресовала его вопросы тем, кто ими владел, а Евгения Зинкевича попросила обновить фотографии, которые он готовил в мои книги «Дворяне все родня друг другу» и «Обитель дальная трудов и чистых нег». Наша помощь была отмечена в книге Талалая ссылками на Н. Ф. Левина (купцы Лоховы и архитектор А. Н. Векшинский), М. М. Пахоменкову (новоржевские помещики Львовы), А. Б. Постникова (публицист Е. А. Вагин), Л. В. Васильеву (Порхов, В. В. Бискупский), И. А. Жуковскую (Москва, невельские дворяне М. С. и А. М. Жуковские); книгу «Дворяне все родня друг другу» (М., 2006, с. 320) и альманах «Псковский летописец» № 1 (6) / 2012.

Как уже отмечалось, многое дотоле для нас не изведенного находится и у исследователей прибалтийских республик — на Шестых региональных чтениях в Печорах представители Латвии (3 чел.) и Эстонии (7 чел.) прочитали удивительные доклады по истории Свято-Успенского монастыря, Печор в 1920–1940-х гг. И обязательно надо

отметить, что на той конференции из 80 докладов 41 касался Печорского края, а 13 из 41 — обители, — причём весь материал совершенно новый. Ещё хочется сказать о том, что в Риге — за 3 мои поездки в 2013 и 2014 гг. — найдено достаточно «концов» для давних поисков краеведов Пскова, Великих Лук, Струг Красных... Помогали мне в этом Татьяна Дмитриевна Фейгмане, доктор исторических наук, директор Института русского культурного наследия Латвии, и Светлана Александровна Видякина, журналист, сопредседатель Пушкинского общества Латвии, восстанавливающая забытые и поруганные в советское время места упокоения православных на Покровском кладбище Риги. Её подвижническая деятельность и в церковном краеведении Псковщины заполнила много пустых страниц — если не сказать больше: в ноябре 2013 г. и апреле 2014 г. из Риги я привезла совершенно новые сведения не только о священнослужителях, выходцах из различных уголков Псковской губернии (Изборска, Порхова, Острова, Лавров, Пскова), но и известных в своё время дворянам, представителей уездной и губернской власти (Опочка, Псков, Новоржев, современная территория Пустошки). Поскольку информация для тех псковских краеведов, кто занимается историей Церкви, недоступна, из услышанных в Риге многочисленных имён всё же стоит несколько назвать: Князев Василий Сергеевич (1817–1903) — сын диакона Псковской епархии, среднее образование получил в Псковской Духовной семинарии (здании, в котором мы и сейчас проводим свою конференцию), высшее — в Петербургской Духовной академии в 1843 г. Спустя 3 года ему присвоена степень магистра богословия — он определён в Псковскую Духовную семинарию профессором церковно-библейской истории, канонического права и церковной археологии.

В 1849 г. В. С. Князев был назначен настоятелем Порховского собора и ректором Духовного училища. Но его выдающиеся способности заметил архиепископ Рижский Платон, управлявший в то время Псковской епархией, — и в 1852 г. Василий Князев был призван в настоятели Кафедрального Рождества Христова собора Риги и утверждён членом Рижской Духовной консистории, одновременно обременён и другими обязанностями. В. С. Князев удостоен всех духовных наград, до палицы включительно, и орденскими знаками отличия — до Святой Анны 1-й степени: золотым наперсным крестом с драгоценными украшениями из кабинета Его Императорского Величества (1884); бронзовым крестом на Владимирской ленте и бронзовой медалью на Аннинской ленте, установленные в память войны 1853–1856 гг. [6]. До этого в истории Пскова был известен лишь краевед Александр Сергеевич Князев, однако благодаря сотрудничеству с С. А. Видякиной

Н. Ф. Левин пополнил свой багаж биографиями всех трёх братьев Князевых [4].

Пономарёв Григорий Иванович (1871–1952) родился в Лавровской волости. В августе 1897 г. рукоположен в иереи в Выбутский приход, где его трудами перед революцией на родине княгини Ольги был выстроен и подведён под крышу храм Святой Ольги, — факт его возведения стал известен нам сравнительно недавно (для церковных кругов, возможно, это — не новость), однако он не связывался с каким-то конкретным именем. В 1920 г. Г. И. Пономарёв эвакуировался в Эстонию, затем переехал в Латвию. Служил в Лудзенском уезде, Старой Слободе и селе Ново-Троицком (Линава), с января 1933 г. — настоятелем рижского Покровского собора... Похоронен на Ивановском кладбище... В свою очередную поездку в Ригу я посетила Ивановское кладбище. В январе этого года я вновь поехала в Ригу: меня интересовала судьба мозаичной иконы «Троица» Е. Е. Климова, которая с 1944 г. хранилась в рижском соборе Иоанна Предтечи. Встретилась со священнослужителями: историю о пребывании этой иконы в их соборе они знают, однако ответить на вопрос, когда она была отправлена в Псков, они не могут — свидетелей того уж нет ...

А на Покровском кладбище Риги нашли свой последний приют и офицеры 11 Псковского Пехотного полка (в братской могиле воинов Первой мировой), буквально на каждом шагу — псковские купцы, дворяне. На надгробной плите полковника Ливонской дивизии Северо-Западной армии Дыдорова Климента Ивановича высечены слова первого псковского князя Всеволода-Гавриила «Чести своей никому не отдам». Когда я в 3-й раз возвращалась из Риги (2014 г.), мне вдогонку звонила Светлана Видякина: на Покровском они обнаружили расколотую плиту Николая Николаевича Лавриновского (родился в селе Стремутка Псковского уезда 6.01.1875), предводителя Псковского уездного дворянства, члена Государственной Думы III созыва; с 1911 по 1914 гг. исполнял обязанности Воронежского и Могилёвского вице-губернатора, Таврического губернатора и Черниговского гражданского губернатора, а с 18 января 1916 г. назначен Лифляндским гражданским губернатором [5] ...

К сожалению, формат статьи не позволяет рассказать о других не менее ценных и интересных краеведческих находках. О значении, роли краеведения в сохранении исторической памяти можно привести достаточно мудрых изречений и Дмитрия Сергеевича Лихачёва, и Сигурда Оттовича Шмидта, но закончить мне хочется простыми словами, которые года четыре назад я случайно услышала на Радио «Вера» в

рубрике «Закладка»: «На краеведах держится наша память и наша культура».

Литература

1. *Аверина А. Ю.* Виленские страницы биографии архитектора Владимира Назимова // Восьмые (VIII) Псковские Международные краеведческие чтения. Т. I / Под ред. Т. В. Вересовой, А. Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет, 2018. С. 81–88.

2. *Вересова Т. В.* Переписка Добужинских с Евгением Климовым в фондах Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына // Холмоковский семинар. СПб.: Изд. Политехнического университета, 2013. С. 88–98.

3. *Кондратенко А. И.* «Вы пробудили в нас любовь к родному краю...» (Пскович И. Е. Евсеев и его краеведческая деятельность в Орловской губернии) // Восьмые (VIII) Псковские Международные краеведческие чтения. Т. I / Под ред. Т. В. Вересовой, А. Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет, 2018. С. 21–33.

4. *Левин Н. Ф.* Краевед Александр Князев и его братья // Псковский летописец. 2014. № 1 (9). С. 90–102.

5. *Левин Н., Филиппова М., Шумков А.* Лавриновские // Дворяне Псковской губернии. СПб., 1998. С. 21–29.

6. Покровское кладбище. Слава и забвение / Сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, 2004.

7. *Фёдоров А. И.* Петербург — Струги — Таллин в судьбе семьи Добровольских // Восьмые (VIII) Псковские Международные краеведческие чтения. Т. I / Под ред. Т. В. Вересовой, А. Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет, 2018. С. 157–162.

8. *Шелаева А. А.* Псковские локусы поэта Вильгельма Зоргенфрея // Восьмые (VIII) Псковские Международные краеведческие чтения. Т. II / Под ред. Т. В. Вересовой, А. Г. Манакова. Псков: Псковский государственный университет, 2018 (в печати).

ИСТОРИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОРХОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена истории порховского краеведения, в частности, рассказано о первом в Псковской губернии уездном краеведческом обществе (1921 г.) и о его возрождении в 2018 г. Представлены основные итоги конференций в г. Порхове, организуемых Краеведческим музеем с конца 1990-х гг.

Ключевые слова: краеведение, история Порхова, публикации и издания XIX в., Е. Е. и М. Е. Лебедевы, И. Е. Евсеев, В. И. Кронберг.

История порховского краеведения уходит корнями в далёкое прошлое. Первое описание Порхова в периодической печати было опубликовано столичным журналом «Бабочка» 4 сентября 1829 г. Путевые заметки Ходаковского о раскопках в дер. Горы Святые на реке Полонке вышли в печать в 1838 г. в журнале Министерства Просвещения. Иеромонах Иосиф (Баженов) является автором работы «Описание Свято-Благовещенской Никандровой Пустыни» (СПб., 1858 г.). Сведения о Порхове имеются в «Военно-статистическом обозрении Российской империи. 1848–1859 гг.»; в 1852 г. — А. Ратшин «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих и примечательных церквях России»; К. А. Неволин посвящает Порхову и окрестностям «Записки географического общества. О пятинах и погостах Новгородских» [8].

Сведения о Порхове регулярно печатаются в Памятных книжках Пскова в 1861 г. и Памятных книжках Псковской губернии с 1887 по 1895 г. включительно.

Статья по истории города «Археологические заметки о Порхове» появилась в «Псковских губернских ведомостях» за 29 апреля 1872 г., автором которой был сын порховских купцов нотариус Павел Михайлович Силин (1850–1920). За исторические находки его избрали действительным членом Губернского Статистического комитета от Порховского уезда.

Александр Петрович Анисимов (1829–1891) продолжил публикации о Порхове и подготовил более подробные «Исторические и статистические сведения о Порхове». Александр Петрович — дворя-

нин, шесть лет служил канцеляристом в губернских учреждениях, затем с апреля 1860 г. в Порхове письмоводителем городничего, секретарём Городской думы, бухгалтером акцизного округа.

И. Ф. Годовиков в 1880 и 1882 гг. делает некоторые заметки о Порхове в статье «Описание и изображение древностей Псковской губернии».

Г. П. Сазонов в 1890 г. в Санкт-Петербурге публикует работу «Крестьянская земельная собственность в Порховском уезде».

Ф. А. Ушаков в 1897 г. выпустил «Описание древних городищ, городов, курганов, валов, каменных крестов, сохранившихся в Псковской губернии».

Ценным справочником является «Статистическо-географический словарь Порховского уезда» Виктора Павловича Любимова, выпущенный в 1896 г., служащего секретарём Порховского полицейского управления.

Очерки о Порхове опубликованы И. Иконниковым в 1890 г., писателем К. Случевским — в 1897 г., В. Щербо — в 1901 г. В журнале «Нива» № 19 в 1901 г. напечатаны виды Порхова. Н. И. Серебрянский опубликовал «Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле» в 1908 г.

В 1913–1914 гг. выходят «Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества», автором которых являлся Н. Ф. Окулич-Казарин.

Важным краеведческим источником 1914 г. являются «Материалы к исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг.» А. М. Андрияшева, Н. К. Рериха «Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца», вышедшие в 1899 г., и В. П. Семёнова Тянь-Шанского «Полное географическое описание нашего отечества. Том 3. Озёрная область» (1909 г.).

Главным признанным дореволюционным археографом Порхова стал **Евгений Евгеньевич Лебедев**, сын настоятеля Троицкого собора Порхова, преподаватель Псковской Духовной семинарии. Е. Е. Лебедев был автором многих статей по истории губернии. В 1887 г. к 500-летней годовщине сооружения крепости отдельным изданием вышла его работа «Город Порхов Псковской губернии: 1387–1887» [5]. В 1915 г. вышел исторический очерк «Порхов и его окрестности» [6]. Младший сын настоятеля порховского Троицкого собора — Михаил Евгеньевич Лебедев — внёс большой вклад в развитие краеведения Порхова. Он окончил в 1894 г. Порховское Духовное училище, в 1900 г. — Псковскую Духовную семинарию и в 1904 г. — Петербургскую Духовную академию. О родном Порховском училище М. Е. Ле-

бедев подготовил обстоятельную книгу, вышедшую в 1914 г. По его предложению был создан юбилейный фонд училища. В него поступали и деньги от реализации книги. Порхову была посвящена и его статья о 500-летию Николаевской церкви, находящейся в крепости [7].

В 1918 г. в Порхове по инициативе работников образования и местной общественности начал создаваться уездный музей, куда собирали ценности из дворянских усадеб.

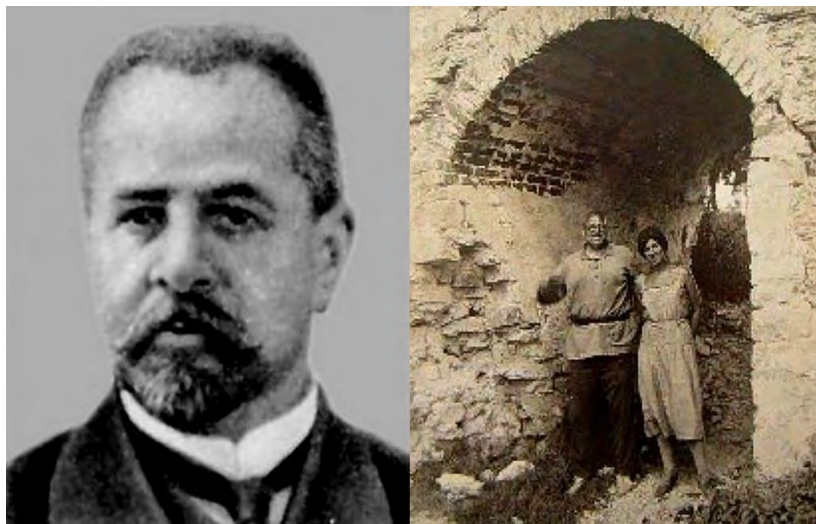
28 марта 1921 г. в Порхове произошло событие, имевшее благотворные последствия для развития культуры уезда, — в этот день было создано «Общество изучения местного края». Его возглавил профессор Иван Евсеевич Евсеев, который стал тогда его первым председателем.

Иван Евсеевич Евсеев (1868–1921) — филолог, библиист, специалист по славянскому переводу. Родился в крестьянской семье в деревне Чуравины Низы Островского уезда (ныне Чур-Низ Славковской волости Порховского района). После окончания Псковской семинарии поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию и окончил её в 1893 г. со степенью кандидата. Совершил поездку на православный Восток для работы над рукописями библиотеки Александрийского Патриархата. Магистр богословия. В 1906 г. защитил докторскую диссертацию, с 1907 г. — ординарный профессор СПбДА, с 1914 г. — член-корреспондент Академии наук. В 1918 г., не имея средств к существованию, уехал в Каменку Порховского уезда, занимался там сельскохозяйственным трудом, возглавил в Порхове «Общество изучения местного края», в которое вошли лучшие представители городской интеллигенции: краевед М. Е. Лебедев, учителя, библиотекари, служащие В. И. Кронберг, В. М. Возенков, С. А. Квашнин-Самарин, М. Т. Козырева, Е. Д. Лебедев, А. И. Набойкин, Е. Г. Павлова, Н. Г. Павлова, Д. И. Прокофьев [1].

Краеведы ставили задачу всестороннего изучения края: его археологии, этнографии, истории, географии, ботаники, зоологии, сельского хозяйства, экономики. Они думали об устройстве музея, специальной библиотеки, пропаганде краеведческих знаний, а также об организации научных экспедиций по уезду. Одной из важнейших задач Общества его участники считали охрану памятников быта, старины, произведений искусства и природы. Члены его приступили к обследованию древних водных путей между Новгородом и Псковом, пополняли фонды музея, заслушивали доклады по различным вопросам.

Иван Евсеевич Евсеев скоропостижно скончался в 1921 г. В 1922 г. удалось выпустить 33-страничную книжку «Известия Общества изучения местного края гор. Порхова». В сборник вошли доклады И. Е. Евсеева, М. Е. Лебедева, А. И. Набойкина, В. И. Кронберга. Дея-

тельность общества стала постепенно затихать, а в 1924 г. оно фактически перестало действовать.

Рис. 1. Слева — И. Е. Евсеев (создатель Общества изучения местного края в 1921 г. в г. Порхове, первого в Псковской губернии Общества краеведения); справа — В. И. Кронберг (возглавил Общество изучения местного края в г. Порхове с 1926 г.) и Г. В. Проскурякова

В дальнейшем краеведческую работу продолжил **Валентин Иванович Кронберг**, которым в 1925 г. был организован кружок юных краеведов при школе-семилетке им. В. И. Ленина, где он был заведующим и учителем. Члены кружка выпустили один номер рукописного журнала «Юный краевед». В 1926 г. состоялось «второе рождение» Порховского общества краеведения, на этот раз его возглавил В. И. Кронберг, а секретарем стала Валентина Николаевна Ерова [3]. 16 июня 1926 г. Административный отдел Губисполкома утвердил его Устав. Общество насчитывало в Своих рядах 36 чел., преимущественно представителей интеллигенции — учителей, агрономов, врачей, пожелавших сохранить «в своей работе высококультурные традиции своего, к сожалению, недолго существовавшего предшественника — Порховского научного общества, работавшего в 1918–1920 гг. под руководством профессора И. Е. Евсеева».

Общество начало свою деятельность с обсуждения и решения организационных вопросов, а главное внимание оно обратило на

производственно-экономические проблемы, связанные с развитием сельского хозяйства и льноводства. В составе его образовались две секции: общественно-экономическая и естественно-историческая. Накопив в «портфеле» довольно много материалов, оно по-прежнему не имело средств для их опубликования.

В феврале 1927 г. В. И. Кронберг участвовал в работе 1-го Псковского губернского съезда краеведов, по окончании которого был избран в состав Губбюро краеведения. В этом же году «Псковский набат» опубликовал ряд статей по истории Порховского края. 12 ноября 1927 г. на Окружном съезде краеведов он выступил с докладом, а в конце его работы был избран членом правления Окружного общества и делегатом на 3-й Всероссийский съезд краеведов.

3 апреля 1928 г. Райисполком отдельно заслушал «Доклад о работе краеведческого бюро», с которым выступил В. И. Кронберг. Отметив, что «работа общества краеведения проводится недостаточно, и общественных форм эта работа ещё не приобрела», Райисполком рекомендовал в течение 10 дней составить план работы, «дальнейшую работу общества увязывать с музеем, школами, метеорологической станцией, агрономами и техникумом индустриального земледелия», работу общества шире освещать в периодической и стенной печати, продолжить организацию краеведческих кружков в школах, «обсудить вопрос о необходимости и целесообразности объявления заповедниками крепости и городища, как сооруженных в XIII столетии и сейчас подвергающихся разрушению», провести перерегистрацию своих членов. Посчитал райисполком недопустимым «вывоз музейных ценностей и редкостей местного значения, найденных и приобретаемых краеведческим бюро из местного музея в окружной», а также предложил обсудить вопрос «о необходимости издания краеведческого сборника».

В 1929 г. наиболее заметным явлением в жизни Порховского района стала экспедиция по обследованию полезных ископаемых и строительных материалов на берегах Шелони, организованная Ленинградским областным бюро краеведения при участии действительного члена Петергофского общества краеведения Л. К. Илинчика. В 1930-е гг. деятельность краеведческого общества сошла на нет. В послевоенное время музей начал функционировать с 1946 г., краеведческая работа была продолжена.

Истоки Порховского краеведения в дальнейшем вылились в русло Порховских краеведческих чтений, которые в 1987 г. были проведены Псковским музеем-заповедником, с 1999 г. чтения проводятся регулярно [2]. В год 100-летия музея в 2019 г. мы проведём уже Шестнадцатые Порховские краеведческие чтения.

Рис. 2. Первый выпуск издания Общества изучения местного края в г. Порхове Псковской губернии

В год столетия образования фондов Порховского краеведческого музея (2018 г.), сотрудники музея решили возродить краеведческое общество. Это уже «третье рождение» данной общественной организации в Порхове. Состоялось оно 3 апреля 2018 г. На учредительном собрании возрождения деятельности Порховского общества краеведения присутствовали: председатель Псковского регионального отделения Союза краеведов России Тамара Васильевна Вересова, члены регионального отделения СКР Л. Т. Васильева и Л. А. Сорокина, краеведы Порховского района. На собрании был заслушан доклад об истории краеведения в Порхове. Собрание постановило возродить Порховское краеведческое общество в составе Псковского регионального отделения Союза краеведов России. Председателем был избран о. Сергей (Сергей Валентинович Тимошенко) — настоятель храма Всецарица села Логовино Порховского уезда, секретарём избрана Н. И. Михайлова — главный хранитель Порховского музея, М. П. Нармонтас и протоиерей Сергей Тимошенко вошли в состав Совета Псковского регионального отделения Союза краеведов России. В ПРО СКР также вошли представители музея, Администрации района, библиотеки, промышленности и сельского хозяйства: Н. А. Исакова — зав. отделом досуга Порховского музея, О. В. Иванова — зам. Главы Администрации,

С. А. Петрова — директор ЦБС, О. В. Смирнова — ООО «Зевс», О. В. Грудцына — глава крестьянского хозяйства, директор Конного клуба, Н. А. Брыкина — зав. экскурсионно-массовой работой и музея истории курорта «Хилово», В. Н. Кузьмин — пенсионер.

Рис. 3. Протоиерей Сергей (Тимошенко) получает членский билет и значок Союза краеведов России

22–23 июня 2018 г. М. П. Нармонтас участвовал во Всероссийской краеведческой конференции в Москве. 17 августа 2018 г. в Историко-краеведческой библиотеке им. И. И. Василёва (г. Псков) новому составу Порховского общества краеведения были вручены удостоверения.

Одним из первых вопросов Порховского общества краеведения было обращение от 13.09.2018 № 6432 в Государственный комитет Псковской области по охране объектов культурного наследия по вопросу оказания содействия в создании расчётного счёта для сбора средств в Фонде развития Псковской области «Святой равноапостольной княгини Ольги» на проведение ремонтно-реставрационных работ на объекте культурного наследия «Церковь Спаса» 1-й половины XIX в., который входит в состав объекта культурного наследия феде-

рального значения «Ансамбль зданий усадьбы Васильчиковых-Строгановых “Вольшово”»).

Своей главной задачей Общество ставит заботу о сохранении памятников культурного наследия Порховского района, изучение неизвестных страниц и пропаганду истории края.

Литература

1. *Кравецкий А. Г.* Евсеев Иван Евсеевич // Большая российская энциклопедия. Т. 35 / Гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

2. Краеведческие чтения. Материалы научной конференции. Порхов — Холмки, 2006. Псков 2007, С. 110–117.

3. Кронберг Валентин Иванович // У истоков Псковского краеведения: библиографический рекомендательный указатель литературы. Вып. 4 / Гос. ком. по культуре Пск. обл.; Пск. обл. универс. науч. б-ка / Сост. Е. Г. Киселёва, А. В. Филимонов. Псков: Логос, 2007. С. 35–37.

4. *Крылов А. Е.* Край между Псковом и Новгородом. Псков, 2013. С. 223, 255

5. *Лебедев Е. Е.* Город Порхов Псковской губернии: 1387–1887 (исторический набросок). Псков: Типография Псковского губернского правления, 1887. [2], 22.

6. *Лебедев Е. Е.* Порхов и его окрестности. Исторический очерк. Новгород, 1915

7. *Левин Н. Ф.* Семья Лебедевых в истории Порхова и Псковского края // Порхов и его уезд: сборник дореволюционных публикаций. Псков, 2005. С. 9–44.

8. Порхов и его уезд: сборник дореволюционных публикаций / Сост. и авт. вступ. ст. Н. Ф. Левин. Псков: Псковская областная типография, 2005. С. 462.

А. И. Кондратенко
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева, Россия.
E-mail: istorik57@yandex.ru

**«ВЫ ПРОБУДИЛИ В НАС ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ РОДНОГО
КРАЯ...» (ПСКОВИЧ И. Е. ЕВСЕЕВ И ЕГО КРАЕВЕДЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Рассмотрены биография выдающегося учёного И. Е. Евсеева, его вклад в изучение истории Орловского края и развитие краеведческой деятельности. Статья основана на публикациях журнала «Орловские епархиальные ведомости» начала XX в. и других источниках.

Ключевые слова: краеведение, Духовная семинария, церковная история, Псковская губерния, Орловская губерния.

Родившийся полтора века назад Иван Евсеевич Евсеев (1868–1921) вошёл в историю не только как выдающийся учёный и исследователь библейских текстов. Член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор, автор множества научных работ, трудясь на всероссийском поприще, он многое сделал и для развития исторических знаний в провинции. В частности, велика его заслуга в активизации краеведческой деятельности в Орловской губернии начала XX в.

Иван Евсеев родился 9 августа 1868 г. в крестьянской семье в дер. Суровино¹ Орловского уезда Псковской губернии. Окончил Псковское Духовное училище, затем Псковскую Духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную академию, причём окончил её в 1893 г. со степенью кандидата богословия (за сочинение «Лукиановская рецензия в славянском переводе») с правом получения степени магистра без нового устного испытания.

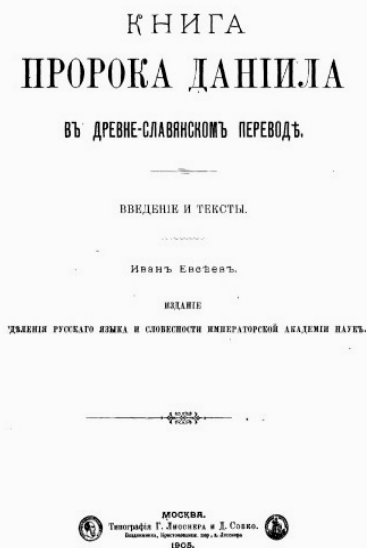
Работал помощником библиотекаря в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1895 г. совершил поездку на Восток для изучения рукописей библиотеки Александрийского патриархата в Каире. В 1897 г. Евсеев за сочинение «Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе» был удостоен степени магистра богословия.

В 1898 г. Евсеев был назначен смотрителем Московского Заиконоспасского училища. В 1902 г. он покидает первопрестольную и уезжает в древний г. Каменец-Подольский — служит здесь инспектором

---

¹ И. Е. Евсеев родился в дер. Чуравины Низы Орловского уезда (ныне Чур-Низ Славковской волости Порховского района) — см. с. 15 данного сборника.

Подольской Духовной семинарии, изучает старинные рукописи, архивные документы. Совместно с А. В. Михайловым начал работу над проектом по подготовке критического издания славянской Библии и изучение древнейших славянских переводов Библии. Но деятельность Евсева в западной губернии была недолгой. Уже в сентябре 1904 г. его назначают на аналогичную должность в Орловской Духовной семинарии. К этому времени Евсеев имел чин надворного советника, был награждён орденами Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени.

Рис. 1. Иван Евсеевич Евсеев и его сочинение «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе»

Инспектор являлся вторым лицом в семинарской иерархии после ректора: имея широкий круг полномочий, он был призван обеспечивать порядок и образцовый учебный процесс. Заметим также, что должность инспектора провинциальных семинарий нередко оказывалась ключевой для последующей духовной карьеры, — в своё время на этом посту служили известные архипастыри, в т. ч. будущие патриархи Тихон и Алексей I.

Но, по большому счёту, чисто семинарские заботы для Евсева были не на первом месте. Готовя к защите докторскую диссертацию,

максимум внимания он уделял изучению истории. И для приложения сил в Орле у него было немало возможностей. Так, уже за четыре года до приезда сюда будущего профессора, в сентябре 1900 г. был учреждён Орловский церковно-археологический комитет (ОЦАК).

Рис. 2. Орловская Духовная семинария

Созданию подобных учреждений способствовали характерное для русского общества того времени повышение интереса к отечественной истории, поворот философской мысли к православию. Необходимость объединения провинциальных исследовательских сил выявилась уже в ходе работы губернских учёных архивных комиссий (в Орле такая комиссия была создана одной из первых в России, в 1884 г.). В Орловской комиссии церковная тема традиционно выделялась как самостоятельное направление в работе, а Церковно-археологический комитет был по инициативе епископа Орловского и Севского Никанора по типовому уставу. Впоследствии почётное председательство стало традицией — эту миссию выполняли епископы Ириней, Кирион, Серафим, Александр. Почётным покровителем был митрополит Киевский и Галицкий Флавиан, а небесным покровителем был сочтён священномученик Кукуша, икона с мощами которого хранилась в архиерейском доме, где проходили заседания.

Спектр деятельности ОЦАК был многообразен: изучение и публикация рукописных материалов (систематизация архивов); изучение и описание вещественных памятников (обследование ризниц); описа-

ние архивов консисторий и монастырей; изучение отдельных событий, памятников, биографий; собирание вещественных памятников (комплектование музея); издательская деятельность; экспедиции по осмотру памятников (съёмка планов, зарисовка); археологические раскопки; пропаганда церковных праздников; музейные экскурсии для гимназий. Начинание Церкви было поддержано губернской администрацией, общественностью и Орловской Учёной архивной комиссией, многие члены которой вошли в ОЦАК и положили начало его работе.

Новый инспектор семинарии Евсеев сразу стал одним из самых активных членов ОЦАК (возглавил его музей), уже в апреле 1905 г. — кандидатом на принятие в Учёную архивную комиссию (ОУАК), а в июне принят в её состав. Евсеев выступил с инициативой существенно расширить функции ОЦАК, состав и род деятельности, для чего преобразовать его в Орловское Церковное Историко-археологическое общество (ОЦИАО). Он готовит новый устав и добивается его принятия. 27 августа 1905 г. Комитет был преобразован в Церковное Историко-археологическое общество. Евсеев тогда же был избран его первым председателем.

В течение 1905–1906 гг. состоялось 15 заседаний ОЦИАО, заслушано 20 докладов, причём Евсеев подготовил половину из них.

1. О болховском подвижнике XVIII в. Адриане (на основании рукописей Свенского монастыря).

2. Программа для собирания древностей в Орловской губернии.

3. Сообщение о Екатеринославском археологическом съезде.

4. О семинарском древнехранилище, переданном правлением Орловской духовной семинарии в музей общества.

5. Об акафисте в честь священномученика Кукши, составленном священником Соколовым и переданном на рассмотрение общества.

6. Обзор рукописей Свенского монастыря.

7. Общие условия изучения орловских церковных древностей с обзором древнейших местных памятников (домонгольского периода).

8. Вновь открытые памятники домонгольского периода, происходящие из Орловского края.

9. Древнейший письменный памятник орловского происхождения (Сказание о зачатии Свенского монастыря по рукописи Киево-Печерской лавры № 195 XVI в.).

10. Обзор рукописей собрания протоиерея И. В. Ливанского [11].

Ближайшими соратниками Евсеева были такие выдающиеся представители орловской интеллигенции, как товарищ (т. е. заместитель) председателя ОЦИАО И. М. Белоруссов (автор учебников словесности, в недавнем прошлом — директор Орловской мужской гим-

назии, в будущем — лауреат премии Академии наук), секретарь — редактор неофициальной части «Орловских епархиальных ведомостей», литературовед А. С. Светозаров, краевед и религиозный поэт протоиерей И. В. Ливанский (впоследствии возглавил ОЦИАО), военный историк и археолог В. Р. Апухтин (подробнее статью о нём см.: [4]).

Изучение старых рукописей было излюбленным делом Евсева. В Орле он подготовил целую серию обзоров по этой тематике (подробнейшие, содержащие множество интересных сведений, оценок, сделанные на самом высоком, абсолютно не провинциальном уровне обзоры были опубликованы и ныне вполне доступны заинтересованному читателю). Назовём ряд обзоров Евсева.

1. Рукописи древнехранилища при Орловской Духовной семинарии (книги с XV в.).

2. Рукописи Орловского Церковно-археологического музея (синодики, сборники похвальных слов, исторические описания монастырей, городов и уездов, послания).

3. Архив Орловского Церковно-исторического музея (царские грамоты, архивные дела).

Помимо работы с источниками и подготовки докладов и обзоров, Евсеев вёл самую активную работу ещё по нескольким направлениям: пополнение фондов, налаживание контактов с родственными учреждениями, археологические поиски, издательская деятельность. Расскажем о каждом из них подробнее. Так, многократно пополнились фонды ОЦИАО. Если к началу деятельности Евсева имелось чуть более 100 книг, менее 100 рукописей и архивных дел, то уже к концу 1906 г. эти цифры выглядели так: в музее более тысячи экспонатов, в библиотеке — более 500 томов, в архиве — около 200 дел.

От имени ОЦИАО Евсеев участвовал в XIII Екатеринославском археологическом съезде (август 1905 г.), заседании подготовительного комитета XIV Черниговского археологического съезда (Москва, 7–9 февраля 1906 г.), в III областном археологическом съезде во Владимире (20–26 июня 1906 г.). По его инициативе была создана Брянская Церковно-археологическая комиссия под руководством самого Евсева (в последующем была создана аналогичная комиссия ОЦИАО в Ельце).

Для развития археологической деятельности по приглашению Евсева весной 1906 г. в Орёл приехал Дмитрий Яковлевич Самоквасов, заслуженный профессор Московского университета, директор Московского архива министерства юстиции, известный археолог, соавтор первой в России официальной инструкции для проведения археологических работ. По подсчётам Самоквасова (черниговский уро-

женец, он не упускал из виду темы соседней Орловской губернии), на Орловщине насчитывалось 587 курганов и 80 городищ². 21 мая Самоквасов участвовал в совместном заседании ОЦИАО и ОУАК, утвердил план изучения курганных раскопок в Орловском крае. А уже 11–16 июня 1906 г. состоялась первая археологическая экскурсия ЦИАО для раскопок курганов и городищ в области вятичей по указанному плану: «В экскурсию входили председатель общества И. Е. Евсеев, товарищ председателя И. М. Белоруссов, протоиерей И. В. Ливанский, член Императорского Археологического института поручик В. Р. Апухтин и двое любителей не из состава Общества. Раскопки были произведены в Трубчевском уезде у деревень Святое и Салтыковка (курганы), в Севском уезде у села Борщево и того же уезда в Орловской экономии Великого Князя Михаила Александровича (в последних двух пунктах раскопаны были городища)»³. Отмечая, что выводы делать преждевременно, Евсеев всё же подытоживал: «Доисторические насельники Орловского края были разнообразны и, может быть, разрозненны: в небольших начальных пробах в области раскопок можно находить уже не менее 5–6 культур»⁴. Это наблюдение было весьма важно для «самопознания» орловцев. Ведь примерно в это же время в статье «Кто были первые насельники Орловского края — вятичи? (Вопрос о племенном происхождении вятичей)»⁵ по поводу книги П. И. Якобия «Вятичи Орловской губернии» Евсеев солидаризировался с автором в том, что вятичи были финским племенем. Однако последующие раскопки (особенно в 1907 г.) постепенно убедили исследователя в том, что финское племя было лишь предшественником вятичей⁶.

Самая разнообразная информация о работе Общества, результаты исследований регулярно печатались в журнале «Орловские епархиальные ведомости», в 1905–1906 гг. вышли два выпуска сборника Общества, подготовлен к печати третий. В сборниках были собраны бесценные описания ныне утраченных рукописей из епархиальных древнехранилищ, опубликованы значительные дополнения к ранее изданным материалам по истории церквей и монастырей, введены в научный оборот уникальные документы, описаны ныне не существующие иконы («Взыскание погибших», Болховский тип), помещены ис-

² Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 34. С. 936. Отд. неоф.

³ Там же. С. 936.

⁴ Там же. С. 939.

⁵ Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 33, 36.

⁶ Орловские епархиальные ведомости. 1907. № 37. С. 702. Отд. неоф.

следования по старообрядчеству, данные о хозяйственной деятельности монастырей, палеографические заметки, воспоминания и другие материалы. Под редакцией Евсеева вышел из печати первый том фундаментального «Исторического описания церквей, приходов и монастырей Орловской епархии» (Орёл, 1905).

Как уже упоминалось, в то время Евсеев готовил к защите докторскую диссертацию на тему «Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе». Защита прошла успешно, 9 июня 1906 г. Санкт-Петербургская Духовная академия присудила ему учёную степень доктора богословия, а 3 ноября того же года он был назначен в Академию доцентом кафедры гомиластики и истории проповедничества. 9 ноября Евсеев ушёл с поста председателя ОЦИАО⁷. Орёл тепло прощался с энтузиастом изучения старины и краеведения. Вечером 19 ноября в Духовной семинарии состоялось чествование коллеги и наставника, в котором приняли участие не только представители Орловской и Севской епархии, семинарии, но и краеведы, историки, преподаватели учебных заведений Орла [12].

А. В. Успенский от имени сотрудников семинарии произнёс речь: «Наша совместная служба с Вами продолжалась недолго. Всего два года прослужили вы в Орловской семинарии в должности инспектора, но и это короткое время с полной определённой успело выяснить, какого деятельного и энергичного работника имела в вашем лице наша семинария и какого просвещённого и твёрдого в своих убеждениях сотрудника имела наша корпорация».

Затем был зачитан памятный адрес от ЦИАО, проект которого составил И. М. Белоруссов: «По прибытии в Орёл вы застали наше Церковно-археологическое общество ещё младенцем, едва начинавшим ходить при неопытных няньках и малосведущих пестунах; по простотии каких-нибудь двух лет вы умелым руководством и неустанными личными заботами превратили этого младенца в зрелого юношу, переименовав скромный наш комитет в теперешнее Церковно-археологическое общество с присвоением ему всех прав, какими пользуются другие учёные археологические общества. И сделано это было вами не по тщеславной прихоти и не по родительской снисходительности к своему детищу, а в полной и убеждённой уверенности, что питомец ваш оправдает возлагаемые на него надежды и что вы обладаете несомненными средствами держать его на высоте, достойной нового наименования.

Благодаря вашей личной настойчивости и пожертвованиям мы имеем теперь в музее своём богатые археологические сокровища, как

⁷ Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 46. С. 1277. Отд. неоф.

вещественные, так и письменные, которые без вас, может быть, навсегда погибли бы для науки вообще и для истории Орловского края в частности.

Благодаря личному вашему влиянию библиотека нашего общества наполнилась такими ценными изданиями, которые составляют теперь библиографическую редкость и которые между тем на каждом шагу необходимы для всякого, занимающегося археологией.

Скромная роль ваша в Орле не соответствовала учёному вашему положению, негде здесь было ни проявить вам вполне своего таланта, ни приложить к делу обширных знаний ваших».

С большой речью (практически это было оглашение второго памятного адреса от ЦИАО) выступил протоиерей И. В. Ливанский: «Трудно и представить, как тяжело нам, членам Орловского Церковно-археологического общества, расставаться с вами, со своим бывшим и едва ли когда кем заменимым председателем и навсегда почётным членом. Трудно и представить, как много наше общество теряет, разлучаясь с вами. Вместе с тем также трудно и представить, как много в сравнительно короткое время сделали вы истинно полезного для нашего общего дела, для церковно историко-археологического дела... Вы объединили вокруг себя многие незатронутые дотоле местные силы, вызвав их своим энергичным почином как бы из апатичной дремоты к бодрому и трезвенному труду на излюбленном вами поприще. Во всех нас вы возбудили какую-то особенную, дотоле нами как бы не замечаемую в самих себе любовь к истории родного края, к его заветной старине... Вы мощно заставили всех нас бережно дорожить ею много более того, чем мы дорожили ею до вашего благодетельного общения с нами. При этом вы энергично приняли меры к тому, чтобы явить нам воочию, показать наглядно ту самую старину, о которой мы до сих пор имели по большей части лишь смутные представления... Вы приложили все свои старания, все свои богатые научные силы к тому, чтобы церковная история и археология Орловского края стали, наконец, на той достойной высоте, на которой им подобало стоять уже давно, давно... Мы всегда с любовью и полным к вам сочувствием будем напряжённо следить за вашим восхождением от силы в силу и сорадоваться вам, как нашему родному, всегда и везде для нас близкому».

А. С. Светозаров прочитал памятный адрес Брянской Церковно-археологической комиссии, где подчёркивалось: «Вы первый обратили своё просвещённое и опытное внимание на Брянскую старину, открыв в Брянске церковно-археологическую комиссию Орловского Церковно-археологического общества. Этим вы положили первое начало изучению и сохранению древних церковных памятников в Брянске».

Адрес от ГУАК огласил В. М. Турчанинов: «Мы все привыкли любить вас и относиться к вам с большим почтением. Я смело могу сказать, что с вашим появлением ожила деятельность Архивной комиссии. Вместе с покойным А. Н. Шульгиным вы указывали нам тот настоящий путь, по которому должна идти Архивная комиссия, и за то вам большое спасибо».

Ректор Орловской семинарии, соученик Евсеева по Псковской семинарии В. А. Сахаров выразил Евсееву благодарность за то, что в течение двух лет своей инспекторской службы он «всегда действовал умиротворяющим образом и сохранял порядок и спокойствие в бурное время». Участники проводов пропели «многая лета» несколько раз, а сам виновник торжества искренне благодарил товарищей и коллег, пожелав Орловскому Церковно-археологическому обществу развиваться и процветать.

Переехав в Санкт-Петербург, Евсеев быстро рос в чинах: после недолгого пребывания в должности доцента он — сверхштатный профессор, с 1907 г. — ординарный профессор, с 1909 г. — редактор журнала «Церковный вестник», в сентябре того же года возглавил кафедру русского и церковнославянского языков и истории русской литературы Санкт-Петербургской Духовной академии.

Несмотря на огромную занятость, Евсеев находил время для продолжения сотрудничества с орловским краеведческим сообществом. Так, в отчёте о деятельности ОЦИАО за 1906–1907 гг. указывалось, что он проводил раскопки в районе Брянска совместно с Ливанским, Белоруссовым, Апухтиным, в 1907 г. подготовил статьи о неизвестном Брянском епископе Фёдоре Святом (в отчёте отмечалось: «Статья имеет громадное значение, раскрывая перед исследователями местной старины новые горизонты в области агиографии»⁸) и об археологических поисках в Орловском крае летом 1907 г.⁹ Статья «Археологические поиски в Орловском крае летом 1907 года»¹⁰ появилась на страницах епархиального журнала в начале осени того же года. Евсеев указывал в ней, что раскопки проводились по поручению Императорского Московского Археологического общества: «Мною подвергнуты исследованию по рекам Оке, Цону и Зуше следующие места»¹¹ (далее было перечислено полтора десятка городищ и курганов). «Отлагая подробный отчёт о раскопках до другого места», Евсеев делился с

---

⁸ Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 2. С. 51. Отд. неоф.

⁹ Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 1. С. 14, 15. Отд. неоф.

¹⁰ Орловские епархиальные ведомости. 1907. № 37. С. 687–702. Отд. неоф.

¹¹ Там же. С. 690.

читателями некоторыми итогами: «В Орловском крае центром расселения вятичей был Болховский уезд, откуда поселения их двигались вверх по Оке в Мценский и Орловский уезды»¹², «Человек каменного периода прошел в нашем крае последовательно значительную школу первобытного искусства ... Он знал орудия охоты, рыбной ловли, войны и, по-видимому, земледелия»¹³.

В отчёте о деятельности ОЦИАО за 1906–1907 гг. было особо выделено: «Почётный член общества, профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. Е. Евсеев не оставлял принимать деятельное участие во внешнем руководствовании делами общества своими просвещёнными советами и указаниями, как посредством писем из Петербурга и других мест своего пребывания, так и лично в свой летний приезд в Орёл для учёных в оном работ и для археологических экскурсий в разные местности Орловского края»¹⁴. Евсеев зарисовывал достопримечательные места, снимал их планы, подготовил для публикации «Воспоминания о Севской (Орловской) бурсе 1807–1816 гг., записанные её учеником, покойным протоиереем Стефаном Егоровичем Родосским», а также ещё несколько выпусков «Обзоров рукописей...».

Наряду с преподаванием в академии Евсеев много времени уделял науке, поставив перед собой цель подготовить авторитетное научное издание церковнославянской Библии и способствовать тем самым изданию нового русского её перевода. В 1910 г. он принял участие в работе Международной комиссии по критическому изданию Септуагинты (Септуагинта — «перевод семидесяти старцев», первый перевод Ветхого Завета на древнегреческий язык — *А. К.*), возглавляемой А. Ральфсом, подготовил каталог славянских библейских текстов и дал описание четырёх тысяч славянских манускриптов Священного Писания.

Как уже отмечалось, ещё в самом начале XX в. Евсеев начал работу над проектом по подготовке критического издания славянской Библии. Его увлекла гипотеза Пауля Антона де Лагарда о существовании трёх редакций греческого библейского текста и о том, что славянская Библия опирается на так называемую Лукиановскую редакцию, распространённую в Сирии и Константинополе.

Более десятка лет Евсеев пытался найти финансирование, необходимое для реализации проекта. Евсеев считал, что эту работу непременно должна была возглавить Санкт-Петербургская Духовная акаде-

---

¹² Там же. С. 701.

¹³ Там же. С. 702.

¹⁴ Орловские епархиальные ведомости. 1908. № 2. С. 50. Отд. неоф.

мия. В течение ряда лет Синод колебался и не принимал решения. В 1911 г. Евсеев представил в Синод одобренный Советом Санкт-Петербургской Духовной академии подробнейший проект научного издания славянской Библии. Проект был рассчитан на шесть десятилетий (!).

Увы, Синод не смог конструктивно откликнуться на это предложение, начались всевозможные проволочки. Однако и им вскоре пришёл конец — научный авторитет Евсеева стал так велик, что игнорировать его мнение было невозможно. Перечислим основные «регалии» Ивана Евсеевича. Он был действительным членом Московского Археологического общества, Общества истории и древностей российских при Московском университете (с 24 апреля 1912 г.), Московского Археологического института (с 20 августа 1907 г.), Подольского Церковного Историко-археологического общества, Русского Окраинного общества (с 22 декабря 1908 г.), Витебской Учёной Архивной комиссии (с 31 мая 1909 г.), Комиссии описания Синодального архива (с 7 декабря 1912 г.); участвовал в трудах образованной 17 февраля 1907 г. Комиссии для исправления славянского текста богослужебных книг, председателем которой был архиепископ Финляндский Сергей (будущий патриарх — А. К.). Почётным членом Евсеева избрали Орловское Церковное Историко-археологическое общество, Псковский Церковный Историко-археологический комитет, Черниговское епархиальное древнехранилище (15 декабря 1909 г.), Воронежский Церковный Историко-археологический комитет (3 сентября 1912 г.), Елецкое отделение Орловского Церковного Историко-археологического общества (8 января 1912 года), Московский Археологический институт (28 марта 1914 года), Петроградский Археологический институт (12 декабря 1914 г.). 15 октября 1910 г. Отделением русского языка и словесности Академии наук он был удостоен золотой медали имени профессора А. А. Котляревского за критический разбор сочинения Г. А. Воскресенского о древнеславянском Апостоле, в 1914 г. избран членом-корреспондентом Академии наук по отделению литературы и языка.

В итоге в 1915 г. при Петроградской Духовной академии была создана Библейская комиссия, а Евсеев назначен председателем Комитета по научному изданию Библии. Он впервые определил те редакции греческого текста Библии, которые легли в основу древнейших славянских переводов, установил характерные языковые черты кирилловского, мифодиевского и симеоновского переводов; создал научную историю библейского текста у южных, восточных и западных славян, выработал принципы научного издания славянских библейских текстов.

Евсеев пришёл к выводу о необходимости критического издания славянской Библии (подробнее см. [7]).

В 1917 г., обращаясь от лица Библейской комиссии к Всероссийскому Поместному Собору, Евсеев заявил: «Пред Русскою Церковью по отношению к Библии стоит масса непорешённых вопросов». Он выдвинул идею создания Библейского совета, занимающегося пересмотром и исправлением славянского и русского переводов Священного Писания.

Евсеев имел большую семью (12 человек) и после революции находился в бедственном положении. В 1918 г. переехал на жительство с семьёй из Петрограда в село Каменка Порховского уезда Псковской губернии, одним из поводов переезда было приглашение участвовать в организации Народного университета в Порхове (в итоге этот проект не был осуществлён). После завершения сезона полевых работ Евсеев неоднократно приезжал на короткое время в Петроград для научных занятий (в 1918–1921 гг. он был научным сотрудником Отделения русского языка и словесности Академии наук) и постоянно выражал готовность принимать участие в работе Библейской комиссии, если ему обеспечат минимальные средства к существованию.

И. Е. Евсеев скоропостижно скончался от воспаления уха 4 августа 1921 г. (по другим сведениям — 7 или 17 августа).

Многолетний труд выдающегося учёного не остался в забвении. Его материалы и принципы публикации библейских текстов были использованы в работе Славянской библейской комиссии при Международном Комитете славистов, созданной в сентябре 1988 г. Жизни и деятельности Ивана Евсеевича Евсеева посвящён целый ряд публикаций ([2; 3; 6–9] и др.), его биография помещена в краеведческих справочниках, изданных в последние годы в Орле [1; 10].

Литература

1. Деятели книжной культуры Орловского края: библиографический словарь / Сост. Р. И. Реуцкая, В. Г. Сидоров. Орёл, 2003. С. 43–46.

2. Евсеев Иван Евсеевич // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 г.: энциклопедия. Т. 2. М., 1996. С. 121–122.

3. Евсеев Иван Евсеевич // Христианство: энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. С. 520.

4. *Кондратенко А. И.* Всеволод Апухтин — археолог, историк, краевед, музейный деятель // Седьмые (VII) Псковские Международ-

ные краеведческие чтения. Том II / Под ред. Т. В. Вересовой и А. Г. Манакова. Псков, 2017. С. 165–172.

5. *Крылов А. Е.* Край между Псковом и Новгородом. Псков. 2013. С. 223.

6. *Логачёв К. И.* Евсеев Иван Евсеевич // Славяноведение в до-революционной России: биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 254.

7. *Логачёв К. И.* Профессор И. Е. Евсеев // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 12. С. 64–67.

8. *Логачёв К. И.* Труд профессора И. Е. Евсеева по истории славянской Библии // Журнал Московской Патриархии. 1972. № 8. С. 76–77.

9. *Немировский Е. Л.* Евсеев Иван Евсеевич // Книга: энциклопедия. М., 1999. С. 207.

10. Орловские краеведы: Краеведческие записки: Сб. Вып. 4 / В. П. Еремин. Орёл, 2005. С. 129–131.

11. Отчёт о деятельности Орловского Церковного Историко-археологического общества за 1905–1906 гг. // Орловские епархиальные ведомости. 1907. № 4. С. 100. Отд. неоф.

12. Чествование бывшего инспектора Орловской Духовной семинарии И. Е. Евсеева // Орловские епархиальные ведомости. 1906. № 48. С. 1311–1325. Отд. неоф.

**ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ
РОДОСЛОВНОЙ XVIII — НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ
ПРИГОРОДА ИЗБОРСК)**

Представлен обзор архивных документов, хранящихся в фондах Государственного архива Псковской области (ГАПО) и содержащих, в той или иной мере, данные генеалогического и биографического характера. К ним относятся в первую очередь учётные документы церковного происхождения, документы статистического учёта, судебная документация. Результаты данного исследования могут быть полезны для работы пользователей архивной информации — исследователей, занимающихся генеалогическими изысканиями на основе архивных документов

Ключевые слова: архивные фонды, генеалогия, Изборск, обзор, родословная.

Во все времена человечество интересовалось своими корнями, своими предками. Интерес к прошлому своей семьи вполне объясним, так как большинство знает о своих родных не далее двух предыдущих поколений. Но сейчас есть возможность погрузиться в историю своей семьи, проведя самостоятельное исследование или заказав его у специалистов. Особый интерес к истории своей семьи можно проследить по обращениям граждан в Государственный архив Псковской области (ГАПО) с целью проведения генеалогических исследований. В 1990-е гг. таких обращений было не более 5 в год, а в 2010 г. их насчитывалось более 100. Также участились обращения исследователей для самостоятельной работы в Читальном зале.

В данном обзоре даются сведения о составе и содержании документов для проведения генеалогического исследования за период XVIII в. до начала XX в. на примере пригорода Изборск.

Собрав предварительную информацию о датах рождения и месте проживания своих предков, исследователь истории семьи начинает работу с архивными документами.

Основные документальные комплексы содержатся в фондах учреждений духовного ведомства, статистики, финансово-налоговых и

кредитных учреждений, учреждений государственной власти и ряде других, а основными источниками являются метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки, переписные листы, родословные книги, формулярные списки, списки купцов [12].

Наиболее массовыми и важными документами при выявлении информации для составления родословных среди документов церковного происхождения являются метрические книги, большая часть которых сосредоточена в архивных фондах «Псковская духовная консистория» (Ф. 39) и «Коллекция метрических книг» (Ф. 867). Данный вид документов позволяет проследить историю семьи независимо отсловия, и выявить сведения о рождении (с указанием даты рождения и крещения, имен и отчеств родителей, их социальной принадлежности, а также данные о приемниках), бракосочетании (с указанием времени венчания, отчества жениха и невесты, а также их возрасте) и смерти (с указанием времени и причины смерти, возраста умершего, а также места захоронения).

Но для работы с архивными документами необходимо на первом этапе сделать хронологическую и географическую привязку имеющегося материала к архивным документам, ввиду чего необходимо знать время и место проживания предков на территории Псковской губернии. Для этого необходимо воспользоваться справочниками по административно-территориальному делению Псковской губернии. В нашем случае это «Список населённых мест Псковской губернии по сведениям 1872–1877 гг.» [10] и «Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии» за 1882 г., из которых узнаем, что на территории пригорода Изборск в середине XIX в. располагались четыре церкви: «1-я соборная во имя свят. Николая, <...>, к ней приписана церковь во имя препод. Сергия Радонежск., <...>; 2-я <...> в честь Рождества Богородицы и приписанная к ней <...> во имя святит. Николая» [11].

Проблема работы с метрическими книгами указанных церквей заключается в том, что представлены они фрагментарно. В большинстве метрических книг церковью Псковского уезда во внутренних описях начала XIX в. эти церкви значатся, но книг в делах не имеется. Таким образом, о жителях пригорода Изборск за этот период можем выявить только единичные записи, например, по метрическим книгам Николаевской с Городища церкви за 1822 г. [7], Николаевской соборной церкви за 1830 и 1832 гг. Метрические книги за период с 1867 по 1918 гг. представлены Николаевской соборной и Богородицкой церквями практически в полном объёме, что позволяет успешно выявлять метрические данные о жителях Изборска за этот период.

Таблица 1

Метрические книги Николаевской соборной церкви пригорода
Изборск XIX в. — начала XX в.

год	фонд	опись	дело
1830	39	1	4708
1832	39	1	4711
1868–1872	39	16	2
1873–1877	39	16	3
1878–1882	39	22	116
1883–1887	39	22	117
1891–1894	39	22	479
1895–1896	39	22	555
1897–1898	39	22	681
1899–1900	39	22	850
1901–1902	39	22	954
1903–1904	39	22	1051
1905–1906	39	22	1187
1907–1908	39	22	1339
1909–1912	39	22	1459
1913–1914	39	22	1617
1915–1916	867	1	295
1917–1918	867	1	296

Таблица 2

Метрические книги церкви Рождества Пресвятой Богородицы
пригорода Изборск XIX в. — начала XX в.

год	фонд	опись	дело
1877–1880	39	22	114
1881–1886	39	22	115
1892–1893	39	22	554
1895–1896	39	22	623
1897–1900	39	22	849
1901–1903	39	22	1050
1904–1906	39	22	1343
1907–1909	39	22	1338
1910–1912	39	22	1457
1913	39	22	1616
1914–1915	39	22	1616a
1916–1918	867	1	294

Таблица 3

Исповедные росписи церквей пригорода Изборск XIX — начала XX в.

Название церкви	фонд	опись	дело (год)
собор Святителя и Чудотворца Николая	39	1	3880(1800), 3881(1801), 885(1802), 3889 (1805), 3891(1806), 894(1807), 3896(1808), 3897(1809), 899(1810), 3901(1811), 3903 (1812), 905(1813), 3907(1814), 3909a(1815), 3913(1816), 3914(1817), 3916 (1818), 3919 (1820), 3923 (1822), 3924(1823), 3925(1825), 3926(1826), 3927(1827), 3928(1828), 3929 (1829), 3930(1830), 3933(1831), 3935(1832), 3936(1833), 3937(1834), 3938(1835), 3939(1836), 3940(1837), 3941(1838), 3942(1839), 3944(1841), 3946(1842), 3947(1843), 3948 (1844), 3949(1845), 3951(1846), 3954(1847), 3957(1849), 3959(1850), 3962(1851), 3965 (1852), 3969(1853), 3971(1855), 3973(1858), 3975(1863)
церковь Святого Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца	39	1	3880(1800), 3881(1801), 3889(1805), 3891(1806), 3894(1807), 3896(1808), 3897(1809), 3899(1810), 3901(1811), 3903(1812), 3905 (1813), 3907(1814), 3913(1816), 3914(1817), 3918(1819), 3919(1820), 3923(1822), 3924 (1823), 3925(1825), 3926(1826), 3927(1827), 3928(1828), 3929(1829), 3930(1830)
церковь Рождества Пресвятой Богородицы	39	1	3880(1800), 3881(1801), 3885(1802), 3889(1805), 3891(1806), 3894(1807), 3896(1808), 3897(1809), 3899(1810), 3901(1811), 3903(1812), 3905(1813), 3907(1814), 3913(1816), 3914(1817), 3919(1820), 3923(1822), 3924 (1823), 3925(1825), 3926(1826), 3927(1827), 3928(1828), 3929(1829), 3930(1830), 3933 (1831), 3935(1832), 3936(1833), 3937(1834), 3938(1835), 3939(1836), 3940(1837), 3941 (1838), 3942(1839), 3944(1841), 3946(1842), 3947(1843), 3949(1845), 3951(1846), 3954 (1847), 3957(1849), 3959(1850), 3962(1851), 3965(1852), 3969(1853), 3971(1855), 3973 (1858), 3975(1863)
церковь Святителя и Чудотворца Николая с Городища	39	1	3880(1800), 3881(1801), 3889(1805), 3891(1806), 3894(1807), 3896(1808), 3897(1809), 3899(1810), 3901(1811), 3903(1812), 3904(1813), 3913(1816), 3914(1817), 3923(1822), 3924(1823), 3925(1825), 3926(1826), 3927(1827), 3928(1828), 3929(1829), 3930(1830)

Особое место при изучении истории семьи отводится документам церковного учёта населения — исповедным росписям. Они также сосредоточены в архивном фонде «Псковская духовная консистория» (Ф. 39). Данный вид документов позволяет проследить возраст и родственные отношения членов семьи. Отметим, что с начала XVIII в. до 1830 г. в архиве представлены исповедные росписи всех вышеуказанных церквей Изборска. Первые исповедные росписи Николаевской соборной церкви имеются за 1730 г., Богородицкой — за 1733 г. и Сергия Радонежского — за 1741 г. [6].

В 1831 г. к Николаевской соборной церкви была приписана церковь Сергия Радонежского, а к церкви Богородицкой — Николаевская с Городища [9], ввиду чего более поздние росписи содержат сведения только двух приходских церквей. Последние росписи этих церквей сохранились за 1863 г. Официально исповедные росписи составлялись до 1917 г., но согласно бюллетеню Центрархива РСФСР от 25 мая 1927 г., начиная с 1865 по 1917 гг. подлежали уничтожению. Однако ценность данного вида документов, как важнейшего источника для генеалогических изысканий, не теряется.

Ещё один вид документов церковного делопроизводства, являющийся незаменимым источником информации по генеалогии духовенства — клировые ведомости. Послужные списки духовенства пригорода Изборск представлены с конца XVIII в. до 1914 г. и содержат следующие сведения: фамилию, имя, отчество членов причта, дату рождения (на основании метрических свидетельств), семейное положение, наличие детей, сословие, образование, место службы, должность, награды, владение землёй и недвижимостью.

Самые ранние сведения о службе лиц духовного сословия церквей Богородицкой, Николаевской с Городища и церкви Сергия Радонежского можно выявить за 1794 г. [3], Николаевской соборной церкви за 1798 г. [4]. Последняя клировая ведомость со сведениями о священнослужителях Никольской соборной и Богородицкой церквей относится к 1914 г. [5]. Кроме того, информация о священнослужителях имеется в издании «Псковские епархиальные ведомости» за 1894–1917 гг.

Среди документов статистического учёта, содержащих генеалогическую информацию, можно выделить ревизские сказки. Они хранятся в фонде «Казённая палата Псковской губернии» (Ф. 58) и «Псковское наместническое правление» (Ф. 74). Эти документы представляют собой поимённые списки населения, в которых перечислялись все члены семей или отдельные лица, жившие на определённой территории. Ревизские сказки позволяют установить сословную при-

надлежность лица, подающего сказку, а также сведения обо всех лицах мужского и женского пола (имя, отчество, фамилия (при наличии), семейное родство, возраст, сословная принадлежность, место постоянно жительства, причисленные и выбывшие члены семьи).

Информация о податном населении Изборска представлена 6-й (1811 г.), 7-й (1816), 8-й (1833 г.), 9-й (1850 г.) и 10-й (1858 г.) ревизиями. В документах последней ревизии за 1858 г. отображены сведения о жителях Изборской волости, в т. ч. данные о крестьянах Изборского сельского общества, проживающих в пригороде Изборск в количестве 171 муж. пола и 202 жен. пола [8].

Также в фонде «Казённая палата Псковской губернии» имеются дела об изменении сословной принадлежности (свидетельства о причислении к безземельным крестьянам Изборской волости) и местожительства (списки крестьян Изборской волости о переселении в Енисейскую, Тобольскую губернии), списки рекрутов за конец XIX — начало XX вв.

Метрические книги, исповедные росписи и ревизские сказки позволяют выстроить основу родословного исследования. Чтобы дополнить его, необходимо обратиться к ряду других фондов, которые содержат самую разнообразную информацию.

В фондах местных органов государственной власти и управления также можно выявить информацию о жителях пригорода Изборск. Так, например, в фонде «Канцелярия Псковского губернатора» (Ф. 20) имеются заявления крестьян, работающих на строительных работах Изборского оборонительного рубежа за 1915 г. [1], списки рабочих, находящихся на работах по укреплению оборонительных позиций Изборского участка армии Северного флота за 1916–1917 гг. [2].

Дела о продаже и разделе земельных владений, о наследственных и земельных спорах, о взыскании денег, розыске крестьян содержатся в документах фондов органов суда и прокурорского надзора: «Псковская палата гражданского суда» (Ф. 55), «Псковская палата уголовного суда» (Ф. 59), «Псковский губернский прокурор» (Ф. 370). Отметим, что документы судебных учреждений отличаются большим информативным разнообразием. Кроме основных биографических данных (имена и отчества, возраст, местожительство), дополнительно даются описания внешности, отдельных черт характера, описываются события повседневной жизни и т. д.

Сведения о закреплении земли за крестьянами Изборской волости, о выдаче удостоверительных актов, о разделе имущества, о продаже земли, о переселении в Сибирь, а также описи имущества крестьян

отложились в фонде «Уездный съезд земских начальников Псковского уезда» (Ф. 108) за 1893–1917 гг.

В фондах межевых и землеустроительных учреждений: «Межевая контора Псковской губернии» (Ф. 38), «Псковская губернская чертежная» (Ф. 196), «Псковская губернская землеустроительная комиссия» (Ф. 32) хранятся межевые книги и планы пригорода Изборск, а также владенные записи деревень Изборской волости — это документы имущественного характера, дающие детальную информацию о размерах и границах земельных владений, а также в качестве владельцев перечисляются члены семьи с указанием их местожительства за конец XIX — начало XX вв.

Дела о выдаче ссуд крестьянам Изборской волости на покупку земли, об осмотре и оценке покупаемой крестьянами земли, а также планы земельных участков содержатся в фонде «Псковское отделение крестьянского поземельного банка» (Ф. 35) за 1882–1917 гг.

Документы персонального учёта военнослужащих и военнообязанных — такие, как заключения о переосвидетельствовании новобранцев Изборской волости, об исполнении и освобождении от воинской повинности, — представлены в фондах «Псковское губернское рекрутское присутствие» (Ф. 89) за 1828–1873 гг. и «Псковское губернское по воинской повинности присутствие» (Ф. 77) за 1873–1919 гг.

Не можем обойти вниманием тот факт, что материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., являющиеся одним из важнейших источников генеалогических исследований, по пригороду Изборск не сохранились.

В соответствии с условиями Тартуского мирного договора от 2 февраля 1920 г. Изборск перешёл в состав Эстонской Республики, с образованием 23 августа 1944 г. Псковской области в её состав была включена Изборская волость, ввиду чего сведения генеалогического характера о жителях Изборска в фондах Государственного архива Псковской области за данный период не отложились.

Таким образом, краткий обзор основных видов документов ГАПО, материалы которых используется при составлении родословных, представляет собой подборку наиболее значимых и информационно насыщенных источников генеалогической информации на примере пригорода Изборск.

Архивный поиск — занятие увлекательное и по большей части непредсказуемое: неизвестно, куда может зайти Ваше исследование. Даже документы, которые содержат отдельные сведения биографического характера, при соответствующем анализе и сопоставлении, мо-

гут дать новые неожиданные направления в изучении истории семьи, и этот увлекательный процесс может стать бесконечным.

Литература

1. ГАПО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3201.
2. ГАПО. Ф. 20 Оп.1 Д. 3251.
3. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1082. Л. 5–10.
4. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1084. Л. 18–22.
5. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1242. Л. 281–309.
6. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 1941, 1942, 1943.
7. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 4704.
8. ГАПО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 1890. Л. 516 об.–541.
9. Псковский паломник. Храмы Псковского уезда Псковской губернии. Вып. 2 / Сост. Н. В. Коломыцева. Псков, 2009. С. 64, 72.
10. Список населённых мест Псковской губернии по сведениям 1872–1877 гг. СПб., 1885. С. 44.
11. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губ. / Сост. И. И. Василёв. Псков, 1882. С. 120, 121.
12. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию // Вестник архивиста. № 46–59. 1998–1999 гг.

ИЗ ОПЫТА КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО МОЛОДЁЖНОГО ЦЕНТРА

Рассказывается о мероприятиях, проводимых среди молодёжи с целью воспитания в ней интереса к истории родной стороны и страны, ибо только знание истории, своих корней позволяет привить любовь к своему отчому дому, малой родине и в итоге — Отечеству.

Ключевые слова: молодёжь, экскурсии, интерес, история, духовность, малая родина, Отечество.

Псковская, как и российская молодёжь, переживает в настоящее время духовно-нравственный кризис, потерю ценностных ориентиров в жизни. Сложившееся положение является отражением перемен, произошедших в общественном сознании и государственной политике за последнее время.

Вопреки последним изменениям в культурной политике государства, общество лишилось официальной идеологии, общественно-духовных и нравственных идеалов. Сведёнными к минимуму оказались духовно-нравственные, обучающие и воспитательные, познавательные функции действующей системы образования, в т. ч. практически нулевые знания истории — как России, так и своей малой родины.

В рамках проекта «Псковская земля» МБУ «Псковский городской молодёжный центр» организует ежемесячные, бесплатные для молодёжи, православно-краеведческие поездки по святым и историческим местам Псковской области.

За текущее время участники поездок посетили все действующие монастыри Псковской области: Мирожский и Снетогорский, Савва-Крыпецкий и Спасо-Елиазаровский, Никандрову пустынь и Свято-Введенский, Псково-Печерский и Святогорский, Творожковский и Симанский, а также такие особо почитаемые исторические места, как Талабские острова в Псковском озере, музеи-усадьбы Н. А. Римского-Корсакого и М. П. Мусорского, г. Гдов с дер. Кярово (помесье П. П. Коновницына, героя 1812 г.), Трутневы пещеры в Гдовском районе, Выбуты — родину княгини Ольги, село Клин — родину Святейшего Патриарха Тихона Беллавина, Струги Красные с дер. Посолоди-

но (где находятся Новые пещеры бывшего Успенского монастыря), г. Остров с Краеведческим музеем и «линией Сталина».

Помимо этого, были посещены краеведческие музеи с экскурсиями по городам и районам: Пыталовскому, Палкинскому, Порховскому, Дновскому, Опочечкому, Новоржевскому, Бежаницкому, Себежскому, Пустошкинскому, Невельскому и Новосокольническому. Были совершены пешие экспедиции к устью реки Великой, к Старому Изборску, Мальской долине и в село Камно.

Рис. 1. Городские экскурсии

Всего за 7 лет было организовано порядка 75 бесплатных поездок и пеших экскурсий, в них задействовано порядка 2500 чел. Например, путешествие по северному направлению Псковской земли — Гдовскому району — по продолжительности, количеству объектов показа, а также глубине познания можно назвать одним из самых содержательных и интересных. Вместо обычных 4–5 часов поездка заняла 11 часов. За это время участники преодолели на автобусе в общей сложности около 280 км, а из-за распутицы — ещё и пешком около 4-х км. Молодёжная экспедиция посетила деревню Кярово, город Гдов, деревни Ветвенник и Трутнево, на обратном пути — Спасо-Елиазаровский монастырь.

Подобные ежемесячные православно-краеведческие поездки, где ребята познают историю своей малой родины и культуру Православия, общаются с духовенством, музейным сообществом и интересными людьми, позволяют переосмыслить ценности жизни молодого поколения, понять красоту различных национальных культур и традиционных вероисповеданий России, оценить вклад многонациональных племён на территории Псковского края, внесённый в уникальную историю Псковской земли X–XX вв.

Рис. 2. Экскурсии на севере Псковской области: слева — в Гдовском районе (Трутневы пещеры), справа — в Стругоокрасненском районе

Всего в мероприятиях приняло участие около 20 % всей молодёжи города, но даже они не посетили всех достопамятных мест Псковской области, т. к. в поездки записывались чаще всего новые люди, а муниципальное задание и скромность бюджета не позволяют нашему Центру предоставлять молодёжи более частые и продолжительные экскурсии.

Накопленный опыт позволяет нам актуализировать значимость проведения бесплатных ежемесячных православно-краеведческих поездок для молодёжи города.

Целью поездок является создание эффективных путей и условий для формирования духовно-нравственного воспитания городской молодёжи на базе православно-краеведческих и культурно-исторических традиций как нашего региона, так и всей России; извлечение молодёжи из своего замкнутого, порой «зашоренного» и асоциального, мира путём вовлечения в краеведческие поездки для расширения кругозора и социальной адаптации, а также содействие развитию интереса к культуре и истории родного края.

Основными задачами проекта являются:

- историческое, культурное и религиозное воспитание молодёжи города Пскова;
- социальная адаптация молодёжи в поездках путём знакомства и общения с незнакомыми сверстниками и с интересными гражданами области на посещаемых местах (историками, искусствоведами, краеведами, общественниками);
- расширение кругозора молодёжи;
- знакомство с историей и православием.

Порядок организации и проведения поездок.

Благодаря административному ресурсу МБУ «Псковский городской молодёжный центр» в ходе организации поездки направляет официальные письма для безвозмездного приёма группы в планируемые места: музеи, краеведческие отделы, храмы и монастыри и др. Также через свои соцсети (ВК, ФБ), сайт и местные СМИ даётся объявление о наборе группы.

В ходе поездки в автобусе даётся общая информация, на местах — более полная с обязательной встречей и общением с интересными людьми. В любой поездке продумывается питание при храмах или монастырях, а также общение с духовенством.

Проблемы организации.

Молодёжный центр столкнулся с проблемой безответственного отношения участников поездки. В связи с тем, что поездки бесплатные, а записывались желающие по электронной почте, это привело к тому, что в день отъезда до 30 % записавшихся не являлись к автобусу.

В поисках решения проблемы сначала велись «чёрные списки», но решением проблемы стало условие — запись производится при явке в Молодёжный центр и внесение определённой суммы, которая идёт на пожертвование за трапезу в храме или монастыре.

Отзывы путешественников показывают, что этот проект востребован и нуждается в дальнейшем продолжении. Ребята начинают понимать, как полезно и одновременно приятно не только слушать и читать об истории своего края, но и самому изучать и исследовать прекрасные родные места, — здесь и лежит верный путь к настоящему краеведению.

Т. Е. Наместникова

Историко-культурный центр «Самолва»,
Гдовский район, Псковская область, Россия.
E-mail: nte2006@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА «САМОЛВА»

В статье рассказывается об издательской деятельности Историко-культурного центра «Самолва», в котором располагается Музей истории экспедиции АН СССР по поиску места Ледового побоища.

Ключевые слова: Александр Невский, Ледовое побоище, историческая память, просветительство, краеведческие издания.

5 апреля 2017 года к 775-летию Ледового побоища в деревне Самолва Гдовского района Псковской области открылся Историко-культурный центр «Самолва» (начало строительства — 2015 г.), одно из первых частных учреждений культуры в СЗФО, посвящённых средневековой истории Руси и изучению темы, связанной с Ледовым побоищем и работой экспедиции АН СССР по уточнению места легендарной битвы.

Согласно Уставу, Центр осуществляет просветительскую деятельность, организацию досуга и приобщение широкого круга лиц к творчеству, любительскому искусству и ремёслам; способствует культурному развитию и самообразованию. Его задачами является организация выставочного пространства; развитие современных форм экскурсионной деятельности; создание благоприятных условий для организации познавательного туризма и отдыха.

Учитывая интерес общественности к истории Ледового побоища 1242 г. как к сражению, существенно повлиявшему на дальнейший ход развития Российского государства, а также изменение парадигмы исследований от поиска места сражения к оценке битвы как главного события русско-ливонской войны 1240–1242 гг., руководство ИКЦ «Самолва» приняло решение расширить направления деятельности.

Работа подобного учреждения невозможна без печатных и электронных изданий, поэтому началось формирование библиотеки, фонд которой сегодня составляет более 400 экземпляров печатных документов и около 200 электронных изданий.

Рис. 1. Работы из Трудов экспедиции АН СССР

Рис. 2. Псковский литературно-художественный журнал и сборник материалов Чудских чтений

Основную часть научно-исторической библиотеки составляют книги, рассказывающие о событиях истории Руси и пограничных государств периода Средневековья, связанных не только с именем Алек-

сандра Невского и событиями 1240–1242 гг., но и дающих представление о культуре, народных традициях, военном искусстве, вооружении, древнерусском быте, транспорте, ремёслах, хозяйстве. Наиболее полно представлена научная литература: монографии, материалы научных и научно-практических конференций, семинаров по истории и археологии. Часть фонда составляют книги по истории Пскова, Псковского края, Новгородской земли и сопредельных территорий.

Среди основных задач Центра — популяризация отечественной истории. И в этом нам помогает издательство «Пальмир», которое работает на отечественном рынке книгоиздания с 2000 г., а с 2015 г. — входит в состав Историко-культурного центра «Самолва».

ИКЦ «Самолва» располагает мини-типографией, специальное оборудование которой даёт возможность печатать собственные издания, а также переиздавать материалы, вызывающие определённый интерес тех, кто изучает историю. Первые издания, которые вышли «под шапкой» Центра — серия брошюр, объединённых одним названием «Ледовое побоище». В них статьи участников экспедиции, опубликованные в сборнике «Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища» (М. — Л., 1966). Это работы, освещающие вопросы археологии, геологии, гидрологии, поиску и исследованию водных маршрутов, связывающих Новгород и Псков:

– *Александр Потресов, Евгения Шолохова*: Древние водные пути новгородцев;

– *Татьяна Тюлина*: К вопросу о природных условиях в XIII веке северной части Тёплого озера;

– *Вера Кузнецова*: Геологические условия района Чудского озера;

– *Галина Склярёвская*: Микротопонимика района работы экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища 1242 года;

– *Владимир Потресов*: Новый взгляд на события войны 1240–1242 гг. как задачу исследования операций.

Благодаря разносторонней деятельности, Центр стал значимым фактором развития территории, завоевав авторитет у тех, кто занимается сохранением исторической памяти. Так, на базе Центра в 2016 г. прошли IX Региональные Чудские чтения. Результатом Чудских чтений стал сборник материалов «Формы сохранения культурного, исторического и природного наследия Гдовской земли», изданный Центром. В нём опубликовано 19 докладов научного, исследовательского и информационного характера авторов из Пскова, Гдова, Москвы, С.-Петербурга и Ленинградской области, Калининграда и Тарту.

Большая часть тиража подарена библиотекам Псковской области и Гдовского района.

В 2017 г., к 775-летию легендарного сражения, издана книга Владимира Потресова «Ледовое побоище: правда, мифы, ложь». Автор книги показывает, как исследовали Ледовое побоище, а также исследуют его, вычленив материалы, содержащие откровенную ложь или мистификацию, и предоставив на суд читателя те точки зрения, которые до сих пор являются предметом спора... Полученные и накопленные знания позволяют автору увидеть то, что часто не замечают профессионалы-историки, а отлаженная за годы литературной работы способность довольно складно выражать свои мысли на бумаге — донести это видение до читателя.

Из книги мы узнаем, почему Ледовое побоище называется Ледовым, зачем Александр пошёл на чужь, нужна ли была битва Александру, с кем, наконец, дрался Александр Ярославич на Чудском озере, а также значение Ледового побоища и причины последующей его мифологизации — на всё взгляд не историка, а учёного, практически занимающегося построением математических моделей больших информационных систем, убеждённого, что принципиальной разницы в подходе к исследованию технических и гуманитарных систем нет. Полученные и накопленные знания дали возможность увидеть то, что часто не замечают профессионалы-историки.

Каждое суждение подкреплено источником, снабжено картами. В конце издания представлен впечатляющий список отечественных и зарубежных источников, цитируемых в тексте. Более 300 экземпляров книги переданы в подарок районным и школьным библиотекам, библиотекам учебных заведений Пскова и Псковской области, С.-Петербурга и Ленинградской области, Москвы, участникам научных конференций, историкам, археологам. Книга вызвала огромный интерес и активно обсуждается как в научном сообществе, так и на страницах интернет-ресурсов.

В 2018 г. ИКЦ «Самолва» порадовал читателей выпуском трёх печатных изданий. Путеводитель «**Гдовский рай: путешествующему по Гдовской земле**» (автор-составитель Татьяна Наместникова). Первое в Гдовском районе издание подобного рода. Название путеводителя подсказал дорожный знак, бережно «исправленный» на въезде в Гдовский район неизвестным путешественником, очарованным красотой этих мест. Из вступительной статьи путник получает короткую информацию о Гдовском районе. В 16 разделах путеводителя представлено 150 объектов, среди которых музеи, обелиски, братские и воинские захоронения, мемориальные комплексы, храмы, часовни, а также

усадыбы, имения, памятники гражданской архитектуры. Даны адреса точек питания, гостиницы, кемпинги, точки медицинского обслуживания, места охоты, рыбалки, указаны места событийного туризма. Издание имеет цветовое деление, каждому объекту соответствует свой номер, который повторяется на карте-схеме, что позволяет быстро отыскать нужный объект и посетить его.

Рис. 3. Потресов В. «Ледовое побоище: правда, мифы, ложь».
«Гдовский рай. Путешествуя по Гдовской земле»

В мае вышло второе издание книги Владимира Потресова **«Тайна Вороньего Камня»**. О событиях, описанных в повести, автор знает не понаслышке: в пятидесятые-шестидесятые годы XX в. вместе со своим отцом, А. С. Потресовым, ему довелось участвовать в экспедиционном поиске, в результате которого был найден легендарный Вороний Камень — исторический ориентир, возле которого произошло Ледовое побоище.

А в июле вышла **«Загадка Чудского озера»**. Книга является расширенным и пересмотренным переизданием повести, впервые вышедшей в свет в 1966 г. в издательстве «Молодая гвардия». Её авторы — военный историк Георгий Николаевич Караев, руководитель экспедиции АН СССР, и Александр Сергеевич Потресов, руководитель отрядов московских школьников, принимавших участие в работах экспедиции. Их знакомство состоялось благодаря публикации А. С. Потресова в альманахе «Туристские тропы», и генерал Караев пригласил его к участию в экспедиции. Важно было изучить водные дороги псковичей и новгородцев, связывавшие в XIII в. юго-восточную часть Чудского озера с глубинными районами Новгородской феодальной республики. Отряды старших школьников под руководством А. С. Потре-

сова совершали походы на байдарках по предполагаемым водным путям, обследовали волоковые соединения, нанося на историческую карту Северо-Запада страны курганные группы, городища и другие археологические памятники, подтверждавшие заселённость района, собирали топонимические материалы, участвовали в раскопках.

Рис. 4. «Тайна Вороньего камня». Обложка третьего издания «Загадка Чудского озера» (2018 г.)

В 1966 г. книга вышла тиражом 65 тысяч экземпляров. Главы из «Загадки» неоднократно транслировались по радио для детей и юношества. Книга до сих пор волнует читателей романтикой поисков, основанных только на фактах. И всё-таки самое главное в ней — не поиски древних водных путей и даже не разгадка тайны Чудского озера, а воспитание настоящих патриотов, любящих свою родину и изучающих её историю.

Дизайн книги переработан с сохранением особенностей первого издания. Книга дополнена вступительной статьей В. А. Потресова и рассказом об истории создания памятника, что сегодня стоит на горе Соколиха, новыми фотографиями и картой-схемой водно-волоковых путей в районе водораздела Шелонь — Луга — Плюсса.

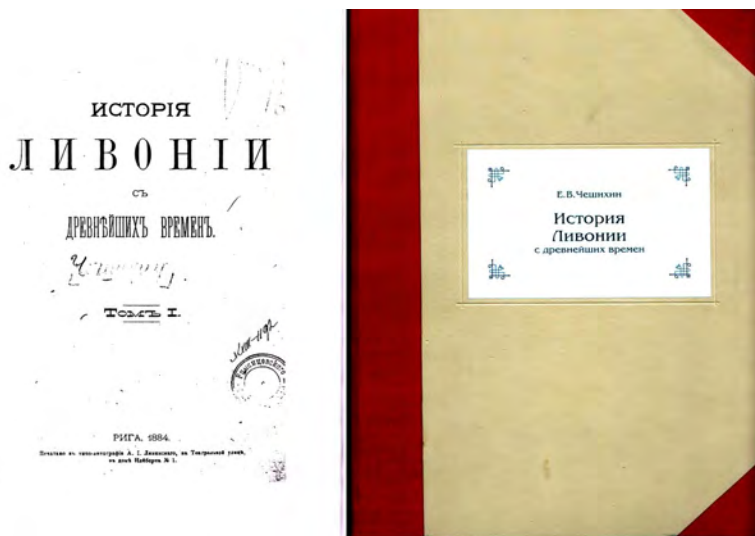
ИКЦ «Самолва» является также издателем «Псковского литературно-художественного журнала», основатель и главный редактор которого — псковский художник, поэт и галерист Илья Семин. Центр не

только участвует в издании и печати альманаха, но также и готовит для него публикации. Так, во втором выпуске напечатаны рассказы В. Потресова «Сухая сессия» и «От чёрного к цвету»; в четвёртом выпуске представлен подготовленный В. Потресовым материал, посвящённый семье Аделунгов: дневники Николая Аделунга о его работе в Средней Азии в качестве комиссара в Совете назиров в начале 1920-х гг., и стихи его сына, московского барда Георгия (Юры) Аделунга, трагически погибшего в 1993 г. В качестве приложения к Псковскому литературно-художественному журналу издано четыре книги стихов Евгения Шешолина — русского поэта, переводчика, редактора самиздатского альманаха «Майя», одного из авторов антологии новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны», малоизвестному читательской аудитории.

Наличие типографского оборудования даёт нам возможность печатать книги в единственном экземпляре, которые жизненно необходимы для исследовательской работы Центра. Так произошло с монографией Е. В. Чешихина «История Ливонии с древнейших времен», изданной в Риге в 1884 г. и, по нашим сведениям, ни разу не переиздававшейся. Книга эта была посвящена «членам русских общественных учреждений в Ливонии для споспешествования знанию прошлого этой страны и для укрепления среди их правильного разумения своего настоящего и задач будущего». Чешихин, вероятно, впервые систематизировал в хронологическом порядке известные сведения из Ливонской рифмованной хроники, русских летописей, хроник Генриха Латвийского и иных первоисточников.

Этот фундаментальный труд сегодня неизбежно вызовет протест сторонников европеизации стран восточной Прибалтики: автор недвусмысленно, ссылаясь на документы, показывает, что в эпоху формирования раннего Русского государства не выявлено ни серьёзных военных конфликтов с племенами, населявшими эти земли, ни радикальной насильственной православной христианизации, ни попытки захвата территорий. Природные условия даже способствовали интеграции финно-угорских групп, славян и балтов на «обидном» пространстве в единое государство. Католические же миссионеры, подкреплённые орденскими силами, действовали жёстко, решительно, планомерно, и, по сути, колонизировали к XIII в. племена Прибалтики, насильственно утвердив среди населения собственную веру. Иначе говоря, предприняли северный крестовый поход на народы, населявшие земли между побережьем Балтийского моря на западе, рекой Нарвой, Чудским озером на востоке, и далее на юг, с неудачной попыткой проникновения в Новгородское княжество. Не случайно столетиями в

восточной Прибалтике немцы назывались оккупантами, а затем произошла смена образа.

Рис. 5. Переизданная книга Чешихина Е. «История Ливонии с древнейших времён»

Издательский проект Историко-культурного центра «Самолва» продолжается. Завершается подготовка к печати работы Аркадия Васильева «Городок Кобыла и Кобылинский уезд: из прошлого Псковской земли», опубликованной в IV выпуске серии «Познай свой край» в 1929 г. и изданной отдельным оттиском. Для нас это не столько воссоздание текста работы, рассказывающей об историческом поселении, связанном, в т. ч. и с историей места Ледового побоища, сколько сохранение для потомков работ историка-краеведа, погибшего в блокадном Ленинграде в 1942 г. Аркадий Иванович Васильев стал известным популяризатором исторических знаний, главным образом — героической борьбы русского народа в XIII, XVI, начале XVII вв.

В 2019 г. планируется издание книги по истории создания памятника А. Невскому и его дружине на горе Соколиха, а также книги о событиях средневековой Руси для детей.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «СОЮЗ КРАЕВЕДОВ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

В статье рассказывается о деятельности Союза краеведов Владимирской области, охватывающей все 16 её районов, за последние пять лет (2013–2018 гг.).

Ключевые слова: краеведение, совместные мероприятия, история районов, конференции.

Данная организация является правопреемницей областного краеведческого общества, созданного 1 февраля 1990 г. при Владимирском отделении Советского Фонда культуры, которым руководила И. Г. Порцевская. С момента основания до апреля 2005 г. организацией руководила В. И. Титова. С апреля 2005 г. до настоящего времени — доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института ВГУ А. К. Тихонов.

В ноябре 2008 г. областное Краеведческое общество зарегистрировано в качестве юридического лица под названием «Владимирская областная общественная организация “Союз краеведов Владимирской области”» (СКВО). Основным мероприятием является областная (в настоящий момент уже — межрегиональная) научная краеведческая конференция, проводимая в апреле на базе Областной научной библиотеки. На ней подводятся итоги работы за год и заслушиваются доклады как владимирских, так и краеведов из других регионов России, занимающихся проблемами изучения владимирской земли.

В области регулярно проводятся следующие научно-практические краеведческие конференции.

1. Рождественские чтения — Ковров (январь). Один раз в 2 года.
2. Булыгинские чтения — Гороховец (февраль).
3. Чтения, посвящённые развитию авиации и космонавтики в России — Киржач (март).
4. Музыкальная Владимирщина Бородинские чтения — Камешково (август).

5. Городские и районные краеведческие чтения — Петушки (февраль).
6. Уваровские чтения — Муром (май). Один раз в три года.
7. Сельские краеведческие чтения — Караваево Петушинского района (август).
8. Левитановские чтения — деревня Елисейково Пекшинского сельсовета Петушинского района (август).
9. Всероссийские краеведческие чтения «Суздаль в истории России» — Суздаль (октябрь).
10. Стародубские краеведческие чтения — Ковров (сентябрь).
11. Городские и районные краеведческие чтения + Zubовские чтения (ноябрь) — Александров (март).
12. Городские и районные краеведческие чтения — Кольчугино (октябрь).
13. Городские краеведческие чтения — Покров (ноябрь).
14. Городские и районные краеведческие чтения — Меленки (декабрь).
15. Городские и районные краеведческие чтения — Юрьев-Польской (июнь).
16. Городские и районные краеведческие чтения — Гусь-Хрустальный.
17. Музейные краеведческие чтения — Владимир (декабрь).
18. Городские и районные краеведческие чтения — Вязники (сентябрь).
19. День владимирского краеведа (в начале ноября, в связке с Днём памяти Нестора-летописца 9 ноября).
20. Городская краеведческая конференция — Владимир (сентябрь).

В Собинском, Селивановском и Судогодском районах краеведческие конференции проходят нерегулярно из-за отсутствия финансирования и достаточной базы для их проведения. Однако в этом году в районном центре Селивановского района — посёлке Красная Горбатка — готовится к открытию муниципальный музей.

В основном организаторами чтений являются местные музеи или библиотеки. Где администрация включает краеведческие конференции в смету расходов на год, там они проходят на более высоком уровне.

Основная проблема — недостаток или полное отсутствие финансирования. Поэтому конференции во многих районах проходят нерегулярно, в зависимости от поступления денежных средств. В райо-

нах, где администрации курируют конференции, там они проходят регулярно и организованно, выпускаются сборники по их итогам.

Областные краеведческие конференции за истекший период были посвящены следующим основным вопросам: 2013 г. — 400-летие Дома Романовых; 2014 г. — 100-летие со дня начала Первой мировой войны (с международным участием); 2015 г. — 70-летие Победы в Великой Отечественной войне; 2016 г. — 800-летие Липицкой битвы; 2017 г. — 100-летие Февральской и Октябрьской революций в России; 2018 г. — «1918 год в истории России и Владимирской губернии».

В области издаётся три журнала, имеющие краеведческую направленность: альманах «Владимир», «Старая столица» и «Клязьма» (с 2018 г.). Изданы очерки истории Муромского, Вязниковского и Гусь-Хрустального районов.

Готовится к изданию «Хрестоматия по истории и культуре Владимирского края» и «История Владимира».

Дни владимирского краеведа приурочены к памяти летописца Нестора, которая отмечается РПЦ МП 9 ноября. Они представляют собой презентации различных районов нашей области, которые дают информацию о краеведческом потенциале этих регионов. Уже были презентации следующих районов: Камешковского, Петушинского, Гусь-Хрустального, Александровского, Кольчугинского. В этом году планируется презентация Юрьев-Польского района.

Совместно с библиотеками проводится следующий ряд мероприятий: 1) с областной библиотекой — краеведческая конференция в апреле, день краеведа, конкурсы на лучшую краеведческую книгу года в различных номинациях (проза, поэзия, исторические произведения, география и природа, художники и графики). Также приняли участие в этом году в форуме «Владимир — библиотечная столица России»; 2) с библиотекой для детей и юношества подготовлен совместный проект к 100-летию революций в России.

Союз краеведов Владимирской области активно участвует в мероприятиях Администрации области в рамках просветительской деятельности: лекционное и экскурсионное обслуживание.

Таким образом, во Владимирской области во всех существующих сейчас 16 районах проходят мероприятия краеведческой направленности, и все они действуют и проходят в рамках Владимирской областной общественной организации «Союз краеведов Владимирской области».

РОССИЙСКО-БАЛТИЙСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ И КУЛЬТУР

УДК 929

Б. К. Ганнибал

Ботанический институт им. В. Л. Комарова, С.-Петербург, Россия.

E-mail: gannibal46@yandex.ru

ЭСТОНИЯ — РОДИНА РОССИЙСКИХ ГАННИБАЛОВ

В статье рассказывается о носителях фамилии «Ганнибал», рождённых, как и большая часть детей арапа Петра Великого, на территории нынешней Эстонской Республики, и о жизни в Эстляндии самого Абрама Ганнибала, истории его рода.

Ключевые слова: родословная, Ганнибалы, Камерун, Ревель, Санкт-Петербург.

*Если Россия — родина слонов,
то почему Эстонии не быть
родиной Ганнибалов*

Начну с Абрама Ганнибала... Судьба петровского арапа необычна и привлекательна, но далеко не каждый из тех, кто интересуется его биографией, осознаёт важность прибалтийского этапа жизни этого человека. И почти никто не обращает внимания на тот факт, что большинство детей будущего генерал-аншефа российской армии (шесть из одиннадцати) были рождены в Эстляндии, на территории нынешней Эстонской Республики. Потом были внуки, правнуки ..., и подавляющее их большинство оказалось в России. В данном случае нас интересуют, как видно из названия статьи, не все его потомки, а только те, которые носили фамилию Ганнибал. Мы знаем, что они были, но с большой вероятностью можем утверждать: таковых на территории России, к сожалению, не осталось. Тем не менее, какие-то другие представители этой фамилии существуют здесь и сейчас, ходят, заполняют всякие бумаги, куда беззастенчиво вписывают известную фамилию, причём большинство из них делает это в Санкт-Петербурге. Принадлежат они определённо к совершенно другому родовому племени, и доказательством этому служит установленный факт полного отсутствия каких-либо семейных связей с родственниками Абрама Ганнибала во всех поколениях. Чего на свете не бывает! Однако интрига в этой ситуации есть, и состоит она в том, что корни генеалогического

древа современных живых российских Ганнибалов, в т. ч. и автора данной статьи, находятся на той же Эстонской земле. Быть может, всё-таки зря правоверные пушкинисты почти никогда не интересовались этими однофамильцами славного рода?

Родословная первого российского Ганнибала изучена к сегодняшнему дню очень хорошо (Б. Л. Модзалевский, А. М. Бессонова [2], Н. К. Телетова [8], Е. Е. Пажитнов [6] и др.), а начало тому положил А. С. Пушкин своими биографическими исследованиями и историческим романом «Арап Петра Великого». Напомним, что девичья фамилия матушки отечественного гения — Надежды Осиповны — Ганнибал. Историографию Абрама Ганнибала и его потомков продолжают множить новые пушкиноведы, профессиональные историки, работники музеев и иные исследователи его жизни, судеб его современников и эпохи в целом. Убедительно доказано, что Абрам Петрович появился на свет и провёл первые годы жизни в Африке, на территории современного Камеруна [3] и попал в Россию в детском возрасте не по своей воле. Он прожил долгую, почти 85 лет, жизнь. Первая её треть была теснейшим образом связана с деятельностью ещё тогда царя всея Руси Петра I. Все военные походы и европейские политические, образовательные и иные петровские турне не обходились, вероятно, без чернокожего юноши. К этому периоду можно отнести и годы собственного его обучения за границей, во Франции. Заключительные два десятилетия жизни генерала, уже в отставке, прошли в собственной усадьбе под Петербургом — в Суйде, где он и похоронен.

А вот срединный отрезок его жизни — деятельный, созидательный — был связан в основном с Прибалтикой, недавно тогда отвоёванной у Швеции. Одно из свидетельств тому — памятная доска на здании бывшего дома коменданта, а ныне канцелярии парламента Эстонии в Таллинне, с надписью: «В этом доме жил 1742–1752 прадед А. С. Пушкина Абрам Петрович Ганнибал (1696–1781)». Двадцать лет провёл он здесь, пройдя успешный карьерный путь от капитана Инженерного корпуса и преподавателя математики, фортификации и черчения в гарнизонной школе для подготовки унтер-офицерских кадров в г. Пернове (Пярну) до генерал-майора и обер-коменданта г. Ревеля (Таллинна), стратегически важной крепости и порта на Балтике.

После возвращения из сибирской ссылки в 1730 г., в год коронавания Анны Иоанновны и прихода к власти на высоких постах людей, хорошо знавших и ценивших Ганнибала, в первую очередь Бурхарда Христофора Миниха — начальника всей артиллерии России, президента военной коллегии и генерала-фельдмаршала, судьба Абрама Петровича начала выправляться. Вышел указ императрицы: «...Лейб-

гвардии от бомбардир-поручика Абрама Петровича, которому велено быть в Тобольском гарнизоне майором, послать в команду фон- Минихена, а ему определить его в Пернове, а потом в Лифляндской губернии, к инженерным и фортификационным делам по его рангу» [1].

Жизнь Ганнибала в Эстляндии полна очень разных, подчас неприятных для него и во многом трудно объяснимых для нас, сюжетов. Здесь у него был первый и неудачный брак, прошение об отставке, а после его удовлетворения — период проживания с 1733 г. в качестве помещика в имении Карьякюла близ Ревеля вплоть до 1741 г., когда в условиях назревания новой войны со Швецией его снова призвали на службу, теперь в качестве командира гарнизона г. Ревеля. К этому времени он уже второй раз, пусть и полузаконно (без получения развода), женат — на юной ревельской жительнице Христине Регине фон Шёберг. Её отец — после поражения Швеции в Северной войне на русской службе Матвей фон Шёберг — был шведом, мать — из древнего в Ливонии рода Альбедиль с немецкими корнями. У Абрама Петровича и Христины ещё до оформления в 1736 г. церковного брака появился первенец Иван (1735–1801). От отца он получил не только отчество, но и фамилию Ганнибал. Сам же Абрам Петров (так он именовался ещё с Петровского времени) начал использовать новую фамилию именно в Эстляндии. Упомянутое впервые ещё в Тобольске в 1727 г. [8, с. 66] скорее всего самоназвание, с 1732 г. фигурирует во всех с ним связанных документах. Отправляясь на место службы в Прибалтику, он должен был соответствовать принятым там правилам, одним из которых было наличие фамилии, как у всех свободных горожан, мастеровых и людей дворянского сословия. Что касается написания фамилии, то долгое время преобладали русские варианты латинского «Nanibal» либо с одним «н», либо без первой буквы «Г». Использовали их иногда и гораздо позже при устоявшейся в целом форме — Ганнибал.

После Ивана у Христины Матвеевны, уже на законном основании, рождаются ещё девять детей Абрама Петровича — четыре мальчика и пять девочек. Семья росла, но среди потенциальных пятерых продолжателей рода Ганнибалов первый (Иван), став впоследствии знаменитым военачальником, так и не завёл ни семьи, ни детей, а последний (Яков) прожил только 10 лет. У доживших до взрослого состояния Петра (1742–1826) и Осипа (1744–1806), которые родились ещё в Ревеле, среди уже их детей был только один на двоих ребёнок мужского пола, и им был наследственный владелец псковского имения Петровское Вениамин Петрович Ганнибал. Однако фамилию он сохранить в следующем поколении не смог, так как обзавелся одной (?) дочерью, да и то в незаконном брачном союзе со своей крестьян-

кой. В отличие от братьев, у Исаака Абрамовича (1747–1808), появившегося на свет уже в Петербурге, было 15 детей, из них 7 девочек и 8 мальчиков: Яков, Павел, Иосиф, Абрам, Петр, Александр, Дмитрий и Семён. Судьбы их связаны также в основном с Петербургом и окрестностями или с соседними российскими губерниями — Псковской и Новгородской.

Получается, что именно и исключительно дети и внуки Исаака разнесли по стране необычную для русского уха фамилию. Согласно спискам родственников Ганнибала в нескольких поколениях, составленным А. М. Бессоновой [2], уточнённым Н. К. Телетовой [8] и воспроизводимым в Интернете Е. Е. Пажитновым, уже в четвёртом поколении (пушкинском) родовую фамилию имели только 9 человек, из мужчин это сын Якова (Александр), сын Петра (Николай) и сын Павла (Александр). Особо стоит упомянуть дочь Семёна, так как только она в послереволюционное время, вероятно, оставалась носительницей фамилии Ганнибал этой линии (Анна Семёновна умерла в Одессе в 1925 г.). В той же работе из четырёх носителей фамилии Ганнибал в пятом поколении (к первому Бессонова относит самого Абрама Петровича) указываются двое мужчин — Георгий Александрович и Александр Александрович, 1832 и 1834 г. рождения соответственно, но последний прожил всего 14 лет.

В шестом поколении фамилию сохраняли исключительно потомки Георгия (Жоржа), четверо из которых мужского пола, родившиеся в период с 1874 по 1880 г. Почти все они были жителями Петербурга. Сведения о них в исследовании Анастасии Михайловны Бессоновой обрываются первым десятилетием XX в., в лучшем случае — революционным 1917 г. Последнее относится к Якову Георгиевичу Ганнибалу — подполковнику, Георгиевскому кавалеру, служившему на разных фронтах Первой мировой войны. Его жена была швейцарской подданной, и очень вероятно, что их семья сразу после революции выехала за границу, и именно наследников этой линии в советское время разыскивали на территории СССР с помощью объявлений в газете «Известия»*. На два таких случая с фамилией наследователя Ганнибал, помню, я натолкнулся сам в 1970-е гг. Родственники мои, конечно, смеялись, втайне желая хотя бы знать стоящие за этим наследством суммы. Знать им этого, однако, было не дано, мечтать о получении не грех, но все понимали главное, что наша семья не имеет никакого отношения к этому дворянскому роду.

Тогда возникает вопрос, кто же мы сами, относительно многочисленное семейство Ганнибалов, члены которого в большинстве своём так же являются жителями Санкт-Петербурга?

После окончания Великой Отечественной войны в Ленинграде, в квартире на Петроградской стороне, в доме на углу улиц Пудожской и Лодейнопольской, в семейной до блокады, а теперь обычной коммунальной четырёхкомнатной квартире проживали семеро обладателей этой фамилии, среди них и самый младший, родившийся в 1946 г., автор данной статьи. Ещё мы знали, что на просторах страны где-то существовали мой дядя Герман, лётчик, и отдельно от него родившийся накануне войны в Казахстане его сын Валерий. Старшее поколение в квартире представляли моя мама Екатерина Константиновна и её сестра Вера Константиновна, сохранившие свои девичьи фамилии, а также супруга умершего в Польше сразу по окончании войны старшего лейтенанта артиллериста Константина Константиновича Ганнибала. Её двое детей Юрий и Наталья Константиновичи, а также мы с братом (Борис и Андрей, тоже Константиновичи, имевшие фамилию матери Ганнибал от рождения при живом отце) представляли следующее поколение. Скоро, в начале 50-х гг., к нему прибавились двое дочерей дяди Германа от второго брака (жили они тогда в Литве, в г. Клайпеда).

От своих родителей мы знали об их отце и нашем дедушке Константине Михайловиче Ганнибале, умершем в 1938 г. В семье определённо говорили о том, что он родом из Эстонии, хотя с самого раннего детства жил в Петербурге, затем в Петрограде и Ленинграде, владел эстонским языком, до революции не часто, но посещал лютеранскую церковь. О следующем вглубь поколении, о родителях деда, точнее, только о его матери, сообщалось редко и крайне мало, и не потому, что было «такое время», просто мой прадед умер задолго до рождения моей мамы, а прабабка — через год после появления её на свет. Ну, конечно, и вся обстановка советского периода не только не поощряла интерес к своему семейному прошлому, но несла в себе, по крайней мере у старшего поколения, ожидание разных неприятностей.

Первый прорыв в познании родословной сделал в 1960-х гг. мой двоюродный брат Юрий Константинович Ганнибал, запросивший в официальных органах данные о своём дедушке. В результате непростой бюрократической переписки, в конце концов он получил архивную справку из Таллина, где сообщались некоторые данные сразу о представителях трёх поколений: о моём деде — Константине-Фридрихе Михайловиче Ганнибале, родившемся в 1870 г. в Таллине, прадеде Михаиле Карловиче (родился в 1833 г. в Ярваканди) и прапрадеде Карле из Вахаканта (рис. 1).

Копия:

Республика Эстония
Актон гражданскогo
состояния

Э С С Р

2 марта 1966 г.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

ЖХ-23

г.Таллин

Выдана на основании заявления ГАННИБАЛА
Юрия, прож.г.Ленинград,П-110,ул.Пудожская,
дом 8/9 кв. 46.

В архивных книгах, хранящихся в Республиканском
биро актов гражданского состояния Эстонской ССР, имеются
следующие записи:

/Вахкант/
Вахаканну

<u>ХАННИБАЛ</u>	корчма Лиховески
Каарель	Мари
их дети	Поэтер,рожд. 25 мая 1827 г.
	Лено, " 16 апреля 1830 г.
	Михкель " 28 октября 1833 г.

Основание: персональная книга по Рапласкому зв.лют.приходу
арх.2809,стр.14 и арх.2811 стр.191 .....

ХАННИБАЛ Михкель Каарелович, рожд.28 октября 1833 г.
в Йрвакани
конфирмация состоялась в 1852 г. в Рапла
вступил в брак 4 мая 1869 г.в Таллине, жена Анна
ШТААК /ВЕШТАК/, родилась 2 июня 1840г.в Саулела.
Михкель умер 28 января 1871 г.в Таллине.
Сын - Константин - Фридрих Ханнибал
родился 30 апреля 1870 г. в Таллине.

Основания: Перс.книга по Хагери /Лоху/, арх.212,стр.339
Метр.книга Варблаского зв.лют.прихода,1840 г. №54.
Арх.книги по Таллинскому зв.лют.приходу Пыхавайму,
1870г.,№152 и 1871 г. №26.

Зам.заведующего Республиканским
биро актов гражданского состояния
Эстонской ССР /К.КУЛЬДЯРВ/

Рис. 1. Архивная справка, 1966 г.

Стало понятно, что дальнейшие изыскания надо вести в архивах Эстонии, тогда Эстонской Советской Социалистической Республики. Нужный мне исторический архив (ЦГИА ЭССР) оказался расположенным в г. Тарту, куда я нашёл время приехать из Ленинграда только в 1981 г., а затем повторно в 1982 г. Начиная исследование, я уже знал имя своего прапрадеда — Каарель (Карл) Ханнибал, рождение которого могло приходиться на конец XVIII в. Предстояло проникнуть внутрь рода хотя бы на одно-два поколения, приблизившись к периоду жизни Абрама Петровича в Ревеле в 1740-е гг. В архиве мне были предоставлены Ревизские сказки** за 1850, 1834, 1816, 1811, 1795 и 1782 годов. Возникли проблемы их расшифровки — неразборчивый почерк писаря, язык (бланки русскоязычные, а содержание чаще на немецком), но, главное, в понимании того, кто из отмеченных жильцов конкретного места кому родственник. Все эти вопросы помогла решить, спасибо ей, заместитель директора Архива Малле Вольдемаровна Лойт (Malle Loit). Надо сказать, что тогда в Эстонии у категории людей, к которой относились мои предки, ещё не было фамилий, системно появляются они там только в начале XIX века.***

*В советские времена на последней странице газеты «Известия» время от времени появлялось объявление: «*Инюрколлегия СССР разыскивает...*» о поиске проживающих в Советском Союзе родственников умерших за рубежом граждан иностранных государств. Государство всегда было заинтересовано в поступлении в страну валюты, поэтому им и была создана Инюрколлегия. Работала она по такому принципу: с зарубежными адвокатами заключалось соглашение, согласно которому в случае нахождения в зарубежных странах наследодателя, а в СССР — наследников, каждая из сторон получала по 10 % от суммы наследства.

**Ревизские сказки — результаты переписи, ревизии податного населения Российской империи в XVIII — 1-й половине XIX вв., проводившиеся с целью подушного налогового обложения. Таковых проведено было десять.

***Прибалтийские территории со времени их присоединения к России считались полукрепостными, но в 1816 г. Александр I окончательно освободил эстляндских крестьян от крепостного права, и население стало получать официальные фамилии, хотя стихийно этот процесс начался несколько раньше. Список принципов, по которым давалась фамилия, был достаточно широк. В результате население стало носить фамилии как эстонского, так и немецкого, шведского, польского, еврейского и смешанного происхождения.

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА			
1834 год Август 20, по Шведскому и Российскому Правительству, в Вагакантском Уезде			
МЕЩСКИЙ ДОЗ			
№	Имя	В каком возрасте	Возраст по летам
№	Имя	В каком возрасте	Возраст по летам
1	Карл Петерсон	47	47
2	Петр Карлович	44	44
3	Мария Карловна	37	37
4	Петр Карлович	14	14
5	Мария Карловна	11	11
6	Петр Карлович	9	9
7	Мария Карловна	5	5
8	Петр Карлович	4	4
9	Мария Карловна	4	4
10	Петр Карлович	4	4
11	Мария Карловна	4	4
12	Петр Карлович	4	4
13	Мария Карловна	4	4
14	Петр Карлович	4	4
15	Мария Карловна	4	4
16	Петр Карлович	4	4
17	Мария Карловна	4	4
18	Петр Карлович	4	4
19	Мария Карловна	4	4
20	Петр Карлович	4	4
21	Мария Карловна	4	4
22	Петр Карлович	4	4
23	Мария Карловна	4	4
24	Петр Карлович	4	4
25	Мария Карловна	4	4
26	Петр Карлович	4	4
27	Мария Карловна	4	4
28	Петр Карлович	4	4
29	Мария Карловна	4	4
30	Петр Карлович	4	4
31	Мария Карловна	4	4
32	Петр Карлович	4	4
33	Мария Карловна	4	4
34	Петр Карлович	4	4
35	Мария Карловна	4	4
36	Петр Карлович	4	4
37	Мария Карловна	4	4
38	Петр Карлович	4	4
39	Мария Карловна	4	4
40	Петр Карлович	4	4
41	Мария Карловна	4	4
42	Петр Карлович	4	4
43	Мария Карловна	4	4
44	Петр Карлович	4	4
45	Мария Карловна	4	4
46	Петр Карлович	4	4
47	Мария Карловна	4	4
48	Петр Карлович	4	4
49	Мария Карловна	4	4
50	Петр Карлович	4	4
51	Мария Карловна	4	4
52	Петр Карлович	4	4
53	Мария Карловна	4	4
54	Петр Карлович	4	4
55	Мария Карловна	4	4
56	Петр Карлович	4	4
57	Мария Карловна	4	4
58	Петр Карлович	4	4
59	Мария Карловна	4	4
60	Петр Карлович	4	4
61	Мария Карловна	4	4
62	Петр Карлович	4	4
63	Мария Карловна	4	4
64	Петр Карлович	4	4
65	Мария Карловна	4	4
66	Петр Карлович	4	4
67	Мария Карловна	4	4
68	Петр Карлович	4	4
69	Мария Карловна	4	4
70	Петр Карлович	4	4
71	Мария Карловна	4	4
72	Петр Карлович	4	4
73	Мария Карловна	4	4
74	Петр Карлович	4	4
75	Мария Карловна	4	4
76	Петр Карлович	4	4
77	Мария Карловна	4	4
78	Петр Карлович	4	4
79	Мария Карловна	4	4
80	Петр Карлович	4	4
81	Мария Карловна	4	4
82	Петр Карлович	4	4
83	Мария Карловна	4	4
84	Петр Карлович	4	4
85	Мария Карловна	4	4
86	Петр Карлович	4	4
87	Мария Карловна	4	4
88	Петр Карлович	4	4
89	Мария Карловна	4	4
90	Петр Карлович	4	4
91	Мария Карловна	4	4
92	Петр Карлович	4	4
93	Мария Карловна	4	4
94	Петр Карлович	4	4
95	Мария Карловна	4	4
96	Петр Карлович	4	4
97	Мария Карловна	4	4
98	Петр Карлович	4	4
99	Мария Карловна	4	4
100	Петр Карлович	4	4

Рис. 2. Ревизская сказка 1834 г. Мыза Вагакант Харьковского уезда Эстляндской губернии

Из Ревизии 1834 г. (Fond nr. 1864 nim. nr. 2 su.VIII — 92. Лк. 478 об. и 479.) можно понять (рис. 2), что Карл (ему 47 лет) родился в 1787 г., а его отец именовался Петром. Carl Peterson, как его называют в документе, жил тогда на мызе Lellefer, вблизи п. Раппель (Рапла) с женой Марией (37 лет) и шестью детьми — двумя мальчиками и четырьмя девочками. Далее нами анализировались, с учётом возраста проживающих на мызах людей, данные более ранних переписей. Одна из таковых, проведённая в сентябре 1811 г. (VI — 35, с. 172), учла в том же месте некоего человека с именем Jaulo Peter. Но я уже знал, что первая часть «имени» есть название места или хозяина. Иногда в бумагах оно писалось иначе — Taulo. В действительности, это могло быть имя хозяина всего Вахаканта или Ярваканди — Otto von Taube (о роли грамотеев-писарей в истории можно говорить отдельно). Петер к этому времени уже умер в возрасте 58(59) лет в 1804 г., а его сыну Карлу было 25 лет. Предшествующая Ревизия 1794 г. (V — 25) отметила на мызе тогда еще 48-летнего Петера и его 37-летнюю жену Каи (Кау). Карлу было тогда, что понятно даже

из простых расчётов, только 7 или 8 лет. Проведённая двенадцатью годами раньше (в апреле 1782 г.) перепись (IV — 1) зафиксировала присутствие в Вахаканте на мызе Леллефер 36-летнего нашего предка, записанного как Rae [Ado] Peter, детей у него тогда ещё не было. Теперь можно было не сомневаться ни в месте, ни в сроках рождения Петера — между апрелем 1745 г. и маем 1746 г. Rae — название места (хутора), а вот имя Ado, обозначенное особым образом, оказывается, свидетельствовало о том, что этот человек в каком-то качестве фигурировал при рождении или регистрации Петера, но не был его отцом, имя которого осталось неназванным.

Резюмируем: в 1745 или 1746 г. в одном из хуторов, расположенном посередине пути между Ревелем и Перновом, появился (родился или был туда привезён) мальчик, его назвали Петром, притом отец захотел остаться неизвестным. Фамилия Ханнибал, далеко не эстонская и не немецкая, появилась спустя полстолетия у его сына Карла, вероятно, человека уже взрослого. У исследователя возникает желание вернуться в середину XVIII в. и понять, где в это время мог находиться, не приписывая заранее ему греха, добропорядочный семьянин Абрам Петрович Ганнибал.

40-е гг. XVIII в. были, вероятно, наиболее событийно насыщенными в жизни Ганнибала. В. В. Похлебкин [7] отмечает чрезвычайно высокую изменчивость военно-политической ситуации на северо-западе страны в это время. Швеция, требуя пересмотра Ништадтского мира, в июле 1741 г. объявляет России войну. В Петербурге принимается ответный указ и в конце августа начинаются военные действия. Абрам Петрович назначается начальником артиллерии Ревельской крепости.

Дворцовый тихий переворот, совершённый Елизаветой в ноябре 1741 г., прервал на время боевые действия русской армии, но в начале лета 1742 г. они возобновляются. Ганнибал в это время уже является комендантом гарнизона. Главные балтийские крепости Рига и Ревель объявлены на военном положении, в них посланы подкрепления. Начальники гарнизонов получают указ за указом из Сената и от самой императрицы о мерах по увеличению их обороноспособности. 8 сентября 1742 г. взята столица Финляндии г. Або (Турку), активные действия сворачиваются и с конца года начинаются переговоры между сторонами конфликта. Абоский прелиминарный мирный договор между Швецией и Россией был подписан в июне 1743 г. Но оставались территориальные проблемы, для решения которых была создана комиссия по демаркации границы. 22 июня 1745 г. генерал-майор, обер-комендант Ревеля назначается «первоприсутствующим» — пред-

седателем этой комиссии [5]. Теперь Ганнибалу предстояло периодически на несколько недель, а то и месяцев покидать дом.

В это же время (1742 г.) Императрица Елизавета Петровна издаёт указ о передаче из состава царских земель во владение Ганнибалу Михайловской губы на Псковщине. В 1744 г. он продаёт, что кажется логичным, свою усадьбу в Карьякюле, но зачем-то покупает значительно большую по размерам усадьбу в Раголе (Рахуле), в 20 км от Ревеля. Георг Леец [4] делает предположение, что Абрам Петрович собирался её обустроить и постоянно там жить.

Но в конце 1744 — начале 1745 гг. отношения Ганнибала с коллегой Гольмером, магистратом и даже с эстляндским губернатором обостряются настолько, что он начал ходатайствовать о переводе из Ревеля (Леец в своей книге приводит подтверждающее эти намерения письмо Ганнибала от 8 апреля 1745 г. в секретариат императрицы). Ещё один из его шагов в этом направлении — покупка в 1745 г. земли и строений уже в Петербурге, на Васильевском острове. В 1745 г. вышел указ императрицы, разрешающий знатым военным брать долгосрочные отпуска для управления своими имениями. Абрам Петрович хочет воспользоваться и такой возможностью, пишет письма, но получает в то время отказ.

В семье с завидной регулярностью происходило пополнение. В 1742 г. рождается сын Пётр, через год, тоже в Ревеле, Осип. Следующий ребёнок — девочка по имени Агриппина — родилась в июне 1746 г. уже в Петербурге, хотя зачата была, почти наверняка, ещё в Эстляндии. Вообще, многочисленные факты говорят о том, что в интересующий нас период с осени 1744 г. по конец лета 1745 г. Абрам Петрович находился на месте своей службы и ещё не уезжал далеко и надолго. А значит, как говорится, мог...

Версия о генетической общности известного деятеля эпохи Петра I и Елизаветы Петровны с эстонским мальчиком вряд ли ещё сможет получать дополнительные и веские аргументы, но остается вполне жизненной и очень вероятной, имея в виду характер самого Ганнибала и нравы того времени. Способы удаления от себя незаконных отпрысков также не отличались оригинальностью (вспомним опять же Пушкина). Так или иначе, сейчас в России живёт довольно много потомков того эстонского Петера, среди них порядка двух десятков носителей фамилии Ганнибал. В Санкт-Петербурге таковых обоёго пола (исключая тех, кто получил фамилию в результате брака) насчитывается 13 человек, в г. Апатиты Мурманской области их четверо; единично, с высокой вероятностью, они есть в других городах России и Казахстане.

Большое число обладателей фамилии Ханнибал (Hannibal) продолжает жить и сейчас в Эстонии. Это потомки детей Петра — Карла Петерсона (р.1786) и Ханса Петерсона (р.1791–92). В последней Ревизии 1850 г. их самих указывают как умерших в 1846 и 1848 гг. соответственно, но из этого же документа мы узнаём о проживавших тогда между Ярваканди и Рапла, в имении Wahhakant (Vahakõnnu) на хуторе Wapparegге трёх сыновьях двух братьев: Петере (р.1827) и Михеле (р.1833) Карлсонах, а также Петере Хансоне (р.1832). Два упомянутых Петра являются прародителями всех живущих ныне в Эстонии Ханнибалов.

А Михель (род. в Ярваканди) через своего единственного сына Константина — рождённого в Ревеле моего деда (рис. 3), породил петербургскую линию Ганнибалов.

Рис. 3. Константин-Фридрих Михайлович Ганнибал (1870–1938).
Фото 1890-х гг.

В год его рождения (1870) открылась железная дорога Ревель — Петербург. По ней, всего несколько месяцев спустя, он ехал со своей матерью Анной Штаак, только что похоронившей мужа, в столицу империи, и уже безвозвратно.

Автор с благодарностью примет замечания, уточнения и дополнительную информацию по изложенной теме.

Литература

1. *Арутюнов С. А.* Бурхард Христофор Миних и его способный подопечный // *Гении и злодеи России XVIII века.* Глава 11. М., 2013. 247 с.
2. *Бессонова А. М.* Прадед Пушкина Ганнибал и его потомки: Очерки. Родословная роспись. СПб., 2003. 330 с.
3. *Гнамманку Дьедонне.* Абрам Ганнибал: чёрный предок Пушкина. М., 1999. 224 с.
4. *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. Таллин, 1980. 192 с.
5. *Лурье Ф. М.* Абрам Ганнибал: африканский прадед русского гения. СПб., 2012. 368 с.
6. *Пажитнов Е. Е.* Генеалогия рода Ганнибала /Проза.ру. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.proza.ru/avtor/pasch>
7. *Похлебкин В. В.* Отношения между Шведским государством и Русским государством в XIII–XIX вв. (1142–1874 гг.) // *Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах.* 1992. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.aroundspb.ru/history/pohlebkln/pohleb5.php>
8. *Телетова Н. К.* Жизнь Ганнибала — прадеда Пушкина. СПб., 2004. 320 с.

«НЕЧАЯННЫЕ ЭМИГРАНТЫ»

В форме эссе изложены биографические сведения о некоторых представителях русской эмигрантской общины — уроженцах Псковской губернии, проживавших в Тарту в 1920–1940 гг.

Ключевые слова: эмигранты, Тарту, Псков, Подчекаев, Зубченков, Шофф, Назимов.

Время от времени, выкроив четверть часа среди повседневной суеты, как бы нечаянно извлекаю из своего заветного архива две дюжины старых любительских фотографий. Медленно перелистываю эти фотоснимки, изначально не очень резкие, как метеоритным дождём испещрённые царапинками, пятнышками, — следами пролетевших над ними восьмидесяти с лишним лет. Фотокарточки (увы!) тоже стареют, если они не спрятаны под стёклами музейных витрин, а вместе со своими хозяевами переносят выпавшие на их долю войны и переезды, если годы забвения проводят они в сырости чердаков. Неисчислимое множество этих чёрно-белых прямоугольничков исчезло в огне печей и пожаров или было хладнокровно выброшено в мусорное ведро молодыми руками наследников, освобождающих от старого хлама комоды и антресоли в квартирах умерших прабабушек.

Фотографиям, которые оказались в моём архиве, повезло. Те люди, в чьи руки они перешли по наследству, оказались мудры и милосердны. Новые хозяева решили не уничтожать эти крохотные кусочки запечатлённого света, а подарить им вторую жизнь. И вот мы теперь вглядываемся в лица людей, почти все из которых давно покинули этот мир. Они молча смотрят на нас из далёких 1930-х гг., не в силах уже рассказать нам (а как много могли бы они нам рассказать!..) о своей жизни, прошедшей до того момента, как щёлкнул затвор фотоаппарата. Мы смотрим на них с грустью, потому что знаем их дальнейшую судьбу, но так же не в силах ни рассказать им о ней, ни предупредить их о грядущей беде.

Эти фотоснимки сделаны в городе Тарту и в его окрестностях, в основном в конце 1920-х и в первой половине 1930-х гг. Большинство из них представляют собой пробные отпечатки размером 6×9см, хранившиеся в семейном архиве Подчекаевых, из чего можно сделать вы-

вод, что в роли фотографа выступал, как правило, сам Анатолий Алексеевич, с конца 1920-х гг. пристрастившийся к фотографированию. Некоторые из фотокарточек подчекаевского архива изначально были предназначены для того, чтобы пополнить собой семейные фотоальбомы, поэтому фотографируемые персонажи с готовностью смотрят в объектив, по мере сил стараясь в достойном облике предстать перед взором знакомых и незнакомых людей. Далеко не все из кадров получились удачными, потому что нередко, как мы знаем, в момент фотографирования кто-то вдруг моргнёт или повернётся. Иногда причиной брака становились плохое освещение или недостаточное умение фотографа. К счастью для нас, бракованные пробники всё-таки не были выброшены А. А. Подчекаевым, и мы получили возможность попытаться что-то разглядеть на слишком затемнённых или, наоборот, засвеченных отпечатках. Другая часть подчекаевского фотоархива является результатом увлечённого любительского «щёлканья» затвором и представляет собой дюжину снимков, предназначенных для раздачи приятелям на память о совместной прогулке или празднике.

На всех этих фотографиях запечатлены фрагменты жизни русского мира в эстонском Тарту. Некоторые люди этого русского мира жили в Тарту с рождения — с тех пор, когда он, будучи частью Российской империи, официально именовался Дерптом, а потом Юрьевом. Эти аборигены стали ядром формирующегося русского общества, притягивая к себе тех соотечественников, которых занёс в Эстонию безжалостный ураган гражданской войны. Всех этих людей, которые пришли в Эстонию в составе отступающих частей Северо-Западной армии или в колоннах беженцев, можно назвать нечаянными эмигрантами: пересекая границу Эстляндской губернии, они не предполагали, что их недолгий (как они верили) спасительный отъезд затянется на многие годы.

Попробуем взглядеться в лица и судьбы этих людей.

Вот перед нами картина тихой семейной идиллии: Пётр Ефимович Зубченков со своей женой Лидией Константиновной и дочкой Ольгой (рис. 1). Уютная комнатка, удобная мебель, конфеты в руках мамы и дочки. Счастливая семья? Совсем недавно эти люди воссоединились после почти 10 лет разлуки, начавшейся в 1919 г. с уходом Петра Ефимовича из Пскова вместе с отступающими бело-эстонскими войсками. Зубченков — едва ли не самый известный и преуспевающий десятник Пскова в 1904–1914 гг., построивший в Пскове все здания Омского полка, здание Государственного банка, Алексеевскую больницу, часовню Святой Ольги над Выбутскими порогами и многие дру-

гие объекты. Теперь, после военных бед и скитаний, он снова востребован — но уже в Тарту.

Рис. 1. Пётр Ефимович и Лидия Константиновна Зубченковы с дочерью Ольгой в своей квартире (ок. 1928 г., фото из семейного архива Подчекаевых)

К тому времени, когда сделан этот снимок, под его руководством построены кирха и школа в Печорах, кинотеатр «Athena» и школа в Тарту. Только где-то в не очень весёлых глазах матери спряталась горечь от утраты двоих сыновей-подростков, несколько месяцев назад умерших в Пскове от чахотки. Где-то за кадром и за границей остался старший сын Пётр, решивший продолжить учёбу в СССР и ставший впоследствии известным советским художником. Он снова сможет увидеть мать и сестру только в 1945 г., но так и не свидится больше с отцом: Пётр Ефимович окажется в числе многих и многих соотечественников, необоснованно и жестоко репрессированных после вхождения Эстонии в СССР. В 1942 г. братья Пётр и Михаил Зубченковы погибли в советских лагерях.

А на другом фотоснимке (рис. 2), сделанном несколько лет спустя и уже публиковавшемся нами однажды [1], мы снова видим Петра Ефимовича, Лидию Константиновну и повзрослевшую Ольгу. В одной

дружеской компании с ними мы видим также Александра Ивановича Шоффа и его дочь Маргариту («Муху», как называли её близкие и друзья). Оба они — тоже бывшие псковичи. Александр Иванович Шофф был сыном известного псковского купца И. А. Шоффа, который переехал в Псков из родного Вольмара (нынешней Валмиеры) предположительно в 1860-е гг. Известность и авторитет Ивана Шоффа среди псковичей достигли наивысшего уровня в конце 1880-х гг., когда он был избран не только ремесленным головой (т. е. главой ремесленной управы), но и гласным псковской городской Думы [6].

Рис. 2. Фотография из архива семьи Подчекаевых (ок. 1931 г). Стоят (слева направо): П. Е. Зубченков, Маргарита Шофф, Ирочка Подчекаева, А. И. Шофф, Ольга Зубченкова, неизвестный (А. А. Шофф?).

Сидят: неизвестная, Е. В. Подчекаева, Л. К. Зубченкова, одна из дочерей В. Б. Булгарина

В художественной, мемуарной и краеведческой литературе довольно часто упоминается и гостеприимный дом Е. Ф. Шофф, псковской мещанки, вдовы Ивана Андреевича и матери Александра Шоффов. Как пишет Н. Ф. Левин [3], «двухэтажный каменный дом Елизаветы Фёдоровны Шофф с лучшим в городе книжным магазином Юлия Вольфрама располагался в центре пяти домовладений, занимавших всё пространство между шатровой колокольней храма Михаила

Архангела и Плоской (Профсоюзной) улицей». В этом же доме с 01.02.1898 до 1904 г. размещалась городская Общественная библиотека [9]. И дом на Великолуцкой улице был отнюдь не единственным недвижимым имуществом семьи. В раскладочных ведомостях упомянут не только флигель к нему, но и двухэтажный деревянный дом на Завеличье, на Продольной улице.

Александр Шофф, родившийся в 1871 г., был на 8 лет старше Анатолия Подчекаева, будущего известного псковского архитектора, но есть основания полагать, что знакомы они были с детства. Дело в том, что Владимир Шофф, младший брат Александра, учился в одном классе реального училища вместе с А. Подчекаевым [20]. Так что к началу 1930-х гг., когда были сделаны рассматриваемые нами фотографии, стаж знакомства этих мужчин мог насчитывать 40 лет.

В 1890-е гг. Шофф уехал в Петербург для учёбы в Императорской Военно-медицинской академии. После успешного завершения обучения в 1897 г. [10] судьба молодого врача была связана с военной службой, и мы можем проследить её этапы по страницам «Российского медицинского списка». В 1900 г. Александр-Роберт Шофф указан младшим врачом 10-го Восточно-Сибирского линейного батальона, дислоцированного в Хабаровске [13]. Кстати, именно там 7 июля 1900 г. родился его сын, тоже Александр [22]. Возможно, на рассматриваемом нами фотоснимке в верхнем ряду запечатлён именно Александр Шофф-младший. Несколькими годами спустя он помог устроить архитектора Подчекаева, заболевшего раком, на лечение в немецкую клинику, куда сам он к тому времени поступил на службу в качестве хирурга.

Сказав о рождении сына, мы должны упомянуть и о том, что супруга Александра Ивановича — Мария Яловец — тоже была представителем известной псковской купеческой семьи. Мы можем видеть её на ещё одной фотографии из архива семьи Подчекаевых (рис. 3).

Согласно списку 1903 г. Шофф служил в той же должности, но уже на другом краю Российской империи — в Ростове-на-Дону, в артиллерийской бригаде [14]. В списке на 1911 г. мы видим Шоффа уже в Калуге, по-прежнему младшим врачом, но теперь — 10-го пехотного полка. Отныне он — надворный советник, и рядом с его фамилией теперь всегда будет указана врачебная специализация: «горло, нос и уши» [15]. Этот факт связан с тем, что в 1910 г. Шофф перешёл из категории «лекарей» в категорию «докторов», защитив в своей «*alma mater*» — Военно-медицинской академии — докторскую диссертацию по теме «О комбинированном действии анестезирующих веществ», разработанную им на основе экспериментальных исследований. Заме-

тим, что тема диссертации вполне естественна для практикующего военного врача.

Рис. 3. Фрагмент фотографии из архива семьи Подчекаевых (ок. 1933 г). Стоят (слева направо): А. А. Подчекаев, Маргарита Шофф, неизвестные. Сидят: неизвестная, супруга А. И. Шоффа Мария Шофф (урождённая Яловец)

Наконец, Шоффу удалось перевестись в Псков, и в списке 1912 г. он числится младшим врачом 94-го полка (возможно, опечатка), а в списке 1914 г. — 93-го пехотного полка в Пскове [16].

Вернувшись в родной город, Александр Иванович поселился всё в том же доме Шоффов на Великолуцкой, о котором было упомянуто ранее, и открыл частную практику. Об этом свидетельствует «Памятная книжка Псковской губернии на 1913–14 гг.», включившая его в «Алфавитный список проживающих в гор. Пскове врачей, акушерок,

повивальных бабок, зубных врачей и дантистов» и указав место его жительства: «Великолуцкая ул., собств. дом» [8]. И даже если по какой-то невероятной причине Александр Шофф и Анатолий Подчекаев не были знакомы ранее, то уж теперь-то не могли не познакомиться: ведь Анатолий Алексеевич жил совсем неподалёку — в доме своего тестя, купца Александрова, на той же Великолуцкой улице [7].

В те годы помимо частной практики и службы в Иркутском полку, Шофф служил врачом-специалистом в лечебнице при Алексеевской общине Красного Креста [8]. И в этой своей ипостаси он также не мог не встретиться с Подчекаевым, который в 1911 г. разработал проект, а в 1912–13 гг. руководил строительством нового здания лечебницы на углу Форштадтской (нынешней Кузнецкой) и Бастионной улиц [2].

Свидетельством тому, что А. И. Шофф был достаточно известным и уважаемым человеком, является его избрание в гласные Псковской городской Думы на четырёхлетие с 1913 г. [11] — т. е. в первые же выборы, состоявшиеся после его возвращения в родной город.

К рассматриваемому периоду относится ещё одно документальное упоминание о Шоффах. Сын Александра Ивановича, тоже Александр Шофф (тот самый, который родился в Хабаровске, а в начале 1930-х гг. уже работал в Германии), упомянут как ученик V класса Псковской гимназии, который 10.11.1914 «выбыл по желанию родителей в гимназию Императорского Человеколюбиваго О^{бщ}» [18].

Упомянем, что к началу 1910-х гг. в родной город смог перевестись и младший брат Александра Ивановича — Владимир (тот самый одноклассник Анатолия Подчекаева по Сергиевскому реальному училищу). Владимир Иванович выбрал военную карьеру, и в списках Российской императорской армии на 01.01.1909 он указан как поручик 108-го пехотного Саратовского полка, расквартированного в Вильне [5]. А в 1911 г. он уже штабс-капитан 96-го Омского полка [7]. В составе этого полка В. И. Шофф участвовал в Первой мировой войне, и 19.03.1915 был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [12]. О его дальнейшей судьбе пока ничего узнать не удалось.

А. И. Шофф, судя по всему, также вместе со своим Иркутским полком находился на фронте. Несомненно, было бы очень интересно проследить его судьбу в годы Великой войны. Однако, хранящиеся в РГВИА фонды с документами Иркутского и других полков, до 1914 г. расквартированных в Пскове, к сожалению, сейчас временно недоступны для автора этих строк.

Поэтому нам пока неизвестно, и предстоит немало времени провести в архивах, чтобы выяснить, какими путями Александр Иванович оказался в Эстонии. В списках жителей Пскова, составленных в конце декабря 1917 г., обнаружить его не удалось, хотя его мать, Елизавета Фёдоровна, в этих списках указана [19]. Однако известный российский историк С. В. Волков имел, судя по всему, достаточно веские основания, чтобы упомянуть А. И. Шоффа на своём сайте «Участники Белого движения в России». Вторым фактом, косвенно свидетельствующим о том, какую сторону военный врач Шофф занял в кровопролитном российском противостоянии, говорит упоминание о нём в списке офицеров эстонской армии 1918–40 гг., опубликованном музеем им. Лайдоннера [21]. На официальной странице этого музея приведены два документа, в которых фигурирует Александр Шофф. Из этих документов мы можем сделать следующие выводы: во-первых, по крайней мере, до апреля 1920 г. Шофф служил младшим ординатором в 1-м Тартуском военном госпитале. Во-вторых, он перенёс некое серьёзное заболевание — настолько серьёзное, что о нём указывал в своём рапорте начальник медицинской службы эстонской армии. В-третьих, не позднее 31.08.1922 на основании решения медкомиссии приказом военного министра Эстонской Республики Шофф был освобождён от военной службы.

Попытка хоть что-нибудь узнать об упомянутом 1-м Тартуском военном госпитале дала парадоксальный результат: какая-либо информация об этом госпитале отсутствует, зато из «Перечня русских больниц, образованных в марте 1920 г. Военно-санитарным управлением эстонской армии» [23] следует, что в Тарту находилась только одна из этих больниц: 1-я русская больница Красного Креста, преобразованная из 1-го этапного лазарета Красного Креста Северо-Западной армии. Исследователь Ю. Мальцев [4] называет это учреждение «госпиталь русского Красного Креста № 1» и сообщает, что он «находился в Тарту, в здании университетской студенческой корпорации "Livonia". ... На начало марта 1920 в нем был... в основном балтийско-немецкий персонал».

Очень хочется на основании изложенных фактов построить логичную версию, что обрусевший немец Шофф служил военным врачом в Северо-Западной армии, в госпитале, по удивительному совпадению располагавшемся в Дерпте в здании корпорации «Livonia», объединявшей, как известно, преимущественно ливонских немцев [17] (а ведь мы помним, что Иван Шофф был уроженцем Лифляндской губернии). Служа в госпитале, Шофф заразился тифом (как и очень многие врачи и санитары) во время эпидемии, свирепствовавшей в

1919–20 гг. в частях Северо-Западной армии и в лагерях беженцев. Выздоровление Шоффа совпало с постепенным затуханием эпидемии и соответствующим сокращением временных больниц, в результате чего Александр Иванович смог перейти к мирному труду.

Всё вроде бы гладко выстраивается, но эта версия должна быть подтверждена документами, которых пока что в нашем распоряжении нет... Точно так же мы не обладаем пока сведениями о жизни А. И. Шоффа в Тарту: где он служил, имел ли других детей (кроме дочери Маргариты и сына Александра), когда уехал в Германию его сын и когда — сам Шофф. Судя по всему, его дружеское приятие с А. А. Подчекаевым было настолько искренним и прочным, что даже лютеранское вероисповедание Александра Ивановича (Шофф не обнаружен в исповедных книгах ни одной из православных церквей Тарту) не стало препятствием для того, чтобы он стал крестным отцом маленького Володи, сына Анатолия Алексеевича.

Дату смерти А. И. Шоффа — 18.07.1944 — нам сообщает всё тот же сайт С. В. Волкова. Произошло это в маленьком городке Кредлинген (на сайте Волкова указан г. Кредлинген, но это, вероятно, является опiskeй) земли Баден-Вюртемберг. Что стало причиной смерти — почтенный 73-летний возраст или бомбёжки — нам не известно. Но известно, что в списках врачей послевоенной Германии указан Александр Шофф, родившийся в Хабаровске 07.07.1900 и живущий в Кредлингене [22]. А значит, у нас ещё есть шанс разыскать потомков доктора Шоффа и рассказать им о превратностях судьбы их предка — урождённого псковича с немецкими корнями.

Надеемся, что уважаемые читатели этих строк поймут, почему в данной статье нет подробного рассказа о судьбе самого А. А. Подчекаева — тоже псковского эмигранта: слишком обширна эта тема, чтобы втиснуть её в рамки доклада на Псковских чтениях. Вместо этого мы немного расскажем о персонажах двух фотографий (рис. 4, 5), также обнаруженных нами среди документов рабочего архива Анатолия Алексеевича. Первоначальные попытки идентифицировать людей, запечатлённых на этих фотоснимках, не привели к успеху: ни Ирина Анатольевна Калитс (дочь А. А. Подчекаева), ни участники VI Псковских чтений, прошедших в Печорах в 2015 г., не смогли опознать их. Разгадать этот ребус удалось при помощи сотрудников музея А. С. Пушкина в Маркучьяй, любезно поделившихся с нами одной из имеющихся у них фотографий В. Л. Назимова.

Рис. 4. Семья Назимовых в саду их дома (ок. 1928 г., фото из семейного архива Подчекаевых)

Рис. 5. В. Л. Назимов возле своего дома (ок. 1928 г., фото из семейного архива Подчекаевых)

Сходство изображённых на ней людей с лицами на фотографиях из архива Подчекаевых было бесспорным, вследствие чего можно утверждать, что на первой из фотографий запечатлена семья Назимовых почти в полном составе (слева направо: Надежда Павловна, Георгий, Ольга, Владимир Леонидович и, предположительно, Мария). На другом фотоснимке глава семейства, архитектор и страстный цветовод-любитель В. Л. Назимов стоит чуть поодаль входной калитки, столбы которой увенчаны кадучками с цветами — предметом гордости хозяина дома.

И сам Владимир Леонидович, и его супруга — дочь крупного и достаточно известного островского помещика Павла Фёдоровича Карпова, — и старшая дочь Ольга родились на псковской земле. Как и многие другие псковские дворяне, семья Назимовых предпочла уехать с отступавшими обозами Северо-Западной армии, не предполагая, что уезжают из России навсегда. Вплоть до 1932 г. Назимовы жили в Нарве, в окрестностях которой — в местечке Киви-Ыли — Владимир Леонидович работал на строительстве сланцеперегонного завода. В 1933 г. В. Л. Назимов был приглашён В. А. Пушкиной в качестве управляющего её имения Маркутье, расположенного недалеко от Вильно. О дальнейшей судьбе Владимира Леонидовича и остальных членов его семьи достаточно подробно рассказала Э. Ю. Аверина в своём докладе на VIII-х Псковских чтениях, с которым читатель также может ознакомиться на страницах данного сборника.

На этих страницах мы кратко рассказали о судьбах лишь нескольких бывших псковичей, волею обстоятельств оказавшихся вынужденными эмигрантами и запечатлённых на старых фотографиях из подчекаевского архива. Месяц назад наследники Анатолия Алексеевича передали в моё временное пользование старый фотоальбом, даже беглое знакомство с которым подарило надежду на новые удивительные открытия. Надеемся, у нас будет возможность поделиться этими находками с Вами, уважаемый читатель, на страницах следующих сборников...

Литература

1. *Васильев В. И.* Лицо на фотографии // Псков: альманах ПГУ. 2018. № 48. С. 98.
2. *Левин Н. Ф.* Дореволюционные страницы истории РОКК // Псков. 2008. № 12. С. 129–145.
3. *Левин Н. Ф.* Кто он — «Орест Ц.»? // Псков. 2004. № 21. С. 136.

4. *Мальцев Ю.* Православное духовенство в эпидемию тифа 1919–1920 гг. в Эстонии // Мир Православия. 2006. № 8.
5. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-ое Января 1909 г. СПб., 1909. С. 294.
6. Памятная книжка Псковской губернии [далее — ПКПГ] на 1889 год. Псков. 1889. С. 30, 32.
7. ПКПГ на 1911–1912 гг. Псков. 1911.
8. ПКПГ на 1913–1914 гг. Псков. 1913.
9. Памятники Пскова сегодня // Псков через века / Сост. И. К. Лабутина. СПб., 1994.
10. Приложение к истории Императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) Академии. 1798–1898 гг. СПб., 1898.
11. Псковские губернские ведомости. 1913. № 19 от 04.05. С. 99.
12. Разведчик. 1915. № 1279.
13. Российский медицинский список [далее — РМС] на 1900 г. СПб., 1900.
14. РМС на 1903 г. СПб., 1903.
15. РМС на 1911 г. СПб., 1911.
16. РМС на 1914 г. СПб., 1914.
17. *Рыжакова С.* Фукусы, коммильтоны, филистры...: некоторые предварительные заметки и материалы о студенческих корпорациях Латвии // Антропологический форум. № 19. С. 57.

Архивные источники и интернет-ресурсы

18. Государственный архив Псковской области [далее — ГАПО], ф. 8, оп. 1, д. 46, л. 40, запись 104.
19. ГАПО, ф. 116, оп. 1, д. 100, л. 13–20.
20. ГАПО, ф. 127, оп. 1, д. 41.
21. Eesti Sõjajumuseum — Kindral Laidonteri Muuseum. «Eesti ohvitserid 1918–1940». [Электронный ресурс]: URL: <http://prosopos.es-m.ee/index.aspx?type=1&id=29845>
22. Landesarchiv Baden-Wuerttemberg. [Электронный ресурс]: URL: <https://www/landesarchiv-bw.de>; <https://www/deutsche-digitale-bibliothek.de/item>
23. [Электронный ресурс]: URL: <http://russianestonia.eu/>

ВИЛЕНСКИЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ АРХИТЕКТОРА ВЛАДИМИРА НАЗИМОВА

В статье рассказывается о судьбе Владимира Леонидовича Назимова, след которого для псковских исследователей пропал в 1916 г. Отыскался он совсем недавно в местечке Маркучяй, бывшей усадьбе Варвары Алексеевны Пушкиной (урожд. Мельниковой), жены младшего сына поэта Григория Александровича, в которой сейчас располагается Литературный музей А. С. Пушкина.

Ключевые слова: Пушкины, Михайловское, Маркучяй, Вильнюс, Владимир Назимов, Псков.

На семейном погосте Григория Александровича и Варвары Алексеевны Пушкиных в Маркучяй, рядом с белым крестом надгробия матери невестки поэта — Мельниковой Варваре Николаевне — находится ухоженная могила, на которой нет ни памятника, ни креста, ни именной таблички. Вероятно, имя погребённого здесь человека так и осталось бы тайной для будущего поколения, но благодаря рассказам местных жителей и содержанию письма Марии Морозовой, хранящегося в архиве Литературного музея А. С. Пушкина, можно утверждать, что под сводами старинного склепа обрёл вечный покой псковский епархиальный архитектор — Владимир Леонидович Назимов.

Долгое время в истории вильнюсского Литературного музея А. С. Пушкина имя Назимова упоминалось лишь в связи с последней волей хозяйки усадьбы Варвары Алексеевны Пушкиной — о назначении Владимира Леонидовича её душеприказчиком¹⁵. В алфавитном указателе имён представителей русской эмиграции в Польше 1919–1945 гг. о В. Л. Назимове отмечено: «Общественный деятель, управляющий именем В. А. Пушкиной Маркутье, председатель выставочной комиссии Виленского Пушкинского комитета (1937 г.)»¹⁶. Конкретных данных о происхождении, образовании и семейном положении душеприказчика Назимова выяснить длительное время не представлялось возможным. Кем же был тот таинственный человек, к кото-

¹⁵ LVA. F. 1166. Ap.1. В. 448. L. 884.

¹⁶ Сост. Андрей Р. Мохоля & Павел М. Лавринец. Русская эмиграция в Польше 1919–1945 — алфавитный указатель. «Назимов, В. Л.»

рому, в предчувствии скорой смерти, обратилась Варвара Алексеевна с сокровенной просьбой — спасти усадьбу от разорения и создать в ней музей А. С. Пушкина?

Судьба псковского архитектора Владимира Леонидовича, как и многих его российских современников, была расколота революцией на две части: жизнь в России и жизнь в эмиграции. Псковским исследователям хорошо известна дореволюционная биография Назимова, и этот материал представляет особенный интерес для сотрудников нашего музея. Благодаря подробной биографической справке о Назимове, представленной в статье В. И. Васильева «Скитания Владимира Назимова»¹⁷, и нашим находкам, стала возможна реконструкция биографического материала. В данной работе, во избежание повторения уже опубликованных данных, начнём повествование о судьбе Владимира Леонидовича с обстоятельств его знакомства с семьёй Григория Александровича Пушкина. Архитектор Назимов был женат на Надежде Павловне — старшей дочери Павла Фёдоровича Карпова¹⁸ — управляющего родовым имением Ганнибалов-Пушкиных в селе Михайловском. Надежда с юных лет была дружна с Варварой Алексеевной и Григорием Александровичем. Близким другом семьи Пушкиных стал и её супруг Владимир. Григорий Александрович долгие годы был обеспокоен ветхим состоянием некрополя Ганнибалов-Пушкиных в Святогорском монастыре. Младший сын поэта каждую весну своими силами ремонтировал надгробие отца, но разрушающийся могильный холм требовал более основательного технического решения¹⁹. В преддверии юбилейного празднования Дня рождения Александра Сергеевича, Пушкинский комитет поручил псковскому архитектору В. Л. Назимову произвести необходимые работы по реконструкции некрополя, полный ремонт которого был завершён инженером в 1902 г.²⁰. После продажи Михайловского в 1899 г., Григорий Александрович и Варвара Алексеевна приглашали супругов Назимовых в Вильну, предлагая Владимиру Леонидовичу должность управляющего имением Маркутье. Но архитектор отказался, ссылаясь на семейные хлопоты и чрезмерную занятость.

---

¹⁷ *Васильев В. И.* Скитания Владимира Назимова.

¹⁸ *Модзалевский Б. Л.* Поездка в село Тригорское в 1902 г.: (Отчёт Отделению русского языка и словесности Императорской Академии Наук).

¹⁹ *Потресов В. А.* Александр Яблоновский. Поездка в Михайловское // Наше Наследие. № 99. 2011.

²⁰ *Гейченко С. С., Артамонов М. Д.* Пушкинский некрополь. Алгоритм, 2015 г.

Рис. 1. Слева — Владимир Леонидович Назимов (LPM.F323; публикуется впервые); справа — Варвара Алексеевна и Григорий Александрович Пушкины (Маркутье, 1899 г. LPM.F190)

О некоторых подробностях биографии Владимира Леонидовича мы можем узнать из его черновых писем к дочери В. А. Пушкиной — Варваре Васильевне Бибиковой, датированных 1937–1941 гг. Из посланий архитектора становится очевидным, что в период с 1919 г. и до переезда в Вильну, Владимир Леонидович с женой и тремя детьми живут в Эстонии, где отец семейства занимается строительством. Незадолго до болезни Варвары Алексеевны Назимов с женой и дочерью Марией приезжают в Маркутье и по мере возможности помогают Пушкиной «распутывать дела имения». К сожалению, по словам архитектора, спасти Маркутье было уже поздно. После смерти хозяйки усадьбы, Назимов, исполняя духовное завещание, приводит в порядок дом и семейное кладбище Мельниковых-Пушкиных, надеясь после передачи попечения об усадьбе Виленскому Русскому Обществу вернуться в Эстонию²¹.

---

²¹ ИРЛИ РАН. Архив Маркутье. Ф. 246, № 311 — Назимов, Владимир Леонидович. Черновики писем к Бибиковой, Варваре Васильевне.

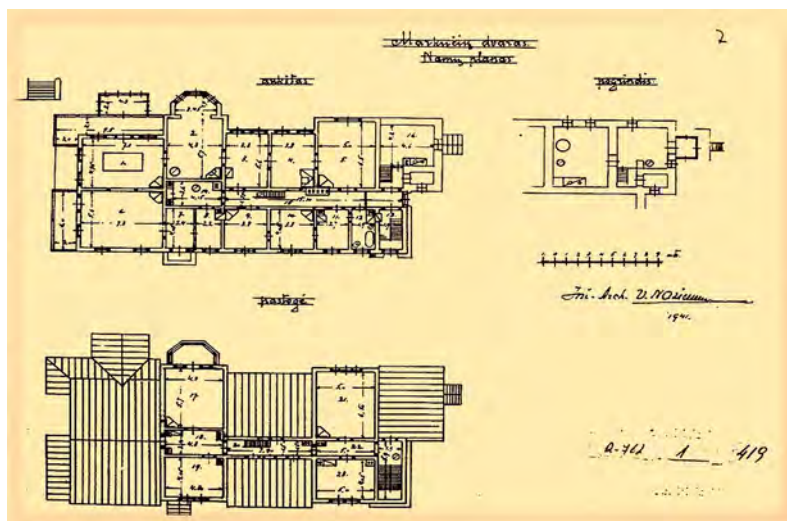
Рис. 2. Слева — дом усадьбы Маркутье (LPM.F026); справа — в усадьбе Маркутье, 1930-е гг.: 1 ряд — В. Л. Назимов, Елена Кожевникова (подруга дочерей), сестра Надежды Павловны Назимовой, Н. П. Назимова (жена); 2 ряд — муж Марии Владимировны Назимовой (зять), Людмила Владимировна Назимова (дочь), Георгий Владимирович Назимов (сын), Мария Владимировна Назимова (дочь) (LPM.F334; публикуется впервые)

Старший сын Назимова Юрий (Георгий), после окончания Нарвской эмигрантской гимназии и Политехникума в Таллинне, в 1931 г. уезжает во Францию, преподаёт математику в частных учебных заведениях Парижа, издаёт журнал «Черпачок». После Второй мировой войны профессор математики Юрий Назимов руководит струнным оркестром «Интерна́та святого Георгия» в Медоне. В 1957–1958 гг. сын архитектора работает в техническом отделе Министерства авиации Франции. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

О средней дочери Назимовых Людмиле информации сохранилось мало — возможно, её следы нужно искать в Польше. Младшая — Мария Владимировна Назимова — родилась в 1916 г. В 30-х гг. некоторое время училась в Пушкинской гимназии в Вильно²², по возвращению в Эстонию окончила курсы руководителей детскими садами и воспитателей детей дошкольного возраста при Союзе русских просветительных и благотворительных обществ в Таллинне и курсы сестёр

²² Центральный государственный архив Литвы. Фонд Пушкинской гимназии 183, 2 опись. Личные дела за 1923–1940 год.

милосердия Красного Креста в Нарве. В 1944 г. была вывезена в Германию.

Рис. 5. План дома в Маркучай, составлен инженером В. Л. Назимовым в 1941 г. (LCVA. R-762, Ар.1, В.419; публикуется впервые)

Рис. 6. Могилы В. Л. Назимова (1876–1941) и Варвары Николаевны Мельниковой (1834–1910). Фото Гинтараса Урбонавичюса. LPM

С 1945 г. Мария Владимировна (в замужестве Морозова) проживала во Франции, работала в Париже в профилактическом институте доктора Верна. С 1947 г. — член ассоциации Российского общества Красного Креста (РОКК) в Париже²³.

В 1982 г. Мария Владимировна Морозова пишет письмо на имя руководства Литературного музея А. С. Пушкина: *«Многоуважаемый Господин Директор, решаюсь обратиться к Вам с вопросом и просьбой. Я Мария Морозова, урождённая Назимова, дочь Владимира Леонидовича Назимова, похороненного в Маркучяй в 1941 году. Сама я прожила с родителями в Маркучяй с 1933 по 1939 года, и училась в русской гимназии в Вильнюсе, где Варвара Алексеевна Пушкина была попечительницей. Вар. Ал. пригласила в 1933 г. моего отца, проживающего в Эстонской Республике, заняться делами ее имения, очень запутанными. Родители мои были знакомы с Пушкиными с молодых лет. В декабре 1935 г. Варвара Алексеевна скончалась на моих руках, поручив моему отцу быть её душеприказчиком. Недавно я получила сведение от одной родственницы, посетившей Ваш Музей, о том, что могила моего отца существует на прежнем месте, но ни креста, ни памятника больше нет. Очень прошу Вас, сообщить мне правильны ли эти сведения, есть ли возможность поставить на могиле отца хоть просто крест (если можно каменный) с надписью и датой рождения и смерти.*

Конечно, я готова за все заплатить, и в случае этой возможности, хотела бы узнать каким образом и на какой адрес можно переслать из Франции деньги?

Если Вас могут заинтересовать кое-какие подробности о последних годах жизни В. А. Пушкиной в Маркучяй, а также сведенья о моем отце, буду рада вам сообщить и прислать две-три сохранившиеся у меня фотографии. Заранее Вас благодарю. Уважающая Вас М. Морозова. Орлеан, 5-9-1982»²⁴.

К сожалению, ответа на своё послание Мария Владимировна так и не получила. В начале восьмидесятых подобные просьбы от иностранных граждан рассматривать было не принято. Письмо сохранилось совершенно случайно, благодаря жительнице Маркучяй — Юлии Варфаламеевны Терновской, которая вновь передала конверт в обновлённую администрацию музея в 1990 г. Марии Владимировне Морозовой было отправлено послание с уверениями о целостности захо-

²³ Мнухин Л. , Авриль М. , Лосская В. Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Москва. Наука; Дом-музей Марины Цветаевой.

²⁴ Архив Литературного музея А. С. Пушкина. Вильнюс. Письмо М. В. Морозовой от 1982.09.05.

ронения и необходимости установки креста²⁵. Но, к сожалению, до этого дня дочь Назимова уже не дожила.

В фондах Литературного музея А. С. Пушкина хранятся десятки семейных фотографий Владимира Леонидовича Назимова, его деловые записи, бумаги по инвентаризации имения и черновики писем.

В 1937 г., к столетию со дня смерти Александра Сергеевича, Назимов возглавил Пушкинский Комитет в Вильне. На торжественном собрании Владимир Леонидович впервые рассказал о проекте создания Пушкинского музея в Маркучяй, начало которому, по словам управляющего имением, — «положат личные вещи семьи Григория Александровича и экспонаты Пушкинской выставки «Жизнь и творчество А. С. Пушкина». Выставка открылась 11 февраля в помещении Виленской Пушкинской гимназии²⁶. К этому событию Комитетом был издан каталог с перечнем мемориальных предметов экспозиции, привезённых Григорием Александровичем из села Михайловское²⁷, семейных фотографий потомков поэта и списком книг из различных библиотечных собраний. О Пушкинских днях в Вильне и о создании музея Назимов сообщает в подробном письме Сергею Михайловичу Лифарю — автору специального выпуска Альманаха «А. С. Пушкин и его эпоха», изданного французским журналом «Иллюстрированная Россия», к столетней годовщине смерти поэта²⁸. Вот несколько строк из черновика этого письма: *«Мне лично, много лет тому назад, в 1899 году довелось принимать ближайшее участие в организации чествования 100-летнего юбилея со дня рождения Пушкина, в Св. Горах Псковской губернии. И, конечно, я не мог себе представить, что буду участвовать и в происходящем чествовании его памяти к 100-летней годовщине смерти, причём в совершенно иной обстановке и иными условиями»*²⁹.

Стараниями Назимова мечта Григория и Варвары Пушкиных постепенно начала осуществляться. В 1940 г. в национализированной усадьбе в Маркучяй был основан музей А. С. Пушкина³⁰. По имеющимся в Литовском Центральном Государственном Архиве документам, с марта 1941 г. усадьба Маркучяй уже официально входит в спи-

²⁵ Архив Литературного музея А. С. Пушкина. Письмо директора музея Бируте Саржицкене от 1990.12.26.

²⁶ Альманах «А. С. Пушкин и его эпоха». «Иллюстрированная Россия». 1937 г. Париж.

²⁷ Архив Литературного музея А. С. Пушкина. LPM. 2325.

²⁸ Архив Литературного музея А. С. Пушкина. LPM. Оп. № 03. Д. № 86.

²⁹ Архив Литературного музея А. С. Пушкина. LPM. Ар. 3. В. 24.

³⁰ Римантас Сидеравичюс. 1999 г. «Литовское пушкиноведение» А. С. Пушкин и Литва. Вильнюс.

сок краеведческих музеев Литвы, служащие которых получают денежное пособие от государства. Документ заверен народным комиссаром просвещения, литовским писателем и переводчиком Антанасом Венцлавой³¹. Фактически, Владимир Леонидович Назимов, с весны 1941 г. до последнего дня своей жизни, исполняет должность первого директора Музея А. С. Пушкина — ведёт активную переписку по хозяйственным вопросам усадьбы, подготавливает документацию на литовском языке, составляет финансовые сметы и отчёты и, кроме прочего, пытается решить материальные и юридические проблемы дочери Варвары Алексеевны во Франции.

За несколько месяцев до смерти Назимов подготавливает точный план всех уровней и помещений жилого дома усадьбы Маркутге³². Это последний чертёж архитектора. Холодным осенним днём 22 октября 1941 г. Владимир Леонидович умирает в одной из городских больниц Вильнюса. В тот год ему исполнилось 65 лет. Гроб с останками Назимова поместили в каменный склеп семейного некрополя Пушкиных-Мельниковых в Макучяй, рядом с прахом матушки Варвары Алексеевны — Мельниковой Варвары Николаевны (1834–1910). Над усыпальницей установили деревянный православный крест, который после 1945 г. был окончательно утрачен. После смерти мужа вдова инженера ещё полгода выполняла обязанности хранительницы Музея-усадьбы. Но в апреле 1942 г., написав просьбу об освобождении от занимаемой должности, Надежда Павловна Назимова уезжает к дочери Марии в Эстонию, затем во Францию, покидая Маркучяй навсегда.

В октябре 2018 г. исполняется 77 лет со дня смерти Владимира Леонидовича. Из разрозненных фрагментов жизни, благодаря письмам и архивным документам, воссоздаётся биография Назимова — епархиального псковского архитектора, хранителя пушкинской памяти, первого руководителя Музея А. С. Пушкина в Вильнюсе.

---

³¹ Литовский Центральный Государственный Архив. R-762, Ap. 1, B. 419, l. 57.

³² Литовский Центральный Государственный Архив. R-762, Ap. 1, B. 419.

ИСТОРИЯ ПЫТАЛОВСКИХ (ЯУНЛАТГАЛЬСКИХ, АБРЕНСКИХ) ЭСТОНЦЕВ

Пыталовский район Псковской области, находящийся на границе с Латвийской Республикой, традиционно населяли русские, латыши, латгальцы и представители других этносов. Малоизвестным является тот факт, что в районе жили также эстонцы, исповедовавшие как лютеранскую, так и православную веру. Самобытная группа сапохновских эстонцев проживала до Великой Отечественной войны в трёх километрах от Вышгородка, в деревне Сапохново. Новизна настоящего исследования заключается в том, что автор впервые собрал и обобщил малоизвестные ранее данные (в т. ч. на основе архивных источников и материалов газет на эстонском языке) об эстонцах в Пыталовском (Яунлатгальском, Абренском) крае.

Ключевые слова: эстонцы, Псков, Пыталово, Яунлатгале, Абрене, Вышгородок, Аугшпилс, Сапохново.

В конце XIX — начале XX века эстонцы в поисках лучшей жизни переселялись из Эстляндской и Лифляндской губерний в восточном направлении, в том числе и на территорию современной Псковской области. Особенно много проживало их на территории нынешних Гдовского, Печорского, Псковского, Красногородского, Струго-Красненского, Плюсского и Дновского районов.

В период с 1920 по 1944 г. Пыталовский район входил в состав Латвийской Республики, с 1925 по 1938 г. город Пыталово назывался Яунлатгале, с 1938 по 1945 г. — Абрене. В Пыталовском крае традиционно проживали русские, латыши, латгальцы и представители других этносов. Живут латыши там и сейчас: по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в районе насчитывалось 48 латышей [3]. Однако до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. эти территории населяли и эстонцы. В 1925 г. Яунлатгальский уезд насчитывал 361 эстонца, в 1930 г. — 302 эстонца, в 1935 г. — 333 эстонца [14–16].

Город Пыталово не следует путать с деревней Пыталова (по-эстонски Pitalovo или Piitalova; по-русски — Большие Березнюки) Печорского района, в окрестностях которой до войны жили на хуторах представители народа сето. В сражении у этой деревни 2 апреля

1919 г. погиб основатель скаутского движения Эстонии, спортивный деятель Антон Ёунапуу (1887–1919) [30]. Эстонские языковеды считают, что происхождение названия деревни Пыталова, равно как и города Пыталово (по-латышски Pitalova), восходит к латышским словам «rie Tālavas» («у Талавы») [37]. Талавское (или Толовское) княжество — одно из первых феодальных княжеств на месте современной Латвийской Республики.

К 1935 г. в городе Яунлатгале жили 10 эстонцев, в Аугшпилсской (Вышгородецкой) волости — 24, в Каценовской (Качановской) — 49, в Линовской — 2, в Пурвмальской (Носовской) — 3 эстонца. Во второй половине 1930-х гг. к Абренскому уезду относился город Балви (здесь в 1935 г. жили 14 эстонцев), а также волости бывшей Витебской губернии — Лиепнинская волость (в 1935 г. — 131 эстонец), Балтинавская (24), Балвская (38), Берзпиллская (3), Пурвмаловская (3), Шкилбенская (17), Тилжская (1), Вилякская (17). Гаурская (Гавровская) и Ругайская волости были единственными в Абренском уезде, где эстонцы не были представлены (согласно имеющимся статистическим данным) к 1935 г. Данных о проживающих в Виксинской и Упмальской волостях в 1935 г. эстонцах не имеется [16].

Эстонские газеты публиковали на своих страницах новости из Пыталовского края, а также объявления. В апреле 1913 г. в газете «Постимеэс» («Postimees»), выходящей на эстонском языке в Эстляндской губернии, можно было встретить объявление о продаже земельного участка «Островки» размером 170 десятин в 12 верстах от вокзала Пыталово [28]. Внимание журналиста газеты «Пяэвалехт» («Päevaleht») привлёк случай, когда на станции Пыталово 24 ноября 1918 г. сделал остановку специальный поезд, в котором находился Верховный главнокомандующий российской армии Н. В. Крыленко (1885–1938). Поезд, возвращавшийся из Могилёва, на станции окружили солдаты, желающие поехать в Петроград. Однако охрана быстро их разогнала, объяснив, что в нём едет «сам Крыленко» [23]. В июне 1928 г. в «Постимеэс» сообщалось о небывалом наводнении — о том, что весь Яунлатгальский уезд «находится под водой, в том числе и железнодорожная линия» [25]. В 1939 г. журналист «Сакала» («Sakala») обратил внимание читателей на то, что вокруг Абрене появилось много волков, пришедших в Латвию через границу из СССР, они представляли опасность домашнему скоту, была организована охота [40]. Об утраченных в ходе войны зданиях центральной части города Абрене писала газета «Рахва Хяаль» («Rahva Hääl») [29].

В 1903 г. вышел труд эстонского фольклориста и языковеда Оскара Калласа (1868–1946) о красненских (красногородских) эстон-

цах («Kraasna maarahwas»), в котором он упомянул о том, что псковские хutorяне сообщили ему в 1901 г. о существовании эстонской общины в 30 верстах от города Острова, в деревне Сапохново (недалеко от Пыталова) [20] (рис. 1). Эти эстонцы называли себя «народом своей земли» или, по-эстонски, «Сапохново маарахwas».

Эстонский архивариус, библиотекарь и краевед Паулоприйт Воолайне (09.10.1899–17.10.1985) побывал в июле 1921 г. в Пыталове. Местные жители сообщили ему, что в 6 километрах от Пыталова, в Вышгородке (Аугшпилс) живут эстонцы — торговец Соммер (Sommer) и содержатель чайной Блаубрюк (Blaubrück). Один русский сообщил также исследователю, что в 4 километрах к северу от Вышгородка есть деревня Сапохново, где «живет чухна», и добавил, что они «очень странно говорят между собой, как гуси гогочут».

Рис. 1. Деревня Сапохново. Фрагмент топографической карты.
Лист О-35-105-С. ФГУП «ГОСГИСЦЕНТР», 2001 г.

В 1870 г. в Сапохнове располагалось 4 крестьянских двора, где проживали 30 чел. В начале XX в. деревня Сапохново, в которой жили бывшие помещичьи крестьяне, относилась к Худяковскому сельскому обществу Вышгородской волости [1].

П. Воолайне доехал до Вышгородка и зашёл в гости к эстонцу Блаубрюку. Выяснилось, что он и его супруга говорят на южно-эстонском диалекте. Приехав же в Сапохново, краевед посетил дом старика по фамилии Егоров, который, как ему подсказали, «говорит по-чухонски». Оказалось, что по-эстонски он знает только несколько слов, в том числе умеет считать от одного до десяти (говор у него был, как у сетокеза). «Kümme» (по-эстонски «десять») он произносил как «kümmen». Дед Егорова приехал в Сапохново с острова Колпина (Kolpino/Kulkna saar) Псковского озера, где традиционно проживали представители народа сето. В 1926 г. П. Воолайне вновь побывал в Сапохнове, сфотографировал сапохновских эстонцев и передал в Эстонский национальный музей эту фотографию, а также старый каннель. Исследователь предположил, что сапохновские эстонцы являются подгруппой красненских (красногородских) эстонцев, проживавших в окрестностях с. Красное (ныне — пос. Красногородск) [41].

В городе Яунлатгале имелась евангелическо-лютеранская община, зарегистрированная по улице Порука, дом 6. Руководителем являлся латыш Каулиньш, проживавший на улице Калпака (Пушкинская), дом 13 [9]. 22 сентября 1929 г. заложили здание Яунлатгальской евангелическо-лютеранской церкви (архитектор Паулс Кундзиньш), его освятили лишь в 1936 г. Сейчас в бывшей церкви (рис. 2) по адресу улица Чехова, дом 4, располагается Пыталовский музей Дружбы Народов. До того времени, как церковь открыла свои двери для прихожан, богослужения проводились в зале мирового суда.

Из Риги в Яунлатгале-Абрене приезжал пастор Рижского эстонского прихода Арнольд Хяуслер (Arnold Häusler; 1871–1943). В 1935 г. эстонский журналист газеты «Ээсти Кирик» («Eesti Kirik») писал о том, что службы для местных эстонцев на их родном языке были долгожданным событием. Ведь проходили они чрезвычайно редко: последняя служба состоялась 5 лет тому назад! На службе в 1935 г. листки с песнопениями вмиг словно бы «испарились» — как свежий хлеб во время голода, так как свои сборники песнопений имели только пожилые люди. Службу посетили эстонцы, проживающие не только в городе Яунлатгале, но и эстонцы с близлежащих деревень и хуторов, причём исповедующие как евангелическо-лютеранскую, так и православную веру. После службы для всех прихожан накрыли стол в доме Блаубрика (härra Blaubriki majas; возможно, это тот же самый че-

ловек, с которым П. Воолайне встречался в Вышгородке). Окончив дела в Яунлатгале, пастор А. Хяуслер (рис. 3) отправился в находящуюся неподалеку в Балтинавскую волость, где его также ждали эстонцы, чтобы причаститься [17].

Рис. 2. Евангелическо-лютеранская церковь в городе Яунлатгале.
Источник: Abrene-Pitalova. Jaunlatgales evaņģēliski luteriskā baznīca.

Latvijas Nacionālā bibliotēka. [Электронный ресурс]: URL:
<http://www.zudusilatvija.lv/objects/object/18713> (дата обращения:
10.08.2018)

Городской стадион Яунлатгале-Абрене являлся местом проведения конных состязаний. В них принимали участие и спортсмены, приехавшие из Эстонии [10]. С 1936 г. заработала Яунлатгальская государственная гимназия национальных меньшинств с преподаванием на латышском языке. Хор Никольского храма в Пыталове посетил в 1939 г. эстонский город Петсери (ныне город Печоры Псковской области), где выступил на II Русском Певческом празднике. Духовной частью программы руководил регент хора П. О. Николаев, светской — руководитель хора А. И. Киселёв [11].

С Пыталовским районом связаны многие эстонцы и уроженцы Эстонии, оставившие яркий след в культурной, религиозной, военной, транспортно-логистической сферах России и Эстонии. Уроженец Пурманской волости Юрьевского уезда Лифляндской губернии, помощник

начальника вокзала Таллина, активный член Кайтселийта, активист профессионального объединения эстонских железнодорожников, эстонец Карл Пютсеп (род. 13.09.1897) работал во второй половине 1910-х гг. телеграфистом на станции Пыталово (см. рис. 3) [33].

Рис. 3. Слева — Арнольд Хяуслер (фотография 1929 г.; источник: Eesti Rahvusarhiiv. Välis-Eesti Ühing (AIS). EFA.180.P.A-62.36); справа — Карл Пютсеп (источник: Tallinna jaamaülema abi K. Pütsepa teenistusjuubel // Uus Eesti. 1939. № 123. 07.05.1939. L. 6)

Родившийся на острове Сааремаа Лифляндской губернии [32], выпускник Сааремааской общей гимназии и Ленинградской духовной семинарии (1958 г.), эстонец Андрей Александрович Клаас (09.01.1908–21.04.1987) переехал в 1952 г. в Псковскую область и в марте–октябре 1953 г. служил православным священником в деревне Грешина Гора (в церкви Троицы Живоначальной) и городе Пыталово (в Никольской церкви) [7]. Православный священник Владимир Кириллович фон Беренс (Самсонов) (15.02.1947, Таллин — 22.09.2006, Хелленурме) служил с 3 октября 1977 г. по 13 августа 1978 г. в Пыталове [13], а в июле–августе 1978 г. — в деревне Вышгородок, в храме

святых мучеников Бориса и Глеба [8]. С 1925 по 1928 гг. диаконом церкви Вознесения Господня в селении Верхние Овсищи (Аугшиене) являлся православный эстонец Николай Маркович Приймаги (17.04.1894, хутор Вышгородецкой волости — 06.06.1981; рис. 4).

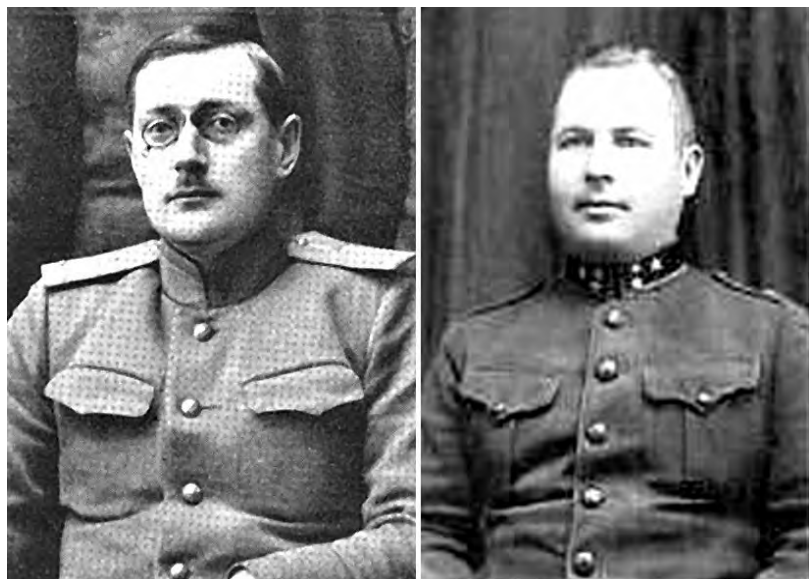

Рис. 4. Николай Маркович Приймаги: слева — около 1930 г. (источник: Приймаги Н. М. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет // URL: <http://kuz1.pstbi.ccas.ru> (дата обращения: 08.08.2018); справа — фотография из архива И. Орловой

Окончив Рижскую духовную семинарию, он с 15 августа 1928 г. по 1944 г. являлся иереем и протоиереем церкви на погосте Верхние Овсищи. Под началом Н. М. Приймаги отремонтировали церковь, он вёл активную работу по духовно-нравственному воспитанию прихожан, создал хор [5].

В годы Гражданской войны в России 1917–1923 гг., а также Эстонской освободительной войны и Освободительной войны Латвии (1918–1920 гг.) в окрестностях Пыталова вели военные действия

эстонские военные подразделения, например, 2-й и 8-й пехотные полки [19]. 29 октября 1919 г. началось наступление эстонских частей в направлении Пыталова и Острова [38], окончившееся неудачей [24]. Получивший ранение военнослужащий, бывший студент юридического факультета, член Эстонского студенческого общества Густав Партс был ранен у озера Мариенингаузен (Виляка). Он попал в руки красноармейцев, которые отвезли его на станцию Пыталово и повесили там [22]. В ходе проведения «Пыталовской операции» (29.10.1919–03.11.1919) смертельное ранение в битве у деревни Углы получил кавалер Креста Свободы, командир Тартуского охранного батальона, капитан Оскар Эллер (11.01.1886–05.11.1919; рис. 5). 5 июня 1934 г. мемориал в его честь (работы скульптора Александра Эллера) на кладбище Паулусе в Тарту открывал председатель Рийгикогу Каарел Ээнпалу (Эйнбунд) [21].

Рис. 5. Слева — Оскар Эллер (источник: Oskar Eller. Kaitseliidu galerii. [Электронный ресурс]: URL: http://ajalugu.kaitseliit.ee/gallery3/index.php/jogeva002x/eller_16_jogeva (дата обращения: 11.08.2018); справа — Александр Антонович Росалка (источник: Aleksander Rosalk (Rosalk). Geni.com. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.geni.com/people/Aleksander-Rosalk/6000000020685207448> (дата обращения: 07.08.2018)

Эстонский бронепоезд «Капитан Ирв» («Бронепоезд № 1»), названный в честь капитана эстонской армии Антона Ирва (17.09.1886–27.04.1919) принимал участие в битвах на пыталовском направлении [18]. 2 ноября 1921 г. государственной награды Эстонской Республики Креста Свободы удостоился православный эстонец, капитан Александр Антонович Росалк (Росалка; род. 16.12.1889 г. в деревне Лыйметса Имаверской волости), который, будучи помощником начальника 8-го пехотного полка, показал отличные боевые результаты в начале ноября 1919 г. под Пыталовом. В годы Первой мировой войны А. А. Росалка (см. рис. 5) также был награждён георгиевским оружием за то, что 31 января 1915 г. повёл свою роту в наступление и выбил немцев из окопов [31].

В настоящее время Пыталовский район последовательно развивает сотрудничество с эстонской стороной. Побывавший в марте 2006 г. с визитом в Псковской области уездный старейшина Пылвамаа Урмас Клаас (в настоящее время — мэр Тарту) встретился с губернатором Псковской области, а также с главой Пыталовского района [27]. В мае 2010 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Пыталовским районом и волостью Ласва (уезд Вырумаа) [34]. Пыталовский район и эстонский муниципалитет Муствез подписали в городе Пскове в мае 2017 г. Соглашение о сотрудничестве [4]. Приоритетными сферами сотрудничества являются экономика, образование, культура, спорт, туризм, социальная политика и природопользование [26]. Пыталовские коллективы самодеятельности часто посещают Эстонию с выступлениями. Фольклорная группа «Истоки» принимала участие в Международном фестивале «PEIPSIFOLK» в городе Муствез [6]. В январе 2016 г. этот коллектив (руководитель Михаил Владимирович Алексеенко) выступил на «Рождественском вечере» в Муствезском культурном центре. На мероприятии присутствовала заместитель главы администрации Пыталовского района по социальному развитию Вера Михайловна Кондратьева [2]. Группа «Истоки» образовалась в 1998 г. под руководством Аллы Владимировны Генераловой (род. 02.03.1966), которая окончила в 1982 г. среднюю школу № 3 города Силламяэ Эстонской ССР, а потом получала высшее образование в Пскове и Санкт-Петербурге.

Активно участвует Пыталовский район в программах приграничного сотрудничества, в том числе в программе «Эстония — Латвия — Россия». В июле 2007 г. был успешно завершён проект помощи людям с ограниченными возможностями, продлившийся 14 месяцев. Он объединил Пыталовский район, город Валга (Эстония) и Медневскую волость (Балвский район, Латвия) [36]. В 2013–2015 гг. Пыталовский

район совместно с волостью Меремяэ (Эстония), Гдовским районом и АНО СКЦ «ПсковРегионИнфо» участвовал в приграничном проекте «Солнце и ветер» (суммарный бюджет проекта — 936 126.00 евро), в рамках которого в Бороусовской начальной школе произвели капитальный ремонт крыши, заменили часть окон на пластиковые и модернизировали системы отопления и горячего водоснабжения. А в деревне Гавры построили котельную для школы (установили два котла на 150 и 100 кВт, работающих на щепе/пеллетах) [39].

Эстонских туристов всегда привлекали красоты древнего Пскова и других городов Псковской земли. Но не часто посещают они небольшие города области. В августе 1982 г. уроженец острова Сааремаа Прийт Аймла размышлял в эстонской газете «Сирп я Васар» («Sirj ja Vasar»), что неплохо было бы экскурсионному бюро Сааремаа организовать туры по псковским городам, в т. ч. с заездом в Пыталово [12]. В настоящее время эстонцев поражают «российские контрасты», о которых эстонский журналист и писатель Инно Тяхисмаа (род. 17.04.1970) так написал в 2012 г.: «Если в городе, например, во Пскове, есть торговые центры «как в Америке», <...> то в сельской местности, в Пыталово, расположенном в нескольких десятках километров от Пскова, люди всё ещё не могут обойтись без помощи лошади, как и сто лет назад». В доказательство он запечатлел на фотоаппарат проезжающую по дороге недалеко от Пыталова лошадь с повозкой сена, на которой сидят два пыталовца [35].

В настоящее время эстонцы крайне незначительно представлены в Пыталовском районе. На это повлияла как миграция, так и естественная ассимиляция. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Пыталовском районе живут всего три эстонца [3]. Пыталовские (яунлатгальские, абренские) эстонцы внесли весомый вклад в культуру, военное и железнодорожное дело, экономику, торговое дело и религиозную жизнь Пыталовского края, Псковской области, России, Эстонии, а также Латвии.

Литература

1. История Пыталовских деревень (историко-этнографическое и социально-экономическое исследование деревень Пыталовского района Псковской области). М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова, «Энциклопедия российских деревень», 2005. С. 257.

2. Маспанов Ф. Рождественский вечер в Причудье // Чудское побережье. 10.01.2016. [Электронный ресурс]: URL: <http://peipsiran->

nik.info/2016/01/10/rozhdestvenskijj-vecher-v-prichude/ (дата обращения: 12.08.2018).

3. Население по национальности и владению русским языком по муниципальным районам и городским округам. Таблица. Псковстат. С. 88–89. [Электронный ресурс]: URL: http://pskovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/pskovstat/resources/1a7ea8004edefb80a6b6a73467c8ff84/pub-04-04_%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80%3D58000000.pdf (дата обращения: 10.08.2018).

4. Программа III форума приграничных регионов. Проект по состоянию на 10.04.2017. Комитет по промышленной политике и инновациям Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]: URL: https://cpi.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2017/04/26/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0_%D0%A4%D0%BE%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%B0.pdf (дата обращения: 11.08.2018).

5. Синодик Псковской миссии // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Выпуск 26–27. СПб., 2002. С. 13, 61.

6. *Цветкова Л.* «Истоки» приглашают друзей! // Наша жизнь. 20.04.2018. [Электронный ресурс]: URL: <http://smi60.ru/newspaper/article/view/id/57170> (дата обращения: 11.08.2018).

7. *Цветков Н., Конов Ю.* Никольская церковь в Пыталове и ее настоятели // Псковская правда-Вече. 07.09.2006. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.culture.pskov.ru/ru/objects/object/83/publications/60> (дата обращения: 01.08.2018).

8. *Цветков Н. А., Махнов В. В., Петров Г. Н.* Вышгородок. Форпост древнего Пскова. Пыталово, 2005. С. 42.

9. *Цветков Н. А.* Пыталово. Село-полустанок-город. Пыталово, 2003. С. 9.

10. *Цветков Н. А.* Пыталово. Сельцо-станция-город. Пыталово, 2007. С. 10–11.

11. *Цветков Н. А.* Храмы Пыталовского района. Пыталово, 2004. С. 32.

12. *Aimla P.* Südamelt ära // Sirp ja Vasar. 1982. № 33. 13.08.1982. L. 16.

13. Berens/Samsonov Vladimir. Vaimulike andmebaas. Eesti Apostlik-Õigeusu kirik. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.eoc.ee/vaimulik/berens-vladimir> (дата обращения: 08.08.2018).

14. *Bespyatov T.* Statistics. Pop-stat.mashke.org. 2008–2018. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/latvia-ethnic-comm1925.htm> (дата обращения: 03.08.2018).

15. *Bespyatov T.* Statistics. Pop-stat.mashke.org. 2008–2018. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/latvia-ethnic-comm1930.htm> (дата обращения: 03.08.2018).
16. *Bespyatov T.* Statistics. Pop-stat.mashke.org. 2008–2018. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/latvia-ethnic-comm1935.htm> (дата обращения: 03.08.2018).
17. Eestikeelsed jumalateenistused Läti eestlastele // Eesti Kirik. 1935. № 47. 21.11.1935. L. 4.
18. Esimene suurtükipauk // Waba Maa. 1928. № 278. 29.11.1928. L. 7.
19. *Kadastik K.* Anname nii, et sulp ja sodi // Maaleht. 2009. № 48. 26.11.2009. L. 32.
20. *Kallas O.* Kraasna maarahvas. Helsinki, 1903. L. 8.
21. Kapten Oskar Elleri mälestuseks // Postimees. 1934. № 151. 06.06.1934. L. 6.
22. Kolonel Karl Partsi mälestusi võitluspäevilt Isamaa eest. Soomusronglased lahingupalavikus // Uudisleht. 1931. № 65. 13.06.1931. L. 5.
23. Krölenko «burshui» // Päewaleht. 1917. № 269. 30.11.1917. L. 4.
24. Lisamaterjale Eesti ajaloo õpetamiseks keskkoolis // Nõukogude Õpetaja. 1989. № 2. 14.01.1989. L. 3.
25. Läbi üleujutatud Läti // Postimees. 1928. № 170. 26.06.1928. L. 4.
26. Mustvee linna eelarvestrateegia 2018-2021. Mustvee, 2017. L. 15. [Электронный ресурс]: URL: https://www.riigiteataja.ee/aktiivisa/4190/9201/7004/Lisa_Mustvee_linna_eelarvestrateegia%202018-2021.pdf (дата обращения: 03.08.2018).
27. Maavanem kohtub Pihkva oblasti juhtidega // Koit. 2006. № 36. 28.03.2006. L. 1.
28. Mõisa müüa // Postimees. 1913. № 97. 30.04.1913. L. 3.
29. *Pelshe A.* Vabastatud Läti pinnal // Rahva Hääl. 1944. № 48 (525). 30.08.1944. L. 3.
30. Petseri vald // Riigi Teataja. 1939. № 75. 09.09.1939. L. 1615.
31. *Pihlak J.* Põltsamaa kihelkond ja vabaduse risti vennad. Viljandimaa aastaraamat 2006. Viljandi, 2006. L. 186. [Электронный ресурс]: URL: <http://muuseum.viljandimaa.ee/aastaraamat/2006/pihlak.pdf> (дата обращения: 08.08.2018).
32. *Sõtsov A.* Eesti Õigeusu Piiskopkonna halduskorraldus ja vaimulikkond aastail 1945–1953. Magistritöö. Juhendajad R. Altnurme, T. Kulmar. Tartu Ülikool. Tartu, 2004. C. 153.

33. Tallinna jaamaülema abi K. Pütsepa teenistusjuubel // Uus Eesti. 1939. № 123. 07.05.1939. L. 6.
34. *Trumm A. Lasva* // Wõrumaa Teataja. 2010. № 58. 25.05.2010. L. 4.
35. *Tähismaa I.* Venemaal elu nagu Ameerikas // Wõrumaa Teataja. 2012. № 86. 28.07.2012. L. 3.
36. *Uibo M.* Valga, Medneva ja Põtalovo kolleegid lõpetasid projekti. 31.07.2007. [Электронный ресурс]: URL: <https://lounapostimees.postimees.ee/2221327/valga-medneva-ja-potalovo-kolleegid-lopetasid-projekti> (дата обращения: 10.08.2018).
37. *Vaba L.* Mitmekihiline Setumaa // Keel ja Kirjandus. 2014. № 12. L. 916.
38. Vabadussõja kroonika. Võitleja. 1969. 01.10.1969. L. 8.
39. Valgust ja soojust rahvusvahelisest projektist // Rõuge Valla Infoleht. 2014. № 12. 14.08.2014. L. 1.
40. Vene hundid ründavad Lätit // Sakala. № 93. 14.08.1939. L. 3.
41. *Woolaine P.* Sapohnowo maarahwas // Postimees. 1938. № 34. 04.02.1938. L. 6.

О. К. Землякова

Российский Фонд культуры, г. Москва, Россия.

В. В. Леонидов

Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына,

г. Москва, Россия.

E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

ЕВГЕНИЙ КЛИМОВ И СОВЕТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

В статье рассказывается о первых поступлениях в Советский Союз даров русских художников — и ими были дары Е. Е. Климова.

***Ключевые слова:** Евгений Климов, Елена Морозкина, Псков, Фонд культуры, Добужинский.*

Сегодня, когда только недавно мы праздновали выход книги Валерия Сергеева, посвящённой Евгению Евгеньевичу Климову [7], когда вышли в свет две его книги [4] и альбом «Радуга над Псковщиной» [2], а имя мастера беспрестанно упоминается в различных искусствоведческих изданиях, наверное, полезно вспомнить: а как всё началось? Как и каким образом состоялось триумфальное возвращение этого замечательного живописца, графика и реставратора в культуру России.

Евгений Климов (1901–1990), реставратор, иконописец, пейзажист, портретист, яростный, как бы сказали не в столь давние времена, «пропагандист» русской культуры, автор альбомов пейзажей обожаемой Псковской земли, большую часть жизни прожил за границей — в Латвии, Чехословакии, Канаде. Но Россию любил безмерно.

Итак, оглянемся всего на тридцать лет назад и окажемся в Советском Союзе в 1987 г. На волне перестройки и всеобщих надежд создаётся общественная организация — Советский Фонд культуры с отделениями во всех советских республиках и регионах РСФСР. Вокруг публикуются не мыслимые ещё совсем недавно запрещённые произведения, снимаются с «полок» фильмы. На телеэкранах появляются священнослужители. Русские эмигранты и их потомки, разбросанные в силу трагического двадцатого столетия по всему миру, снова появляются на своей Родине. Очень многие из них, десятилетиями в изгнании хранившие уникальные реликвии (архивы, картины, книги, произведения декоративно-прикладного искусства), приняли решение передать их в дар возрождающейся Родине [6]. Советский Фонд культуры, возглавляемый Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым и Раисой

Максимовной Горбачёвой, представлялся многим из русского зарубежья наиболее подходящей для этого организацией. И одним из первых, чьё наследие начало возвращаться в Россию, был именно Евгений Евгеньевич Климов.

Всё началось с письма в Фонд замечательной исследовательницы наследия Псковского края, неутомимого борца за спасение древних памятников архитектуры и церквей, автора прекрасной, особенно по меркам Советской эпохи, книги «Псковская земля» Елены Николаевны Морозкиной (1922–1999). 15 декабря 1987 г. она писала следующее:

«Прошу Вашего содействия и помощи в возвращении на Родину картин художника Евгения Евгеньевича Климова, проживающего в Канаде. Картины, которые он хотел бы передать Псковскому музею, находятся в Праге ... Его (Климова — *В. Л., О. З.*) родственнице, у которой в Праге хранятся его картины, девятый десяток (наследников у неё нет)» [1].

Сам Климов «загорелся» как возможностью передать работы на Родину, так и идеей проведения его выставки в России. «Мне было очень радостно узнать, что дирекция Псковского музея заинтересовалась моими работами. Идея проведения выставки моих работ, посвящённых Пскову и Печерскому краю, мне очень нравится... Часть этих картин я бы с удовольствием передал после выставки Псковскому музею для постоянной экспозиции», — писал он Морозкиной из Монреаля 16 июля 1987 г. [1].

Примерно то же самое через тридцать лет писал авторам этой статьи сын художника Алексей Евгеньевич Климов, так много сделавший для того, чтобы наследие его отца вернулось на Родину.

«Работы хранились в Праге у Ольги Дошкаровой, сотрудницы (секретарши, кажется) Кондаковского института, куда отец приехал из Риги летом 1944 в качестве реставратора икон. Он привёз с собой около тридцати работ для устройства выставки. Увезти их в условиях военного времени было невозможно. Отец снял холсты с подрамников, скрутил их краской наружу, а Ольга Дошкарова закатила свертки под мебель в своей квартире. Так работы и пролежали до пересылки в Псков... Ольга Дошкарова не переписывалась с отцом, чтобы не привлекать внимание к себе — контакты осуществлялись только через третьих лиц...».

Имя Ольги Дошкаровой не встретишь в литературе, посвящённой русской эмиграции в Праге, так как научной работой она не занималась, но действительно работала в Кондаковском институте помощницей директора, легендарного Николая Ефремовича Андреева (1908–1982). Однако в письме Морозкиной указан ещё один человек — ху-

дожник Михаил Моисеевич Айваз (1909–1994). Автор, наряду с И. Я. Билибиным, одной из мозаик в церкви Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище в Праге, он, кроме того, после войны работал над созданием мозаик для Ленинграда, после чего опять вернулся в Прагу [5]. «Айваз в курсе всех дел и только и ждёт, чтобы кто-нибудь обратился к нему относительно работ Евгения Евгеньевича Климова, — сообщала Елена Николаевна. — Он знает адрес старушки, у которой хранятся работы Климова. Они будут переданы Советскому Союзу при первом же запросе... Он близко знаком с Е. Е. Климовым, желающим передать нам свои картины» [1].

В этих письмах есть поразительная примета времени. Дошкарова, пережившая и немецкую оккупацию, и аресты эмигрантов после войны, тщательно прятала свой адрес и не общалась ни с кем напрямую.

Снова обращаемся к письму Алексея Евгеньевича Климова. «Мне говорили сотрудники Псковского музея, что эта операция потребовала поистине огромных усилий. Надо было преодолевать одну бюрократическую преграду за другой». В результате действий Морозкиной, Михаила Айваза, Советского посольства в Праге и Советского Фонда культуры 46 работ Климова были переданы в Псковский художественный музей.

Однако Климов, вдохновлённый этой первой победой возвращения на свою запретную Родину, не собирался останавливаться. Во время своих бурных странствий он стал обладателем ценнейшей коллекции — эскизов Добужинского, женского портрета работы Василия Сурикова, собрания акварелей и рисунков Александра Бенуа. И все это он решил передать в Россию.

Ещё один документ из Дела дарения Евгения Климова, сохранившийся в архиве Российского фонда культуры:

«Дарственная. 14 февраля 1989 г.

Я, Климов Евгений Евгеньевич, проживающий в Канаде по адресу: 5365 Viktoria Ave. Apt. 3. Montreal, Quebec, Canada, H3 W 2P2, по собственному желанию безвозмездно передаю в дар Советскому культурному фонду следующие предметы, являющиеся моей личной собственностью» [1].

И далее идёт перечисление акварелей и рисунков Александра Бенуа, в т. ч. портрет сына Бакста Андрея, эскиз к костюму «Щелкунчика» в Ла-Скала, виды Петергофа, а также одна работы Зинаиды Серебряковой. Всё это богатство было передано в Петергоф и стало основой создаваемого Музея семьи Бенуа во Фрейлинском доме.

А портрет молодой женщины кисти Сурикова и три эскиза Мстислава Добужинского остались в собрании Российского (правопреемника Советского) Фонда культуры. На всех выставках Фонда удивительный женский образ, созданный Суриковым, всегда привлекал особое внимание.

История этой картины воплотила в себя многие драматические события XX в. [3]. На ней Суриков запечатлел образ своей, ушедшей ко времени создания этюда, жены Елизаветы Шаре.

Но в самом нижнем углу картины можно разглядеть надпись «Этюд к картине «Исцеление слепого» работы В. И. Сурикова удостоверяю. О. В. Сурикова-Кончаловская. 1917». Написала это дочь великого живописца и супруга другого замечательного художника Ольга Васильевна Сурикова-Кончаловская. А на обороте картины две надписи. Сначала: «Из коллекции Трояновского перешла в собственность к московскому торговцу Крайскому и далее к берлинскому банкиру Раппопорту». И затем — «Собственность Е. Е. Климова. Рига. Riga, Taubenst, 23–3 Март 1944».

ВАСИЛИЙ СУРИКОВ
Этюд к картине «Исцеление слепорожденного (Портрет Елизаветы Шаре)». 1888. Холст, картон, масло
Собрание РФК
VASILY SURIKOV
The study for the picture "Healing of the Blind from Birth (The portrait of Elisabeth Scharrel)". 1888
Oil on canvas, cardboard
The collection of the Foundation of Culture

МСТИСЛАВ ДОБУЖИНСКИЙ. Интерьер. 1933
Бумага, акварель. Собрание РФК
MIHAIL DOBOUJINSKY. The Interior. 1933. Watercolour on paper.
The collection of the Foundation of Culture

Рис. Дары Е. Е. Климова в Российский фонд культуры

Итак, речь идёт об этюде к картине «Исцеление слепорождённого», которая ныне хранится в Церковно-археологическом кабинете Троице-Сергиевой лавры. Суриков приступил к работе над этим произведением вскоре после смерти жены в 1888 г. И, судя по всему, если верить автографу дочери, искал лик ангела.

Картина оказалась в собрании замечательного врача и мецената Ивана Ивановича Трояновского, затем у торговца картинами Крайского, потом ей завладел берлинский банкир Раппопорт и в 1944 г. она попала к Евгению Климову, а в конце 1980-х гг. в Советский Фонд культуры, где сейчас и хранится. Там же, где и бережно сберегаются в Российском Фонде культуры другие дары Климова, — семь работ Мстислава Добужинского, среди которых изумительный портрет писателя Евгения Замятина. Остальные реликвии, подаренные Евгением Евгеньевичем, как уже говорилось, ныне являются гордостью Псковского Историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и Музея семьи Бенуа в Петергофе.

Такова лишь небольшая страница истории Советского (ныне Российского) фонда культуры в деле возвращения наследия русской эмиграции, одним из самых достойных представителей которой был Евгений Евгеньевич Климов.

Литература

1. Архив Российского фонда культуры, дело дарения Е. Е. Климова.
2. *Галицкий В. М.* Радуга над Псковщиной: художник, искусствовед, педагог, реставратор Е. Е. Климов и Псковский край. Псков, 2011.
3. *Землякова О. К., Леонидов В. В.* Несостоявшийся ангел // Третьяковская галерея. 2004. № 1. С. 84–89.
4. Климов Е. Е. Художник, искусствовед, педагог. Рига, 2002.
5. *Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я.* Художники русского зарубежья. Биографический словарь. СПб., 1999. С. 76.
6. *Леонидов В. В.* Кастальский ключ // Наше наследие. 2001. № 59/60. С. 19–26.
7. *Валерий Сергеев.* Евгений Климов. Художник-реалист русского зарубежья. (1901–1990). М.: Русский путь, 2018.

ЛАТВИЯ В СУДЬБЕ ХУДОЖНИКА ЕВГЕНИЯ КЛИМОВА

Статья посвящена описанию жизни Е. Е. Климова в Латвии. Рассказано о его рождении, учёбе в Академии художеств, преподавании в Русской гимназии.

Ключевые слова: Митава, Рига, Русская гимназия, Академия художеств, семейные традиции.

Евгений Евгеньевич Климов родился 8 мая 1901 г. в тогдашнем главном городе Курляндской губернии — Митаве (с 1920 г. — Елгава), расположенном примерно в 50 км к югу от Риги. В этом же городе родились и три его брата: Георгий (1895–1967), Константин (1896–1974), Павел (1899–1970). Евгений был младшим ребёнком в семье.

Митава не была родным городом для родителей Евгения Климова. Евгений Александрович Климов (1868–1919) и Мария Александровна Кунце (1870–1949) познакомились в С.-Петербурге и там же обвенчались. В Митаву они приехали в 1895 г. уже будучи мужем и женой.

Родословная Евгения Евгеньевича Климова заслуживает внимания, ибо семейные традиции во многом определили его судьбу. Подробную информацию об этом можно найти в воспоминаниях Е. Е. Климова, опубликованных в 2005 г. в X выпуске «Балтийского архива» [2].

По отцовской линии прадедом художника был Иван Иванович Климов (1811–1883) — известный петербургский архитектор, академик. В его честь назван один из переулков этого замечательного города. Известным инженером-архитектором был и дед Александр Иванович Климов (1841–1887). Поэтому неудивительно, что юношеской мечтой Евгения была архитектура. Однако ввиду сложившихся обстоятельств ему пришлось выбрать живопись и историю искусства.

Отец будущего художника, Евгений Александрович, не пошёл по стопам отца и деда. Он окончил юридический факультет Петербургского университета. Однако смею предположить, что этот выбор не принёс ему истинного удовлетворения. Однажды он сказал своему сыну: «Не будь никогда чиновником». И Евгений Климов на всю жизнь запомнил эти слова и неукоснительно следовал совету отца.

На протяжении всей своей жизни Евгений Александрович обожал музыку и разного рода культурные начинания, к которым сумел приобщить и своих сыновей. После окончания университета он покинул столицу и принял должность помощника судебного секретаря окружного суда в Митаве. В 1895 г. перешёл на службу в Курляндское акцизное управление.

В 1903 г. Евгений Александрович получил место акцизного инспектора в Либаве (Лиепаве), куда вместе с ним переселилась и вся его семья. В Либаве Климовы жили до 1911 г. Первые воспоминания Евгения Климова связаны именно с этим городом на берегу Балтийского моря.

В упомянутом году отец Климова получил желанное назначение в Варшавскую губернию. На десять лет связь Климовых с Латвией прервалась [1; 4; 5].

В Царстве Польском отец Климова получил место ревизора в Варшавском акцизном управлении. Жизнь в Варшаве хорошо описана в воспоминаниях брата Евгения Климова — Константина «О том, что вспомнилось», опубликованных во 2-м и 3-м выпусках «Латвийского православного хронографа» [6]. Но уже в 1915 г., в связи с приближением фронта, семья Климовых покинула Варшаву и обосновалась в Петрограде. Однако спустя два года, спасаясь от начавшихся в городе беспорядков, семья переселилась на юг, в Новочеркасск. Но вскоре и этот южный город оказался в эпицентре гражданской войны. 1 декабря 1919 г. Евгений Александрович скончался от гнойного воспаления почек, успев, однако, оставить глубокий след в формировании мировоззрения и пристрастий своих сыновей.

В Новочеркасске Евгений Климов окончил Реальное училище и поступил в Донской политехнический институт, где пробыл до 1921 г., одновременно учился в Художественной школе И. Ф. Попова³³.

Не менее интересна и родословная по материнской линии. Предком художника был знаменитый каретный мастер Иоганн Кунце, привезённый из Германии для работы при русском императорском дворе в конце XVIII столетия. Со временем фамилия трансформировалась в Кунст, а некоторое время спустя вернулась к изначальной — Кунце. Дедом художника был врач, выпускник Дерптского (Юрьевского) университета Александр Иванович Кунце (1843–1911), работавший в первые годы своей практики на Дальнем Востоке в бухте Находка. Там он женился на уссурийской казачке Татьяне Васильевне Федоревой. На Дальнем Востоке родилась их единственная дочь Мария, в

³³ Латвийский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 1632, оп. 1, д. 10073.

будущем мать Евгения Климова. Когда девочке было три года, родители переселились в Европейскую часть России. Дорога заняла шесть месяцев. Александр Кунце работал земским врачом в Симбирской губернии, потом в Брест-Литовске, а завершил свой жизненный путь в Можайске.

Из Симбирска Мария Кунце (мать Климова) ездила в С.-Петербург, чтобы получить хорошее столичное образование. После гимназии она поступила на Высшие педагогические курсы, которые с блеском окончила, и впоследствии проявила себя хорошим педагогом. В основном преподавала русский язык в немецких школах, каковых в Латвии было немало.

По окончании гражданской войны и становлении независимой Латвийской Республики, в 1921 г., семья Климовых приняла решение о возвращении в знакомые им места, т. е. в Латвию, где у них были все основания на получение подданства.

В том же году Климов поступил в Латвийскую Академию художеств, причём сразу на 2-й курс. Занимался Климов у выходцев, в основном, из российских художественных учебных заведений и студий: у Германа Гринберга, Вильгельма Пурвитиса, Яниса Тилберга, известного искусствоведа Бориса Вишпера и других.

14 декабря 1929 г. решением Совета Латвийской Академии художеств Эйжену Климову (под этим именем он фигурировал в документах и подписывал свои работы) был выдан диплом, что он прошёл курс в фигуральной мастерской со всеми обязательными предметами и получил степень художника-живописца. Диплом был подписан ректором Академии Вильгельмом Пурвитисом³⁴.

Получив диплом художника, Евгений Евгеньевич прошёл обязательную службу в Латвийской армии (18 месяцев), где немало времени проводил за работой по своему профилю. По окончании службы он подал прошение в Академию художеств с просьбой вновь зачислить его в число студентов, чтобы прослушать курс педагогических предметов, ибо сознавал, что, занимаясь только творческой работой, невозможно заработать на жизнь и, тем более, содержать семью.

29 июля 1931 г. Климов вступил в брак с Марией Клементьевной, урождённой Морозовой (1902–1978). Познакомились они в 1922 г. на вечеринке, организованной Обществом русских студентов Латвийского университета. Мария была родом из старообрядческой семьи. Только после девяти лет знакомства они решили обвенчаться. В счастливом браке, в Риге, на свет появились двое мальчиков: в 1936 г. — Илья и в 1939 г. — Алексей.

---

³⁴ Латвийский государственный архив (ЛГА), ф. 485, оп. 1, д. 426.

Рис. 1. Семья Климовых с друзьями: мать — в центре, у её ног — младший Евгений; 2-й справа — отец, рядом с ним, крайний — Константин; 1-й слева — Павел; в верхнем ряду в центре — Георгий (Либава, 1911 г., архив А. Е. Климова)

Климов работал вдохновенно, умело совмещая занятия живописью с педагогической работой. С 1932 г. он преподавал рисование и историю искусства в Русской гимназии, где ему удалось влюбить своих учеников в свой предмет. И именно во многом благодаря им имя и творчество Климова после долгих лет забвения стало достоянием не только Латвии, но и России. Среди них особо значимую роль сыграла Маргарита Васильевна Салтупе, урожд. Морозова (1917–2006). Именно она «нашла» Валерия Николаевича Сергеева, сделавшего первую основательную публикацию о Климове на пространстве бывшего СССР. Это была статья «"Три любви" художника Климова», опубликованная в 1992 г. в Москве в журнале «Златоуст». 12 октября 2018 г. в Пскове состоялась презентации его книги о Климове, изданной московским издательством «Русский путь». К сожалению, Валерий Николаевич Сергеев не дожид до этого счастливого дня: он ушёл из жизни 29 апреля 2018 г.

Рассматривая творчество Климова, замечаешь, что с первых шагов, включая дипломную работу, он обращается к местным мотивам, к Латвии, где он провёл первые годы жизни и где произошло его становление как художника.

В то же время Александр Малнач замечает, что «Климов ищет своё, русское — людей, обычаи, старину». За десять предвоенных лет Климов издал девять альбомов литографий. В вышедшем в 1939 г. справочнике латвийского изобразительного искусства художнику посвящена отдельная статья, содержащая высокую оценку его творчества» [3].

Из хранящейся в Латвийском государственном историческом архиве собственноручно написанной биографии видно, что в 1927 г. Климов совершил путешествие по Эстонии, в т. ч. по Печорскому краю.

В 1928 г. с группой студентов был в Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Новгороде и Пскове, где познакомился, главным образом, с иконописью и памятниками русской старины. Зимой 1928–29 г. работал под руководством известного иконописца П. М. Софронова, что впоследствии сыграло немаловажную роль в его судьбе.

В 1929 г. вместе с художником Ю. Г. Рыковским открыл реставрационную мастерскую. Летом 1929 г. занимался реставрационными работами в Покровской церкви в Риге. Осенью совершил путешествие в Париж для ознакомления с современной живописью. В мае 1928 г. выпустил альбом своих литографий «Десять городских пейзажей» в количестве 100 нумерованных экземпляров, разошедшийся в течение месяца. Альбом приобрели также Латвийский государственный музей и Рижский городской музей. Своими работами участвовал на выставках в Риге и Копенгагене.

В 1931 г. Климов был одним из организаторов выставки «Эпоха Старого Петербурга», приуроченной к празднованию «Дня русской культуры»³⁵.

В 1936 г. художник вновь посетил Россию, побывал в Москве и Ленинграде, мечтал побывать в Михайловском, но разрешение на эту поездку от властей не получил.

В 1932 г. Климов с группой, в основном молодых художников, был в числе основателей Общества любителей искусства и старины «Акрополь». В числе активных участников этого общества был известный юрист, профессор Латвийского университета Василий Иванович Синайский³⁶. Дружба, зародившаяся между Климовым и Синайским, продолжалась до самой кончины профессора в 1949 г., в Брюсселе. Об этом свидетельствует их переписка, опубликованная в 3-м выпуске «Латвийского православного хронографа» [7].

---

³⁵ ЛГИА, ф. 1632, оп. 1, д. 10073.

³⁶ ЛГИА, ф. 1474, оп. 1, д. 1–8.

Рис. 2. На фотографии слева — Евгений Климов, студент Латвийской Академии художеств (Рига, 1922 г.; архив А. Е. Климова); справа — Иконописная мастерская П. М. Софронова (Рига, 1929 г.; слева направо: В. И. Синайский, П. М. Софронов, Ю. Г. Рыковский, В. А. Зандер, Е. Е. Климов, Т. В. Косинская (Балтийско-Русский сборник. Книга II. Stanford, 2007)

Рис. 3. *Климов Е.* Слева — Богородица, спаси нас. Собор святых Симеона и Анны в Елгаве (фото С. Видякиной); справа — Мозаика Иоанна Крестителя на часовне архиепископа Иоанна Поммера на Покровском кладбище в Риге (фото С. Видякиной)

Много сил художник отдал иконописи, изучению и реставрации древних икон. В соавторстве с Юрием Рыковским Климов участвовал в росписи алтарной арки в рижской церкви Иоанна Предтечи. В технике мозаики им выполнен великолепный образ Иоанна Крестителя, украсивший часовню, где был похоронен злодейски убитый 12 октября 1934 г. архиепископ Иоанн Поммер.

Рис. 4. *Климов Е.* Старая Рига (литография, 1930-е гг.)

Исследователь творческой деятельности Климова Борис Равдин отмечает, что «в 1940, с приходом в Латвию советской власти, Е. Климов возглавил в Рижском художественном музее, переименованном в Музей советского искусства Латвийской ССР (ныне — Национальный художественный музей Латвии) Русский отдел (новый для музея), затем занял должность зам. директора музея. Формирование Русского отдела должно было заинтересовать Климова — возникала возможность широкой пропаганды русского искусства. В Риге у коллекционеров было немало работ русской школы, как правило, переместившихся в Латвию из России после революции» [8].

Этот период длился менее года и был омрачён массовыми репрессиями, сказавшимися на решении семьи Климовых эмигрировать на Запад.

Рис. 5. Слева — Маргарита Васильевна Салтупе (ур. Морозова; 1917–2006) — ученица и популяризатор творчества Е. Климova (архив Т. Фейгмане); справа — обложка книги В. Сергеева «Евгений Климов. Художник-реалист русского зарубежья 1901–1990» (М., 2018)

С началом нацистской оккупации Климов был отстранён от занимаемых им должностей. Невзирая на военные условия, художник продолжал активно работать. Он вновь посетил любимейший ему Псков, и там у него зародилась идея создания мозаичной «Троицы» (творческой реплики работы Андрея Рублёва) для ниши над Троицкими воротами Кремля. Эскиз мозаики был выполнен художником в Риге, фарфоровая мозаика — в Германии. В Ригу её доставили летом 1944 г. (в это время Климов уже находился в Праге). Некоторое время «Троица» была на хранении в рижском храме Иоанна Предтечи, а потом отправлена в Псков и установлена внутри Троицкого собора. Долгие годы авторство этого великолепного творения не было известно. В неведении о судьбе «Троицы» пребывал и сам автор.

К счастью, Евгений Евгеньевич при жизни успел узнать, что его работа не пропала, а находится в Пскове.

Теперь же Климов, «Троица» и Псков неразделимы. И мы, земляки Климова, искренне благодарны псковитянам за то, как бережно и трепетно хранят они память о Евгении Евгеньевиче Климове.

Литература

1. *Валерий Сергеев*. «Три любви» художника Климова // Златоуст. 1992. № 1. С. 171–187.
2. Воспоминания Е. Е. Климова // Балтийский архив. Том X. Рига, 2005. С. 214–362.
3. Евгений Климов. Биографическая статья Александра Малнача / Сайт «Русские Латвии». [Электронный ресурс]: URL: www.russkije.lv
4. Е. Е. Климов. Русские художники. Составители: М. В. Салтупе, Л. А. Рудзите и Т. Д. Фейгмане. Рига, 2002. С. 7–43.
5. Климов Евгений Евгеньевич // Православная энциклопедия. Том XXXV. С. 681–684.
6. *Константин Климов*. О том, что вспомнилось // Латвийский православный хронограф. Выпуск II. Рига, 2016. С. 62–136; Выпуск III. Рига, 2018. С. 121–189.
7. Письма профессора Василия Ивановича Синайского художнику Евгению Евгеньевичу Климову (с 1946 по 1949 г.) / Публикаторы: Татьяна Фейгмане и Оксана Дементьева // Латвийский православный хронограф. Выпуск III. Рига, 2018. С. 190–341.
10. Sankirtos. Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture. In Honor of Tomas Venclova. Ed. by Robert Bird, Lazar Fleishman, and Fedor Poliakov. Peter Lang GmbH Internationaler Verlag der Wissenschaften, Frankfurt am Main, 2008. *Евгений Климов*. Заметки (предисловие и примечания Бориса Равдина). С. 428.

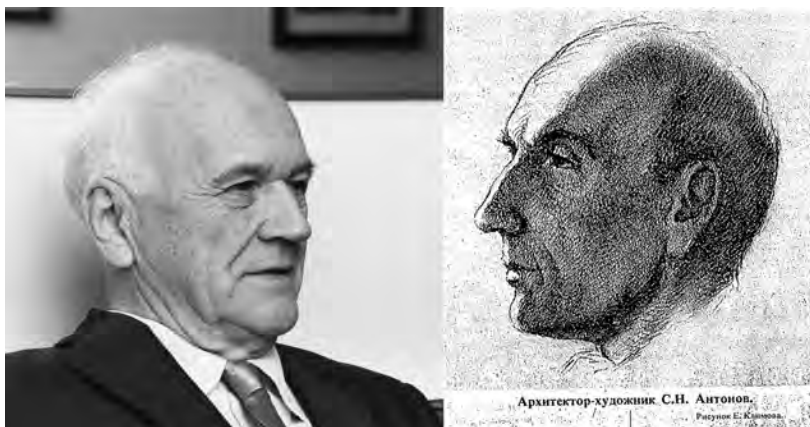
РУССКИЕ РИЖАНЕ И ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Речь идёт о двух художниках, — Сергее Антонове и Евгении Климове, внесших заметный вклад в культурное наследие Псковской земли.

Ключевые слова: Рига, Псков, Художественно-промышленная школа Фан-дер-Флита, Антонов, Климов.

«От всего его облика веяло свободной артистичностью»... Так в своём очерке из цикла «Встречи» писал об архитекторе-художнике С. Н. Антонове (1884–1956) другой замечательный русский рижанин, Е. Е. Климов (1901–1990) — художник, реставратор, искусствовед и педагог.

Евгений Евгеньевич Климов, как и Сергей Николаевич Антонов, долгое время жил в Латвии, где окончил Академию художеств. Уже тогда, в молодые годы, он остро ощущал свою «русскость» и потому внимательно приглядывался к другим русским рижанам. Здесь и далее приведём несколько отрывков из упомянутого очерка.

Рис. 1. Слева — Е. Е. Климов (фото из семейного архива А. Е. Климова); справа — С. Н. Антонов (рисунок Е. Е. Климова)

Рис. 2. С. Антонов (Сайт «Русские Латвии»)

Рис. 3. Здания, спроектированные архитектором С. Антоновым: слева — павильон Латвии на ЕХРО в Брюсселе, 1935 г.; справа — редакция газеты «Сегодня» в Риге (Сайт «Русские Латвии»)

«В старой Риге было несколько весьма интересных русских семейств, — писал Е. Е. Климов, — об одном из которых хочу вспомнить. Это была семья Антоновых. Настоящая их фамилия была Рома-

новы, но глава семьи, крестьянин Тамбовской губернии Николай Романов, ещё в конце прошлого века подал прошение на высочайшее имя с просьбой о перемене фамилии, ибо считал неудобным носить имя и фамилию самого русского императора. Ему и определили фамилию Антонов. Приехав в Ригу, он стал поваром в богатой рижской семье купцов Камариных, был весьма смышлёным и даровитым, подкопил денег и купил дом, в котором была «Коммерческая гостиница». Дом стоял недалеко от вокзала, дела гостиницы пошли удачно, всегда было много постояльцев, не только приезжих, но и постоянно живущих. Среди последних был художник-пейзажист Юлий Клевер, тут же в гостинице писавший свои «закаты в лесу» и удачно их продававший по всей Прибалтике... После кончины мужа (отца Антонова — *Н. С.*) его вдова способствовала тому, что дети её получили хорошее образование и выделялись своей культурой среди русской колонии в Риге (Сама она, по имеющимся сведениям, была наделена художественными способностями и владела техникой вологодского кружевоплетения — *Н. С.*). Семья Антоновых была большая. Особенно выделялся Сергей... Ещё в юношеские годы он помогал художнику Клеверу, «подготавливая» полотна, которые потом заканчивал сам Клевер. Сергей Николаевич поступил в Рижский Политехнический институт на архитектурный факультет, окончил его в 1909 г. и решил продолжать образование в Петербургской Академии художеств (где его учителями были Л. Н. Бенуа, В. А. Щуко, В. А. Покровский, О. Р. Мунц и где с 1912 г. участвовал в художественных выставках «Товарищества независимых» и других объединений — *Н. С.*). Он блестяще кончает архитектурное отделение в 1914 г. со званием архитектора-художника, участвует во многих конкурсах, часто получает первые призы. В 1916 г. он получает первый приз за проект «Памятника погибшим». После мировой войны он очутился в Пскове и был очарован этим удивительным городом, которому посвятил много рисунков и этюдов. В Пскове он строит по своему проекту здание женской гимназии».

Псковская художественно-промышленная школа, куда её директор, Н. Ф. Роот, пригласил С. Н. Антонова на должность преподавателя рисунка и композиции, носила имя земского деятеля Псковской губернии, председателя Общества пароходства и торговли Н. Ф. Фандер-Флита, завещавшего для её создания часть своего капитала. Открытая осенью 1913 г. в центре Пскова, рядом с Поганкиными палатами, в специально построенном по проекту Н. Н. Клименко здании, она была организована по подобию знаменитого Училища барона А. Л. Штиглица в С.-Петербурге.

Рис. 4. Преподаватели Художественно-промышленной школы:
в центре — Н. Окулич-Казарин, слева от него — С. Антонов

Учащиеся трёх основных отделений — керамики, мозаики и художественной обработки стекла — были ориентированы на традиции «русского стиля» и во время специальных учебных поездок по русским городам, в т. ч. и по окрестностям Пскова, много внимания уделяли копированию древней живописи — икон, мозаик и фресок. Подтверждением тому является, в частности, редкая фотография, датированная 1916 г.: учащиеся и преподаватели на выставке учебных работ, выполненных во время поездки в Новгород под руководством А. И. Тарана, возглавлявшего отделение мозаики. На стенах просторного помещения, в котором, вероятно, располагался художественно-промышленный музей школы, развешаны живописные холсты, фрагменты мозаичных композиций, копии икон. Вглядываясь в фотографию, находим в среднем, «преподавательском» ряду, — между элегантной супругой директора школы и Председателем Совета школы, генерал-лейтенантом Н. Ф. Окуличем-Казариным — С. Н. Антонова. Его лицо привлекает не только благородством черт, но и выражением вдохновения.

Рис. 5. Антонов С. Вид на Мирожу с противоположного берега.
Музей-заповедник

Рис. 6. Антонов С. Развалины домов и Троицкий собор.
Музей-заповедник

Приведём ещё один маленький отрывок из очерка Е. Е. Климова о С. Н. Антонове, называвшего его «шармером», «утончённым человеком»: «Ко всему прочему, С. Н. обладал привлекательной внешностью. Говорят, что в молодые годы, когда он выходил со своей молодой красавицей женой, то прохожие останавливались, любуясь необычайно красивой парой». Вместе с тем, С. Н. Антонов был прост в обращении, щедр и «отдавал другим свои обширные знания легко и свободно, никогда не становясь в позу недоступного профессора».

Талантливый педагог, он ещё в Псковской художественно-промышленной школе поражал учеников блестящим владением техникой рисунка, знанием архитектурных стилей, а также даром импровизации и воображения, позволявшими ему рисовать на бумаге города будущего. Позднее, вернувшись в Ригу (где до 1954 г. преподавал на архитектурном факультете Латвийского государственного университета), как вспоминает Е. Е. Климов, он «тут же на глазах своих учеников рисовал на бумаге здания различных эпох со всеми необходимыми деталями, и всё это не в виде чертежа, а в живой перспективе. Такая свобода в обращении с материалом покоряла и показывала руку знающего опытного мастера... Он хранил дома огромное количество этюдов и рисунков и обладал даром быстрого схватывания природы и всегда удачного композиционного решения. Его этюды и зарисовки пленяли любовным отношением к древним русским церквям, провинциальным постройкам... Конечно, одним врождённым талантом объяснить его деятельность нельзя. Он был вечным тружеником, постоянным искателем и неизменным знатоком европейского и русского искусства».

Около шести лет творческой жизни С. Н. Антонова (1914–1920) были связаны с Псковом. Его деятельность здесь не ограничивалась сферой преподавания. По сведениям бывшего директора Псковского музея И. Н. Ларионова, хлопотавшего много позднее, уже в конце 1950-х гг., перед МК РСФСР о приобретении работ С. Н. Антонова у его вдовы, Веры Николаевны, последний по совместительству являлся главным художником Псковского драматического театра им. А. С. Пушкина.

В псковский период также происходила огромная внутренняя работа по накоплению художественных впечатлений, созреванию творческих идей, реализованных в полной мере позднее, после 1920 г., когда он вернулся в город, в котором родился. В Риге по его проектам были построены многие общественные здания: кинотеатры, гостиница, типография и др. Одновременно он успешно занимался научной работой («Использование декоративных форм народного жилища в современном строительстве»), а также выполнял эскизы декораций и костю-

мов для Русского драматического театра в Риге. Е. Е. Климов вспоминал: «Мне приходилось ещё студентом помогать иногда в декоративной мастерской в исполнении декораций и меня всегда поражало в С. Н. Антонове удивительное мастерство во владении рисунком и красками, когда он, вооружившись огромной кистью, писал декорации с какими-нибудь сложнейшими подробностями. Как у чародея, всё оживало под его уверенной рукой и никогда не бывало в его декорациях каких-либо погрешностей в отношении стиля и эпохи, будь то русская или иностранная пьеса. Тут же, в декоративной мастерской, я его рисовал».

Графическое и живописное наследие С. Н. Антонова хранится в фондах музеев Пскова и Риги, однако дошло оно до нас далеко не полностью: во время Великой Отечественной войны его мастерская была разрушена. Сохранившиеся работы свидетельствуют о том, что его художественные интересы в значительной мере были связаны с Псковом.

Псковский музей хранит 43 работы С. Н. Антонова. Первые поступления от его вдовы, Веры Николаевны, относятся к 1960 г. и связаны со временем преподавания в Псковской Художественно-промышленной школе им. Н. Ф. Фан-дер-Флита. Это зарисовки архитектурных памятников и бытовых сценок на улицах Пскова, альбомы карандашных набросков (хранящиеся ныне в Древлехранилище музея), а также небольшие живописные этюды в технике масляной живописи, датированные 1918–19 гг. и запечатлевшие берега реки Псковы и Троицкий собор.

Наиболее ранние из этих работ — гуашь «Успенская церковь» (1916) и выполненный итальянским карандашом автопортрет-шарж, датированный 1919 г. Почти всё им созданное носит натуральный характер. Эти быстрые, конструктивные, сделанные уверенной рукой профессионального художника листы, представляют интерес не только для любителей графики, но и для историков архитектуры.

В последующие годы Антонов не забывал о Пскове, где оставались его друзья (например, А. Д. Рыбчевский, инженер электростанции и художник-любитель, участник выставок «Творческого объединения псковских художников») и вновь обращался к псковским мотивам. Об этом свидетельствуют, в частности, акварельные виды архитектурного ансамбля Псково-Печерского монастыря, сочные в цвете, написанные широко и размашисто. В 1950-х гг. в письме к Н. Ф. Рооту, жившему в Таллине, об Антонове спрашивал А. И. Таран, тогда преподававший мозаику в ЛХВПУ им. Мухиной. Бывшие коллеги по Художественно-промышленной школе им. Н. Ф. Фан-дер-Флита подумывали собрать

воспоминания о совместной работе, считали, что Антонов мог бы написать «памятку» о Пскове, и с этой целью его разыскивали.

Особого внимания заслуживает группа рисунков (более 20 ед.), появившихся, согласно авторским пометкам, летом и осенью 1942 г., в период немецкой оккупации Пскова. В фонды музея они поступили позднее — после того, как в 1984 г. удалось отыскать в Риге пасынка С. Н. Антонова — Л. С. Бирмана.

Выполненные на бумаге в смешанной технике, они отличаются артистизмом, изяществом формы, утончённой красотой цвета и — отсутствием (за исключением единственного рисунка — «Развалины домов») каких-либо следов войны. Сопоставление их с карандашными зарисовками из альбомов, датированными июлем 1942 г. (Древлехранилище музея), свидетельствует о том, что они были в незначительной степени переработаны и переведены в цвет месяцем позже. По несколько раз, варьируя, Антонов повторяет излюбленный мотив: переправа на реке Великой у Мирожского монастыря. Мягкий ласковый свет вспыхивает на спокойной воде ослепительной серебристой рябью, подчёркивает живописность фигурок, оживляющих пейзаж: женщины полощут белье, судачат, возвращаясь с рынка, мальчишки удят рыбу, перевозчик в красной рубахе машет веслом... Столь же удачно варьируются и другие мотивы.

Отстранённая трактовка реальных пейзажных мотивов, часто дополненных деталями жанрового характера, их некоторая театральность, даже эстетство, игнорирование реальности военного времени, вероятно, можно объяснить не просто умолчанием, но — выражением принципиальной позиции автора. Волею художника, знатока и тонкого ценителя архитектуры, памятники древнего зодчества остаются неподвластными времени и разрушению.

Проезд из Риги на оккупированную территорию Пскова весной-летом 1942 г. был возможен только благодаря помощи Псковской православной миссии, организованной в Риге летом 1941 г. с разрешения оккупационных властей, преследовавших пропагандистские цели. Однако, в конечном итоге, миссионеры получали возможность творить добро, выполнять благородную задачу «восстановления родной церкви» и помощи гражданскому населению Псковской земли.

Весной того же 1942 г., заручившись поддержкой двух хорошо знакомых людей, священников из состава Миссии (Алексея Ионова и Георгия Бенигсена), в Псков приезжает и Евгений Евгеньевич Климов. Это было второе в его жизни посещение древнего русского города. Первый раз в Пскове Климов был четырнадцать лет назад, в 1928 г., всего один неполный день, фактически проездом из Новгорода и Ста-

рой Руссы. Но годом раньше он, студент Рижской Академии, открыл для себя величественный пригород Пскова — Изборск, и с тех пор Псковская земля стала для него олицетворением русского духа. Ощущение своей «русскости» вообще было важнейшей составляющей его сознания.

Так же, как и С. Н. Антонов, Е. Е. Климов навсегда попал под обаяние Псковской земли, и не удивительно, что в огромной коллекции его работ, переданных в дар Псковскому музею им, а затем его сыном Алексеем Евгеньевичем Климовым, профессором-славистом, исследователем творчества А. И. Солженицына, заметное место занимают произведения, созданные на основе псковских впечатлений.

Евгений Евгеньевич Климов вырос в замечательной семье потомственных интеллигентов, представители которой, были щедро оделены трудолюбием и талантами. На протяжении нескольких поколений они вносили свой вклад в сферу архитектуры, изобразительного искусства, музыки, медицины и педагогики.

Так же, как и С. Н. Антонов, он родился в Латвии. Семья Климовых часто переезжала из города в город: сначала Митава (ныне Елгава), затем — Либава (Лиепая), подмосковный Можайск, Варшава, Петроград, Новочеркасск, снова Рига ...

Е. Е. Климова и С. А. Антонова, двух замечательных художников, уроженцев Латвии, объединяли крепкие русские корни, осознание себя плотью русской культуры, любовь к Псковской земле, ставшей для них (и в особенности — для Е. Е. Климова, покинувшего навсегда в 1944 г. Латвию) неким духовным камертоном.

Весной 1944 г. в тревожной обстановке разгоравшихся военных действий Е. Е. Климов принимает предложение русского Археологического Кондаковского института в Праге принять участие в реставрации древних икон. Позднее, опасаясь репрессий сталинских властей, семья переехала в отдалённый район Баварии, где прожила четыре года — тяжёлых в силу материальных трудностей и неопределённости своего будущего.

Осенью 1949 г. начался новый, самый протяжённый период эмигрантской жизни семьи Е. Е. Климова, наполненный неустанной духовной работой и разнообразными трудами художника, реставратора, искусствоведа, педагога, просветителя, носителя лучших традиций русской культуры, о чём талантливо и подробно рассказывает В. Н. Сергеев в своей книге «Евгений Климов. Художник-реалист русского зарубежья», основанной на подлинных архивных материалах и обширных дневниках Е. Е. Климова, предоставленных ему сыном художника.

Художник мечтал о том, чтобы его творческое наследие хранилось в России, точнее в самом её сердце — древнем Пскове, где имеется прекрасный Историко-художественный музей, Картинная галерея, занимающая здание упомянутой ранее Художественно-промышленной школы им. Н. Ф. Фан-дер-Флита. Семья Климовых в течение 25 лет передала Псковскому музею огромную коллекцию его картин, рисунков и книг — около 1000 единиц хранения.

Первый этап поступления этого ценного дара — 1989 г., когда по воле художника, его желанию, при поддержке родных и друзей, через Фонд культуры Псков получает 59 произведений живописи и графики, в числе которых был и эскиз мозаики «Троица», подлинник которой ныне освещает вход в Псковский Кремль. Тогда же состоялась выставка в Пскове, на которой также были показаны подаренные Климовым работы В. Сурикова, А. Бенуа, З. Серебряковой, Б. Кустодиева. В 1990 г. состоялась последняя прижизненная выставка Климова в Риге, организованная его любимой ученицей по Рижской Ломоносовской гимназии Маргаритой Салтупе.

Окрылённый успехом прошедших выставок, Е. Е. Климов готовит новую партию работ для Пскова, но в декабре 1990 г. трагически погибает в автомобильной катастрофе. Однако, выполняя волю отца, в конце 2011 г. Алексей Евгеньевич Климов привёз в Псков ещё 50 графических и 4 живописных работы. Состоялась выставка «Радуга над Псковщиной», сопровождаемая выходом прекрасного иллюстрированного альбома, автором которого стал В. М. Галицкий.

Третья волна поступлений (2014 г.) стала самой обширной: 650 произведений живописи, графики, а также редкие книжные издания и архивные материалы. На основе этой части дара была организована выставка «Дорогами творчества».

Таким образом, творчество Климова представлено в Псковском музее весьма объёмно. Эскизы мозаик, запечатлевших просторы Греции, Германии, Канады и России, раскрывают его дар монументалиста. Значительное место занимают произведения, рождённые на основе псковских впечатлений.

Среди них написанная в технике масляной живописи во второй половине 1930-х гг. этнографическая картина «Девичник», с бережным вниманием запечатлевшая старинный псковский обряд «опевания невесты». На фоне тёмных бревенчатых стен начинается неторопливое движение «большух», окруживших невесту. Акцентированные цветовыми пятнами юбок и кофт, оно направлено вправо, завершаясь красно-белым аккордом занавески возле русской печи. Подмечены

особенности одежды и украшений, варьирующийся характерный типаж печерянок.

Рис. 7. *Климов Е.* Девичник. 1930-е гг. Музей-заповедник

Множество разнообразных портретов — друзья и близкие по духу люди, воображаемые портреты великих русских писателей, а также портреты людей из обыденной жизни, с которыми так или иначе художник соприкасался — например, школьники и студенты штата Вермонт (Миддльбери и Норвич). Для последних Климов использует форму совсем небольшого портрета, внимательно фиксирующего черты молодых лиц с разным цветом кожи, не уставая удивляться разнообразию людских обликов. Лица «детей разных народов» для него здесь — словно бы цветы на огромной поляне жизни. Возможно, что эти портреты были подготовкой к воплощению какого-то особого замысла.

Однако главное место в творчестве Климова занимает пейзаж. Огромное впечатление оказала на него поездка по глухим уголкам Печерского края, предпринятая летом 1937 г., когда он прикоснулся к жизни русской деревни, «беднее которой нет нигде на свете», услышал в природе «живые и волнующие голоса, звучащие из давно прошед-

ших времён» и написал в своём дневнике: «Ни Франция, ни Италия не сравнятся с этими берегами. Как мне хорошо здесь!» (цитируется по книге [1]).

Рис. 8. *Климов Е.* Псковский этюд

Именно в пейзажных работах содержится его духовное послание потомкам. Ценность его лучших пейзажных образов определяет не только высокое качество профессионального мастерства, техника, какие-то особые авторские приёмы, позволяющие выразить всю трепетную нежность доверчиво открытой людям природы... Здесь нечто иное, находящееся вне сферы материального, физического, нечто идущее от самой личности автора.

Изображая различные уголки земли, он смотрит на неё глазами истинно и глубоко верующего человека. Без суетных земных страстей, кротко и светло взирает он на сотворённый мир, принимая его как драгоценную данность.

Литература

1. *Сергеев В. Н.* Евгений Климов. Художник-реалист русского зарубежья. М.: Русский путь, 2018.

К УЗНАВАНИЮ И ПОНИМАНИЮ МЕСТНЫХ НАЗВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПОГРАНИЧЬЯ (СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ)

В статье говорится о псковских говорах, интересе к ним ещё с давних времён, использовании их в словарях русского языка (В. И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»), их взаимодействия с пограничными языками и диалектами и изысканиях в этой области преподавателей кафедры русского языка Псковского государственного педагогического института, ныне Псковского государственного университета.

Ключевые слова: берестяные грамоты, «эффект С. М. Глушкиной», Словарь псковских говоров, «пограничные» слова в псковской лексике.

Материалы псковских говоров, как и псковских памятников письменности, давно привлекают внимание исследователей. Это проявлялось уже и в XIX в. В. И. Даль не случайно во вступительной статье к своему «Толковому словарю живого великорусского языка» выделил и обосновал группу «Псковское наречие», приведя прежде всего образцы таких удивительных слов, как *журавина*, *баркан*, *калевка*, которые и в настоящее время считают своеобразными «визитными карточками» народной речи псковичей. Если находишь в словаре или в атласе русских говоров, например Башкирии, в указателе слово *баркан*, задумываешься, не псковичи ли в давние времена по соответствующим причинам переселились в эти края. Обращение к комментариям в таких трудах подтверждает, что в данном пункте действительно представлены переселенцы с Псковской земли во времена раскола. Новое «пограничье» с иноязычными или инодиалектными системами помогает сохранять «своё» в соседстве с «чужим». Показательный пример. В нашем вузе в конце XX в. была неожиданная встреча с разновозрастными туристами из Швейцарии, среди которых был молодой американец. А мне предстояло познакомить их с нашей богатейшей Картотекой «Псковского областного словаря с историческими данными», поскольку туристы, оказывается, были студентами вуза. Все с интересом, с вопросами слушали рассказ о наших говорах, их особен-

ностях и значимости для науки, об уникальности нашего словаря, новаторского в мировой лексикографии, по словам Б. А. Ларина [8; 9, с. 3]. А почти через 10 лет сначала пришло письмо из Америки, а потом для встречи в Санкт-Петербурге приехал тот молодой американец, чтобы рассказать о своём исследовании: в одном из штатов он обнаружил русских старообрядцев, потомков тех, которые лет 300 назад спасались от раскола, переселяясь даже за океан (очень дальнее зарубежье при сохранении своего языка с удивительными древними словами). Это были выходцы с Псковской земли, и молодой человек за эти годы написал и защитил диссертацию об их говоре.

Поэтому В. И. Даль, располагая материалом разных говоров русского языка, заметил и такие явления, как судьба отдельных согласных звуков в живых псковских говорах его времени: мена шипящих и свистящих, звонких и глухих, особенно там, где носители русских говоров и финно-угорских языков соседствовали, об этом написал в замечательном очерке *«О наречиях русского языка»*, сопровождающем первый том словаря [3, т. I, с. XLI–LXXXV].

Примечательно, что после выхода в 1852 г. академического *«Опыта областного великорусского словаря»* [11] под руководством академика А. Х. Востокова, когда со всей России поступали собранные местные материалы с записями народной речи, в 1855 г. поступили три тетради (всего около 600 рукописных страниц) с замечательными текстами из ряда уездов Псковской губернии, исполненные выпускником Псковской гимназии И. И. Карповым (до сих пор хранятся в архиве Библиотеки Академии наук) [7]. Эти материалы восполнили сведения о псковском наречии в академическом *«Дополнении к “Опыту областного великорусского словаря”»* [4] в 1858 г. и присутствуют в *«Псковском областном словаре»* [12].

Следовательно, уже в XIX в., в период становления лингвистических направлений науки, были замечены особенности псковской народной речи с попытками не только зафиксировать, но и осмыслить их. Однако убедительно объяснить некоторые стало возможным только в XX в. при совершенствовании диалектологии как особого направления лингвистической науки. Причём это проявилось именно тогда, когда наступило осознание неизбежности обмена сведениями и достижениями в областях разных гуманитарных наук. Напомним важную оценку состояния филологической науки (в широком смысле). Во второй половине XX в. это уже современная, новая филология как *«содружество гуманитарных дисциплин»* с тремя составляющими — *язык, текст* и, что очень важно, *«человек говорящий»*. Через восприятие человека, результаты его интеллектуального труда и мыслительную

деятельность проходит всё, что составляет суть взаимодействия языка, текста, действительности [1, с. 544–545].

Достижения в области лингвистической науки разных периодов её развития непременно важно учитывать при объяснении соответствующих конкретных языковых особенностей при выяснении причин того или иного необычного факта, принимая или отвергая мнение предшественников в данной области исследования.

Проиллюстрируем трудности и пути их преодоления на примере интерпретации местных названий в условиях так называемого «*пограничья*» на территории современных псковских говоров при языковом соседстве с другими языковыми системами (балтской и угрофинской), в отличие от славянской (причём и восточнославянской).

От XIX в. долго оставалась необъяснённой одна фонетическая черта, обнаруженная впервые Л. Л. Васильевым — учеником академика А. И. Соболевского. В псковских памятниках письменности и в живой речи псковичей Л. Л. Васильев обнаружил случаи типа *подъведди, въмякдася* (ср. *мятусь*) (в памятниках древнерусском языке), *жаддо, жерредо* (в современных для XIX в. говорах) вместо *подъведи, въмякдася; жадло, жерредо*. Эти сочетания звуков [дл], [кл] вместо закономерного одного звука [л], который появился во всех восточнославянских языках из общеславянских сочетаний *dl, *tl.

Академик А. А. Шахматов, как и А. И. Соболевский, заинтересовался этим загадочным псковским фактом и высоко оценил открытие молодого учёного: «Зоркой наблюдательности <...> Л. Л. Васильева, которого тяжёлая болезнь вывела из ряда исследователей родной речи, наука обязана открытием в памятниках древнепсковского наречия таких написаний, как *ведди* вместо *веди*, *седди* вместо *седи*, *сустредди* вместо *сустреди*» [15, с. 53]. Сам первооткрыватель указанного явления не успел заняться поисками ответа на вопрос, как можно объяснить такое резкое противостояние псковских говоров на всех временных этапах жизни их носителей и всем славянским языкам, и всем восточнославянским с их говорами. Не смогли найти ответа и А. И. Соболевский, и А. А. Шахматов. Но, в отличие от А. И. Соболевского, А. А. Шахматов не соглашался на западнославянское влияние: в польском, например, древние сочетания *dl, *tl сохранились: *mydło* (русск. *мыло*), *siadł* (русск. *сел*). В противном случае надо было бы признать, что псковские говоры — не восточнославянские (а какие?): ведь польский язык не повлиял в подобном случае на близкий ему по соседству белорусский.

Ценно, что, благодаря опубликованию наконец в 2010 г. лекций учёного по русской диалектологии (они читались в 10-х гг. XX в. в

Санкт-Петербургском университете), мы узнали, что А. А. Шахматов высказал в них важное, но не раскрытое следующее утверждение: наличие [зл], [кл] в псковских говорах было результатом влияния «*со стороны*» (но не западнославянской!). Однако, когда читались лекции, в науке ещё многое было неизвестно [15, с. 53–56].

И до второй половины XX в., в частности и составители «*Псковского областного словаря*», продолжали собирать примеры с сочетаниями [зл], [кл] типа *егда (едь)* в современных говорах; загадочное *Могчило* как местный топоним в псковской грамоте XIV–XV вв. при обозначении одного из ориентиров в определении границ земельного надела в документе спорного судебного процесса [10]; очень много глагольных форм прошедшего времени типа *сочкдись* (вместо *сочдись*) с корнем *чет-/чит-/чт-* в уникальном русском-немецком разговорнике, составленном немецким купцом Т. Фенне в Пскове 1607 г. (с яркими образцами псковской народной речи) [16], как и в подобном разговорнике Т. Шрове XVI в. [18], и т. д.

Размышляя о непонятном *Могчило*, в котором сомневался и сам автор исследования в публикации указанных грамот [10, с. 55–56], мы пришли к выводу, что выносная буква «Г» при оформлении текста для печати была поставлена не на месте: справедливее признать здесь следующее: загадочная лексема — это нарицательное слово (а не собственное, которому как топониму Л. М. Марасинова, при всех поисках, не обнаружила идентификации ни в прошлом, ни в настоящем). Поэтому выносную букву необходимо внесли в суффикс, а не в корень. И тогда это, оказывается, очень известное в говорах название — *мочи́до*, т. е. *мочи́до* ‘яма с водой для вымачивания стеблей льна при его обработке’.

Накопление фактов с особенностями псковских говоров требовало их научной интерпретации с учётом причинно-следственных связей. В 60-е гг. историки языка и диалектологи были свидетелями буквально революционного открытия С. М. Глускиной, суть которого в следующем.

В результате внимательного изучения каждой карточки с диалектным псковским текстом при составлении словарных статей С. М. Глускина, талантливый учёный, собрала максимально полный на то время список слов с корнями *кеп-, кев-, кед-* со звуком [к] в современных псковских говорах, а не с закономерным славянским звуком [ц] (*цеп-, цев-, цед-*). Это слова типа *кеп* ‘специальное самодельное орудие для ручного обмолота зерновых культур в снопах’, *кевка* ‘деталь ручного ткацкого станка’, *кедѣть* ‘пропускать выдоенное молоко через тонкую ткань, цедить’. Пришлось задуматься: чем это вызвано?

Обращение к значимым историко-лингвистическим трудам по истории одного из законов славянской фонетики (вторая палатализация заднеязычных твёрдых согласных: изменение их перед гласными переднего ряда из дифтонгов в переднеязычные мягкие согласные) подтвердило, что сохранение заднеязычных в такой позиции никогда нигде не отмечалось, тем более в таких древних наименованиях, касающихся важных сторон деятельности и быта людей в прошлом и настоящем. А в псковских говорах это почему-то обнаружилось. И необходимо искать объяснения этому, чтобы доказать неслучайность такого факта.

Было проведено сопоставление всех многоаспектных сведений по истории языка, этноса, использование данных археологии (которая в своей сфере даёт ответы о специфике жизни человека в доисторическом прошлом), чтобы можно было прояснить хронологию относительно древних кривичей. Они появились около Псковских озёр в середине I тысячелетия н. э. А это как раз тот период (конец общеславянского), когда у всех славян и происходил процесс второй палатализации. Прояснилась причина: изоляция пришедшего древнего славянского племени от других славян и соседство с древними угро-финскими племенами, в языке которых типичны сочетания твёрдых заднеязычных с передними гласными. И это «чужое» фонетическое явление при неизбежном общении поддержало «свою» позицию заднеязычных как неизменившуюся у предков псковичей.

Обоснованное открытие вызвало очень резкую дискуссию, но учёный выстоял. А само открытие сразу, в ходе выступления С. М. Глускиной в Москве, заинтересовало известного польского учёного З. Штибера (в польском академическом журнале он опубликовал статью автора, даже ранее [17, с. 475–482], чем вышел сборник в Пскове [2, с. 20–43]). А затем известный учёный А. А. Зализняк, самостоятельно пришедший к подобным выводам, занимаясь новгородскими берестяными грамотами, признал первенство С. М. Глускиной и назвал её выдающееся открытие *«эффектом Глускиной»* (напомним и его последнее выступление, прозвучавшее в чтении, и статью на нашей Псковской конференции 2017 г. [5; 6, с. 142–148]), а древний диалект, зафиксированный в берестяных грамотах, стал называть не просто *«древненовгородский»*, а *«древний псковско-новгородский»*. Выдающийся археолог-славист В. В. Седов всегда авторитетно поддерживал убедительность и значимость выводов С. М. Глускиной, видя в них «содружество» данных лингвистики и археологии, поскольку его собственные изыскания относительно пребывания кривичей, предков псковичей, на данной территории в соответствующее время [13; 14].

Так были разработана методика исследования, создана база доказательств и найдена причина уникальности псковских говоров в ряде их особенностей.

Вернёмся к попыткам понять тоже загадочные сочетания [gl], [kl] только в псковских говорах, вместо восточнославянского [л] из древних общеславянских *dl, *tl в соответствующих словах и словоформах. В конце концов самым убедительным объяснением, особенно после тщательного знакомства с другими, очень близкими территориально и по древнейшим генеалогическим связям соседями, их языками в условиях нашего «пограничья» с латышами и литовцами (недаром есть теория «балто-славянского единства» до выделения ветвей балтской и славянской), представилась необходимость учесть такое же тесное длительное сосуществование указанных древних племён. Это относилось, как и при свершении второй палатализации заднеязычных, тоже к периоду позднего общеславянского языка, когда происходило так называемое упрощение древних сочетаний согласных *dl, *tl за счёт выпадения первых переднеязычных взрывных при сохранении сонорных. Балтские языки, в которых до сих пор существуют их закономерные сочетания [gl], [kl] в соответствующих местах слов (*egle, garkle*), поддержали именно в языке кривичей сохранность сочетания шумного взрывного и сонорного в языке изолированного славянского племени от своих сородичей. Так древние славяне переняли в качестве первого согласного заднеязычный вместо исконного переднеязычного. В. В. Седов как археолог объясняет появление кривичей из Средней Европы через территорию указанных древних балтов и угро-финнов. Далее же происходит естественное взаимодействие людей, когда «своё» и «чужое» в языке оказались неразрывно связанными настолько, что, например, недавно в материалах диалектологической экспедиции встретилось название *клец* для рыбы «лец» с *незакономерным звуком [к]* перед [л] в начале корня. Такое ведь в древности под влиянием балтов случилось в закономерных условиях типа *сустре́кли*. А случай *клец* — это аналогия как проявление народного «гиперправильного» использования, в понимании носителей языка. Показательно, что это же слово дважды было зафиксировано и в древнем псковско-новгородском диалекте (по данным обобщающих томов публикаций из берестяных грамот).

В заключение подчеркнём, что внимание к частностям, бережное сохранение фактов, неукоснительное следование принципам полноты материала с учётом синхронии и диахронии при лексикографической работе над областным словарём с привлечением не только местных, но и общерусских слов, когда важно показать механизм развития

семантики у лексико-фразеологических единиц, — это действительно то, что позволяет получить результат более полувекового пути с продолжением создания очередных выпусков уникального словаря.

На сей раз ограничимся сказанным о том, как учёт многогранных условий и обстоятельств «пограничья» языковой системы (диалектной и общеязыковой) помогает в познании языковой картины мира у её носителей.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 544–545.

2. *Глускина С. М.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. П. Псков, 1968. С. 20–43.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. I–IV. М., 1956.

4. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

5. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

6. *Зализняк А. А.* К 100-летию со дня рождения Софьи Менделевны Глускиной. Письма С. М. Глускиной Е. Г. Буровой и А. А. Зализняку // Псковские говоры и их исследователи (К 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода I выпуска «Псковского областного словаря»). В 2 ч. Ч. 2. Псков, 2017. С. 142–148.

7. *Карпов И. И.* Краткий словарь простонародных слов преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской и Осташковского уезда Тверской губерний. Собрал окончивший курс Псковской губернской гимназии Ив. Ил. Карпов. СПб., 1855 [Рукописный отдел БАН].

8. *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961.

9. *Ларин Б. А.* [Введение] // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л., 1967. С. 3.

10. *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М., 1966.

11. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

12. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. Л. / СПб., 1967–2014.

13. *Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994.

14. *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

15. *Шахматов А. А.* Русская диалектология: Лекции / Под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010.

16. *Fenne T.* Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970.

17. *Ghuskina Z.* O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich // *Słavia Orientalis. Rocznik XV. № 4.* Warszawa, 1966. S. 475–482.

18. *Schrou T.* Ein Russisch Buch. Cz. II. Kraków, 1997.

Рис. Пленарное заседание 12 октября 2018 г.; в центре — Лариса Яковлевна Костючук (фото Т. В. Вересовой)

А. Г. Манаков
Псковский государственный университет, Россия.
E-mail: region-psk@yandex.ru

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ИЗУЧЕНИЯ МАЛОГО НАРОДА СЕТУ (СЕТО) ПСКОВСКИМИ ГЕОГРАФАМИ

Рассмотрены основные этапы исследований учёных-географов Псковского государственного университета по изучению малого народа сету (сето) в Печорском районе Псковской области. Начиная с 1999 г., проведено шесть научных экспедиций, в ходе которых была изучена этнодемографическая и социокультурная обстановка в российской части «Земли сето» (Сетомаа). Представлен библиографический список трудов псковских географов, где отражены результаты исследования сету (сето).

Ключевые слова: этнодемография, этническая идентичность, историческая география, сету (сето), Псковская область, Печорский район.

Введение. Сету (сето) — народ финно-угорской группы уральской языковой семьи, родственной эстонцам. Сету проживают в Печорском районе Псковской области России и на восточных окраинах соседних уездов Эстонии (Пылвамаа и Вырумаа), до революции 1917 г. административно подчинявшихся Псковской губернии. Область расселения сету (сето) в России и Эстонии называется Сетомаа, что переводится как «земля сето».

Бытующее самоназвание — «сето», местные русские их часто называют «полуверцами». В прошлом их называли также «псковскими эстами, православные эстонцами, сетукезами». В российской этнографической науке принято название «сету». Сету говорят на фактически исчезнувшем в Эстонии вырусском диалекте. Он заметно отличается от литературного эстонского языка, и потому сетуский говор воспринимается самими сету как самостоятельный язык. Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2010 г. сету (сето) внесены в Единый перечень малочисленных народов страны.

Целью статьи является предварительное подведение итогов изучения народа сету (сето) со стороны географов Псковского государственного университета, начатые в 1993 г., т. е. четверть века назад.

Результаты исследования. Интерес к изучению сету со стороны географов Псковского государственного университета (тогда —

Псковского государственного педагогического института) впервые обозначился в 1993 г., после первой, неудачной, попытки предоставить сету статус малого народа России. К заявке на получение статуса малого народа прилагались справки, подготовленные учёными-этнологами из С.-Петербургского государственного университета, а также географами из Псковского государственного педагогического института. Однако в головном научном учреждении — Институте этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая (г. Москва) — была дана отрицательная рецензия на данную заявку, главным образом, по причине разного взгляда на этнос (как научную категорию) двух соперничающих научных школ — московской и петербургской.

В то время изучение сету со стороны российской науки проводились именно петербургскими учёными, которые при этом опирались на понятие этноса в соответствии с теорией Л. Н. Гумилёва. Московская этнологическая школа в то время оперировала понятиями, разработанными в советское время, при этом вполне соглашалась с вариантом, который был озвучен эстонскими учёными, считавшими сету особой этнографической группой эстонского народа. По причине отсутствия согласия в учёном мире по поводу признания сету самостоятельным этносом, Правительство РФ в 1993 г. так и не предоставило сету статус малого народа.

Но именно такое решение государственных структур стало стимулом к изучению сету со стороны псковских географов. Возникла необходимость выработать собственное видение на основе самостоятельных исследований, чтобы не зависеть от мнения учёных из соседних регионов, интерес к сету у которых был обычно достаточно кратковременным и завязанным на проведение экспедиций и последующие отчёты по грантам.

В пределах всего двадцатипятилетнего периода изучения сету со стороны псковских географов можно выделить четыре этапа (в основном шестилетних), каждый из которых имел свою специфику. Но ключевые даты в этих этапах работы были связаны, в первую очередь, с годами проведения полевых исследований в Печорском районе.

Первый этап (1993–1999 гг.). Изучение истории формирования уникальной культуры сету. Этот этап предшествовал полевым исследованиям сету Печорского района. В это время шло ознакомление с трудами исследователей сету как до революции (М. Миротворцев [25], Ю. Трусман [31], Я. Гурт [4] и др.), так и в советское время (Е. В. Рихтер [27; 28], П. С. Хагу [32] и др.). Параллельно изучались результаты экспедиций в Печорский район учёных С.-Петербургского государственного университета [5].

Формирование сету было рассмотрено нами сквозь призму концепции этноконтактных зон [8], и главным фактором было признана динамика политических и конфессиональных границ, создавших своеобразную «лакуну» между двумя соседними культурными мирами, создавшую нишу для формирования уникальной культуры сету, в которой, без сомнения, присутствуют и элементы культуры главных контактирующих сторон.

Вместе с тем, были обозначены на перспективу направления исследований сету, в которых учёные-географы могут внести наибольший вклад на фоне всего спектра общественных и гуманитарных наук. В первую очередь, к таким направлениям относится изучение изменения ареала расселения сету и демографического воспроизводства этого малочисленного народа [9].

В целом же, изучение сету в это время имело историко-географический характер, и стало одним из побудительных мотивов написания пособия для учителей и студентов вузов «Историческая география Псковщины (население, культура, экономика)» (авторы — И. С. Кулаков и А. Г. Манаков). Это пособие вошло в число победителей на конкурсе «Обновление гуманитарного образования в России» и было напечатано в г. Москве [7]. В свою очередь, данная книга стимулировала обновление учебного пособия для средней школы по географии родного края («География Псковской области: природа, население, хозяйство» [2]), выдержавшего переиздание в 2000 г. [3].

Также обозначилось практическое применение сохранения уникальной культуры сету в российской части Сетомаа, представляющей один из важнейших туристских ресурсов Печорского района и всей Псковской области [11]. Таким образом, был поставлен вопрос о музеефикации культуры сету в России. Хотя решение этого вопроса на практике не связано напрямую с научными исследованиями сету, всё же отметим, что в ходе последующего развития туристской сферы в Псковской области данный ресурс был востребован и в Печорском районе был создан музей-усадьба сету.

Второй этап (1999–2005 гг.). Этнодемографические и этносоциологические исследования сету. В процессе подготовки первого этнодемографического исследования сету Печорского района, состоявшегося летом 1999 г., была разработана анкета для определения этнической самоидентификации опрашиваемых. В частности, респондентам предлагается назвать свою национальность, а также этническое имя (этноним) народа, к которому они относят себя и своих предков. В отечественной этнографической науке самоназвание (эндоэтноним) рассматривается как один из важнейших этнодифференцирующих

признаков, напрямую связанный с осознанием единства своего народа и отличия от других подобных образований.

Как было отмечено выше, самоназвание (эндоэтноним) народа — «сету», хотя в российской этнографической науке принят этноним «сету», который был заимствован из эстонского языка. Именно такое этническое название использовали в Эстонии до недавнего времени. Благодаря эстонским учёным, оно проникло в российскую этнографическую литературу, и пока является официальным названием народа. И только в списке малочисленных народов России, в который сету были включены в 2010 г., впервые стало официально использоваться двойное название — «сету (сето)».

Второй блок анкеты касается родного языка сету, основного языка общения, а также знания других языков. В отечественной этнологической науке особо подчёркивается роль языка, являющегося важнейшим этнодифференцирующим признаком. При этом обычно отмечается, что язык является результатом длительного процесса этногенеза, становясь в итоге символом этнической принадлежности. Как показали в дальнейшем результаты наших исследований, в среде сету распространено явление полилингвизма, многие из них в равной степени владеют и пользуются сразу тремя языками: сетуским, эстонским и русским. Третий блок анкеты посвящён выявлению других этнодифференцирующих признаков, т. е. тех этнических признаков, которые позволяют сету отличать себя от проживающих по соседству эстонцев и русских.

Четвёртый блок анкеты включает несколько вопросов, характеризующих демографическое воспроизводство сету. В частности, респондентам предлагается указать, есть ли у них дети и внуки, проживающие в Эстонии. Пятый блок вопросов анкеты позволяет выявить, какие имена и фамилии (русские или эстонские) носят респонденты разного возраста. Шестой блок включает вопросы, которые позволяют получить общую информацию о респонденте: возраст, образование, пол, профессия и место работы, уровень доходов.

В результате этнодемографического исследования 1999 г. в Печорском районе общая численность сету была оценена в 500 чел., в т. ч. в сельской местности — примерно в 390 чел. В ходе исследования было опрошено 180 сету, живущих в сельских поселениях района. В то время собственно к «сету» (этноним «сето» тогда фактически не использовался) отнесли себя 86 % респондентов, 12 % назвали себя «полувещами», 2 % — эстонцами (но по другим этнодифференцирующим признакам последние также были отнесены к сету).

В качестве родного языка 75 % респондентов назвали сетуский язык, 13 % — эстонский язык, 5 % — русский язык, остальные 7 % не отдали приоритет ни одному из этих языков. Сразу отметим, что последующие исследования выявили нарастание полилингвизма среди сету Печорского района при одновременном повышении роли русского языка, особенно в бытовой сфере.

Среди основных отличий сету от эстонцев респонденты чаще называли язык и религию, реже — народную одежду и обычаи. Главным отличительным признаком сету от русских был назван язык, реже отмечались народные обычаи и сетуская одежда, некоторые же отвечали, что не видят различий между сету и русскими. В ходе последующих исследований ответы на эти вопросы изменялись незначительно, хотя и происходили некоторые подвижки, например, постепенно повышалась роль традиционной одежды сету в их этнической самоидентификации.

Но главным результатом проведённого в 1999 г. полевого исследования в Печорском районе стало выявление значительного сокращения численности сету в российской части Сетомаа, что, в первую очередь, стало результатом миграционного оттока сету в Эстонию после становления государственной границы, расколовшей Сетомаа на две части с разными культурными ориентирами и социально-экономическими параметрами развития [10]. Так, по итогам последней советской переписи 1989 г. в Печорском районе проживало 1140 эстонцев и сету, в т. ч. примерно 950 из них составляли сету [5]. То есть, за прошедшее десятилетие численность сету в Печорском районе уменьшилась почти вдвое, при этом 50 % этой убыли составил миграционный отток сету в Эстонию.

Результаты исследования 1999 г. были отражены в большой по объёму статье, опубликованной в научно-практическом, историко-краеведческом журнале «Псков» [12]. Также материалы данного исследования использовались при подготовке монографии «На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии» [13], издание которой было осуществлено в 2004 г. (тираж — 1000 экз.) при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров.

Третий этап (2005–2011 гг.). Всплеск общественного интереса к сетуской проблематике. Через шесть лет после первой экспедиции в российскую часть Сетомаа, летом 2005 г. было проведено второе аналогичное исследование, позволившее оценить общую численность сету в Печорском районе в 250 чел.

За шесть лет (с 1999 по 2005 гг.) численность сету в российской части Сетомаа сократилась примерно вдвое, причём две трети этого

уменьшения дал миграционный отток сету в Эстонию. Численность сету, включая лиц с русско-сетуским (в основном дети сету) и эстонско-сетуским самосознанием, в сельской местности Печорского района составила 179 чел. В ходе проведенного в 2005 г. исследования было проинтервьюировано 72 представителя народа сету (сету). При этом 75 % опрошенных уже использовали этноним «сету», и только 11 % обозначили себя как «сету».

Результаты исследования 2005 г. были опубликованы в одном из первых номеров только что созданного «Псковского регионологического журнала» [14]. Также накопленные за прошедшее время материалы вошли в книгу небольшого объема (всего 104 с.), изданную в г. Москве в соавторстве с журналистом Ю. В. Алексеевым (Федеральное информационное агентство REGNUM). Книга, получившая название «Народ сету: между Россией и Эстонией» [1], вызвала широкий резонанс и массовое обсуждение в Интернете. Рост читательского интереса привёл к дополнительному тиражу книги (первоначальный тираж составлял 1000 экз.), и продолжался до тех пор, пока книга не была размещена в Интернете. Власти Эстонии настороженно отнеслись к данному изданию и даже отказали в визе авторам для проведения презентации книги в г. Тарту.

Тем не менее, «скандальная» известность книги «Народ сету: между Россией и Эстонией» сыграла свою роль в признании сету в качестве самостоятельного народа (что произошло в дальнейшем не только в России, но и в Эстонии), т. к. в широких общественных кругах были обозначены вопросы, связанные с проблематикой сету, к тому времени приобретшей заметный политический оттенок. Но в итоге вопрос о признании сету самостоятельным народом вышел из узких научных рамок и затронул престиж России как многонационального и поликультурного государства.

Как было отмечено выше, Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2010 г. сету (сету) были внесены в Единый перечень малочисленных народов страны. Как следует даже из названия документа, в данном решении присутствует и демографическая составляющая сетуской проблематики, т. е. обвальное уменьшение численности российских сету после распада Советского Союза и становления новых государственных границ.

Начиная с 2005 г., полевые исследования сету Печорского района стали проводиться каждые три года. В результате очередного полевого исследования, состоявшегося летом 2008 г., в сельской местности Печорского района было выявлено 145 представителей сету. В г. Печоры численность сету была оценена примерно в 75 чел., а общая чис-

ленность сету в российской части Сетомаа — в 220 чел. В ходе исследования 2008 г. было опрошено 76 сету, проживающих в сельской местности. Результаты исследования были опубликованы в Псковском регионологическом журнале [15].

Четвёртый этап (2011–2017 гг.). Расширение спектра научных направлений изучения сету. Сразу же после включения сету (сету) в список малочисленных народов страны Администрация Псковской области начала реализацию программы по финансовой поддержке этого малого народа. В рамках этой программы с Псковским государственным университетом был заключён Государственный контракт (в 2011 и 2012 гг.) «на оказание услуг по организации процесса изучения социально-демографической ситуации среди сету (сету) и этнокультурных традиций сету (сету)».

В первый год работы по госконтракту, летом 2011 г. было проведено очередное полевое этнодемографическое исследование в Печорском районе. Общее количество сету Печорского района было оценено в 230 чел., в т. ч. 168 составили жители сельской местности района. Из них было опрошено 110 чел., в т. ч. 86 сету, проживающих в сельской местности.

В выводах исследования было отмечено, что после 2005 г. произошло значительное уменьшение миграционного оттока сету в Эстонию, что и привело в целом к относительной стабилизации демографической ситуации в российской части Сетомаа (Печорском районе). За это время возрастно-половая структура сету, проживающих в Печорском районе, претерпела лишь незначительные изменения. При этом даже несколько выросла доля детей благодаря повысившейся рождаемости после 2005 г.

Полные итоги исследования были опубликованы в двух номерах Псковского регионологического журнала [17; 18]. Кроме того, две статьи были опубликованы в ведущих отечественных научных журналах, входящих в базу данных ВАК РФ. В одной из статей затронуты спорные вопросы этногенеза сету [16], вторая статья посвящена обобщению итогов изучения идентичности сету за первые 12 лет полевых исследований (с 1999 по 2011 гг.), проведённых кафедрой географии Псковского государственного университета [19].

В 2011 г. для проведения мониторинга демографической и социокультурной ситуации в российской части Сетомаа был официально организован «Псковский центр по изучению сету (сету)», создана его страница в Интернете, где представлены отчёты по итогам работы 2011 и 2012 гг. по госконтракту с Администрацией Псковской области. В 2012 г. произошло расширение исследований сету как с территори-

альной, так и с научноотраслевой точек зрения. Так, была организована экспедиция для изучения этнокультурных традиций сету в эстонской части Сетомаа. Также важным последствием госконтракта стало подключение к исследованиям сету специалистов-историков [6].

Очередное полевое изучение сету Печорского района произошло летом 2014 г. в рамках проекта «Экспедиция по изучению этнографических особенностей и культурно-исторического наследия западного порубежья Псковской области», получившего грант Русского географического общества (2014–2015 гг.).

В ходе исследования 2014 г. было выявлено 135 сету, проживающих в сельской местности Печорского района. С учётом проживающих в г. Печоры, общее количество сету в районе было оценено примерно в 200–205 чел. В сельских населённых пунктах Печорского района в ходе экспедиции было опрошено 52 представителя народа сету. Сразу отметим, что к 2014 гг. среди респондентов произошёл почти полный переход к самоназванию «сету» и отказ от использования этнонима «сету».

Задачи работы по гранту РГО были намного шире, чем собственно изучение сету, и потому программа исследования сету была более узкой на фоне предыдущих экспедиций. Тем не менее, грант РГО позволил опубликовать книгу «Очерки по этнографии и исторической географии западного порубежья Псковщины» [26], в подготовке которого приняло участие сразу три четыре представителя кафедры географии ПсковГУ. Результаты исследования сету 2014 г. были опубликованы в трёх статьях [20–22], одна из которых посвящена итогам пятнадцатилетней работы по изучению сету Печорского района. Расширение круга географов-исследователей сету отразилось и на других публикациях, посвящённых сету [23; 30].

Осенью 2016 г. по договору с Администрацией Псковской области в рамках проекта «Проведение социально-демографического мониторинга состояния коренного малочисленного народа сету (сету), проживающего в Печорском районе» состоялось очередное полевое исследование сету. Экспедиция была подготовлена и проведена совместно с Центром социологии и региональной политики ПсковГУ.

В ходе исследования 2016 г. в сельской местности Печорского района было выявлено 177 сету, и их общее количество в районе (включая г. Печоры) было оценено в 245 чел., из которых было опрошено 106 чел. Причём впервые во всей серии проведённых нами исследований часть сету отвечала на вопросы анкеты через Интернет. Также впервые, следуя заданию Администрации Псковской области, задавались вопросы по занятости сету, и это составило значительную

часть итогов исследования, имеющих прикладной характер. Результаты исследования были опубликованы в двух статьях в научных журналах [24; 29].

Таблица

Полевые (этнодемографические и этносоциологические) исследования кафедры географии ПсковГУ в Печорском районе в 1999–2016 гг.

Годы	Оценка численности сету (сето)	Выявлено сету (сето) в сельской местности	Опрошено сету (сето) в сельской местности (в скобках — всего)	Наличие гранта, хоздоговора
1999	500	390	180	
2005	250	179	79	При поддержке федерального информационного агентства REGNUM
2008	220	145	76	
2011	230	165	86 (110)	Государственный контракт в 2011–2012 гг. на оказание услуг по организации процесса изучения социально-демографической ситуации среди сету (сето) и этнокультурных традиций сету (сето) между Государственным управлением образования Псковской области и ПсковГУ
2014	205	135	52	Проект 2014–2015 гг. «Экспедиция по изучению этнографических особенностей и культурно-исторического наследия западного порубежья Псковской области» (грант Русского географического общества, договор №06/2014-Н1).
2016	245	177	(106)	Проект «Проведение социально-демографического мониторинга состояния коренного малочисленного народа сету (сето), проживающего в Печорском районе» (хоздоговор с Администрацией Псковской области)

Рис. Обложки книг «Народ сету: между Россией и Эстонией» (М., 2005) и «Очерки по этнографии и исторической географии западного побережья Псковщины» (Псков, 2014)

В связи с тем, что экспедиция 2016 г. была проведена поздней осенью, в отличие от традиционного для предыдущих исследований летнего полевого сезона, было принято решение не проводить аналогичную экспедицию летом 2017 г., как того требовало бы формальное выдерживание трёхлетнего интервала между полевыми исследованиями сету.

Заключение. За последнюю четверть века псковскими учёными-географами было проведено шесть полевых исследований (в 1999, 2005, 2008, 2011, 2014 и 2016 гг.) в Печорском районе Псковской области, целью которых было изучение демографической и социокультурной обстановки в российской части Сетумаа. Три из этих экспедиций проводились при финансовой поддержке Администрации Псковской области и Русского географического общества.

Сетуская проблематика стала важной составляющей научной работы Псковского регионального отделения Русского географического общества, «Научно-образовательного центра регионолоических исследований», действующего с 2010 г. при ПсковГУ, а также специально созданного в 2011 г. при ПсковГУ «Псковского центра по изучению

сету (сето)». За период с 1993 г. было опубликовано около двадцати статей, посвящённых промежуточным итогам изучения сету, в ведущих отечественных научных журналах (не считая статьи в сборниках материалов научных и научно-практических конференций), а также не менее десяти монографий и учебных пособий, где даётся достаточно полная информация об этом малом народе России.

Литература

1. *Алексеев Ю. В., Манаков А. Г.* Народ сету: между Россией и Эстонией. М.: Изд-во «Европа», 2005. 104 с.

2. География Псковской области: природа, население, хозяйство: Учеб. пособие для 8–9 классов / Сост. и отв. ред. А. Г. Манаков. Псков: Изд-во ПОИПКРО, 1996. 126 с.

3. География Псковской области: природа, население, хозяйство: Учеб. пособие для 8–9 классов, 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А. Г. Манакова. Псков: ПОИПКРО, 2000. 200 с.

4. *Гурт Я.* О псковских эстонцах, или так называемых «сетукезах» // Известия императорского русского географического общества. Т. XLI, 1905. СПб., 1906. С. 1–22.

5. Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А. В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1998. 315 с.

6. *Колпакова Ю. В.* Сведения о сето в XVI–XX вв. по материалам Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Псковской области // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. № 2. Псков: Псковский государственный университет, 2013. С. 162–172.

7. *Манаков А. Г., Кулаков И. С.* Историческая география Псковщины (население, культура, экономика). М.: ЛА «Варяг», 1994. 316 с.

8. *Манаков А. Г., Никифорова Т. А.* История русско-эстонской этноконтактной зоны и народность сету // Вестник Псковского вольного университета: Научно-практический журнал. Псков: Центр «Возрождение». 1994, Том 1, № 1. С. 145–151.

9. *Манаков А. Г.* Расселение и динамика численности сету в XX веке // «Псков»: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 1995. № 3. Псков: ПГПИ. С. 128–139.

10. *Манаков А. Г.* Будущее Сетумаа в контексте российско-эстонских отношений // Территориальная справедливость, региональные конфликты и региональная безопасность: Международная научная конференция. Часть 2. Смоленск: Изд. СГУ, 1998. С. 34–39.

11. *Манаков А. Г.* Этнографическая специфика народности сету как туристический ресурс Печорского района Псковской области // Природа Псковского края. СПб., 1999. Выпуск 5. С.27–31.

12. *Манаков А. Г.* Сету Печорского района на рубеже тысячелетий (по результатам социально-демографического исследования летом 1999 г.) // «Псков»: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2001. № 14. Псков: ПГПИ. С. 189–199.

13. *Манаков А. Г.* На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии. Псков: Изд. ПГПИ, 2004. 296 с.

14. *Манаков А. Г.* Сету Печорского района Псковской области: материалы этнодемографического исследования 2005 г. // Псковский регионологический журнал. 2006. № 3. С. 171–179.

15. *Манаков А. Г., Карпущина Н. В., Пыжова О. А.* Сету Печорского района в начале XXI века (по итогам этнодемографического исследования 2008 г.) // Псковский регионологический журнал. 2009. № 7. С. 140–145.

16. *Манаков А. Г., Потапова К. Н.* Псковские сету: спорные вопросы происхождения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 106–112.

17. *Манаков А. Г., Потапова К. Н.* Этнодемографический портрет сету Печорского района Псковской области в начале второго десятилетия XXI века // Псковский регионологический журнал. 2012. № 13. С. 67–79.

18. *Манаков А. Г., Потапова К. Н.* Изменение территории расселения сету с середины XIX в. по настоящее время // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 117–126.

19. *Манаков А. Г., Потапова К. Н.* Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области (по результатам исследований 1999–2011 гг.) // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 2013, № 2. С. 177–187.

20. *Манаков А. Г.* Сдвиги в ареале расселения печорских сету (по итогам этнодемографического исследования летом 2014 г.) // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». 2014. Выпуск 5. Псков: Псковский государственный университет. С. 86–91.

21. *Манаков А. Г.* Демография и расселение сету в Печорском районе (по материалам экспедиции 2014 года) // Псковский регионологический журнал. 2015. № 21. С. 59–74.

22. *Манаков А. Г.* Этническая идентичность сету Печорского района: итоги пятнадцатилетних исследований (1999–2014 гг.) // Псковский регионологический журнал. 2015. № 22. С. 65–77.

23. Манаков А. Г., Теренина Н. К. Территориальное развитие прибалтийско-финских народов, разделенных государственными и административными границами (на примере карел, вепсов и сету) // Балтийский регион, 2015. № 1 (23). С. 127–142.

24. Манаков А. Г., Суворков П. Э. Возрастно-половая структура и занятость сету Печорского района по итогам исследования осенью 2016 г. // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». Псков: Псковский государственный университет, 2017, № 10. С. 35–43.

25. Миротворцев М. Об эстах или полуверцах Псковской губернии // Памятная книжка Псковской губернии на 1860 г. Псков, 1860. С. 45–61.

26. Очерки по этнографии и исторической географии западного порубежья Псковщины / Васильева Т. В., Манаков А. Г., Слинчак А. И., Теренина Н. К. / Под ред. Манакова А. Г. Псков: Псковский государственный университет, 2014. 162 с.

27. Рихтер Е. В. Итоги этнографической работы среди сету Псковской области летом 1952 г. // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXIII. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 183–193.

28. Рихтер Е. В. Интеграция сету с эстонской нацией // Eesti talurahva majanduse ja olme arengujooni 19 ja 20 sajandil. (Очерки о развитии хозяйства и быта эстонских крестьян в 19 и 20 веке). Tallinn, 1979. С. 90–119.

29. Суворков П. Э. Этносоциальный портрет сету Печорского района Псковской области (по материалам экспедиции 2016 г.) // Псковский регионалогический журнал. 2017. № 3 (31). С. 55–79.

30. Теренина Н. К. Сетоские хозяйственно-бытовые традиции в контексте формирования территориального туристского потребительского бренда // VII Псковские Международные краеведческие чтения (Псков, 13–15 октября 2017 г.). Союз краеведов России, Псковское региональное отделение. Псков: Псковский государственный университет, 2017. Том 1. С. 164–169.

31. Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // Живая старина. Выпуск I. СПб., 1890. С. 31–62.

32. Хагу П. С. Календарная обрядность русских и сету Печорского края // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1983. С. 51–52.

**«ХРАМ ДИВЕН И ПЕЧАЛЕН» (О ДВУХ ЛЮТЕРАНСКИХ
ХРАМАХ ПЕЧОРСКОГО КРАЯ, ПОСТРОЕННЫХ ПО
ПРОЕКТУ А. А. ПОДЧЕКАЕВА)**

Рассказ о двух лютеранских кирхах в Печорском крае, построенных по проекту архитектора Анатолия Алексеевича Подчекаева. Представлена история создания кирх, особенности их архитектуры и интерьера.

Ключевые слова: эстонско-российское и латвийско-российское порубежье, архитектор А. А. Подчекаев, кирха, Лавры, Печоры.

*Да, этот храм и дивен, и печален,
Он — искушенье, радость и гроза...
Н. Гумилёв «Падуанский собор»*

Деревня Лавры находится недалеко от границ России с Латвией и Эстонией. Такая близость Латвии отражает тот исторический факт, что, начиная с середины XIX в. Лавры стали привлекательным местом для латышских переселенцев. Основной причиной переселения латышей на север была дешевизна земли. Кроме латышей, здесь было много русских, а также эстонцев. Были и немцы. В межвоенное время Печерский край входил в состав Эстонии. Земли в XIX в. принадлежали, в основном, немецким баронам, которым, правда, особого дела до развития глухого края не было. Они жили и делали карьеру, в основном, в С.-Петербурге или в Пскове, вверяя распоряжение своими владениями доверенным лицам, как, например, было в нашем случае.

Лютеранское вероисповедование придаёт почти одинаковое значение отправлению вере и учёбе. Поэтому и латышские переселенцы сразу же построили и церковь, и школу, которые были под одной крышей. Правда, это была, скорее, не церковь, а скромный молитвенный дом. Находился он в пяти километрах от Лавров, в деревне Личниково. Барон Штакельберг, бывший пастором в Лифляндии, «желая объединить латышей в одну колонию, подарил им 25 десятин земли в личниковской пустоши при условии, что здесь будут построены школа и молитвенный дом. Он прислал своего землемера Роберта Андерсона, который отмерил землю» [5]. Р. Андерсон был доверенным лицом Шта-

кельберга. В 1916 г. этот комплекс сгорел. Через пять лет, в феврале 1921 г., состоялось общее собрание латышской общины, на котором решали вопрос и о школе, и о церкви: что строить первым? Мнения разделились, но большинство стояло за церковь. Однако собрание поступило очень демократично. Сторонники школьного приоритета получили право заняться строительством школы [5]. Теперь уже отдельно, не под одной крышей: школа была построена в Личникове, а кирха — в Лаврах. Землю и для школы, и для церкви бесплатно выделили землевладельцы.

Рис. 1. Лавровская лютеранская церковь, построенная по проекту архитектора А. А. Подчекаева (фотографии до 1944 г.)

Рис. 2. Лавровская кирха (фото С. Мельника, г Печоры)

Лютеранские церкви в Печорах и в Лаврах дивны и прекрасны. Это одни из немногих сохранившихся в Псковской области лютеранских храмов первой трети XX в., представляющий историко-архитектурный интерес. У лютеранского прихода в Печорах своей

церкви не было, и религиозные нужды они осуществляли в церкви Вастселийны. В 1908 г. было принято решение о строительстве своей церкви [3]. Но краеугольный камень печорской церкви Святого Петра была заложен только 11 ноября 1921 г. Дивный печорский храм судьба пощадила, сохранив его во время боевых действий 1944 г. Печальнее судьба лавровской кирхи: её красота была недолгой. В августе 1944 г. была снесена верхняя часть шпиля и верхний ярус башни, разрушены хоры и частично крыша. После войны были утрачены конструкции крыши, полы, столярные изделия и внутренние заполнения. Проще сказать — всё!

Рис. 3. Современный вид лютеранских кирх, построенных по проекту архитектора А. А. Подчекаева: слева — в Лаврах, справа — в Печорах

Расположена лавровская кирха на окраине Лавров на перекрестке улиц Пушкина и Лесной. Здание кирхи монументального характера. Объёмно-пространственная композиция обусловлена типом — базилика с высокой двускатной крышей. К основному трёхнефному объёму с севера была пристроена пятигранная апсида с шатровой крышей. По сторонам апсиды — небольшие тамбуры с шатровыми крышами и лестницами на восточную и западную стороны (ныне утрачены до уровня пола). С южной стороны примыкает квадратный в плане объём трёхъярусной колокольни. В первом ярусе расположен вход в кирху, оформленный перспективной стрельчатой аркой. Второй ярус с небольшим стрельчатым окном в центре. Верхний ярус колокольни ныне утрачен. По сторонам колокольни — квадратные в плане помещения со срезанными внешними углами, накрытые шатровыми крышами. Восточный и западный фасады решены одинаково: плоскость

стены равномерно расчленена контрфорсами на пять частей, соответствующих шагу столбов аркады интерьера. В пространстве между контрфорсами вписаны большие стрельчатые ниши одинакового очертания. В средних нишах устроены дверные проёмы, по сторонам от них — оконные. Стены завершены карнизом простого профиля. На крышу выходят остатки печных труб из красного кирпича. Прямоугольный зал базилики разделён аркадой цилиндрического очертания на три нефа. В центре северной стены между помещениями сакристий устроен большой арочный проём в алтарную апсиду. Большой арочный проём соединял хоры со вторым ярусом колокольни. Ранее в кирхе на хорах был установлен орган. В торцовых стенах базилики сохранились дымоходы с выходом печных труб на крышу. Поверхности стен и аркады в интерьере были оштукатурены и побелены [7].

Использовали кирху в качестве склада, гаража, зернохранилища. Несмотря на это, она даже в таком состоянии прекрасна: полюбоваться красотой лютеранской церкви в Лавры приезжают экскурсии из России, Эстонии и Латвии. Но туристы могут пострадать при осмотре интерьера кирхи, находящейся в аварийном состоянии, поэтому нужна срочная консервация. Строители, работающие сейчас по спасению кирхи, отмечают непрочность оригинальной кирпичной кладки, так что иногда кирпич можно вытащить из стены даже просто рукой. То ли время тому виной, то ли сила замеса раствора была недостаточно крутой. Как бы то ни было, работают они с душой, так что со строителями лавровской кирхе повезло.

Летом этого года мы были на концерте органной музыки в лютеранской церкви Св. Петра в Печорах. Говорят, органная музыка обладает целебным воздействием, лечит. Мы слушали прекрасную музыку в прекрасном исполнении, любовались алтарной картиной и вспоминали, что когда-то и в лавровской лютеранской церкви были органные концерты. Орган лавровской кирхи был не такой известный, даже нуждался в ремонте, но акустика там была замечательная!

Оба храма были построены по проекту архитектора Анатолия Алексеевича Подчекаева. В Печорах он работал совместно с Борисом Рудольфовичем Крюммером, а в Лаврах — с одним из братьев Зубченковых (Петром Ефимовичем?)³⁷. Построена церковь в Печорах была немного раньше лавровской. Она была освящена уже в сентябре 1926 г. А начало строительства латышской церкви в Лаврах — закладка краеугольного камня — 26 июля 1925 г. Они построены в одном стиле, но печорская церковь Св. Петра значительно больше лав-

³⁷ В архивных документах или в старых газетных статьях почти всегда сообщается только фамилия, а имя — не всегда.

ровской. Стиль, в котором построены обе кирхи, обычно вызывает дискуссии: одни называют его модернизированным готическо-романским смешанным стилем, другие их поправляют, называя этот стиль эклектической готикой или эклектикой в готическом стиле. Некоторые говорят: «Это модерн!».

Автор алтарной живописи «Христос» в церкви Св. Петра в Печорах, сохранившейся до наших дней, замечательный художник Ольга Владимировна Оболянинова (1882–1947) [8]. Почему алтарная картина для лавровской лютеранской церкви была заказана другому художнику? Ответ нашёлся в статье В. И. Васильева [2]. К тому моменту, когда лавровская кирха была построена, и встал вопрос об алтарной картине (ниже об этом будет рассказано подробнее), О. В. Оболянинова выехала из Эстонии.

Стимулом к изучению бытования алтарной картины явились два разночтения в документах, касающихся истории строительства кирхи. Прежде всего — о документах. Первый документ — небольшая книжка Пауля Донберга, посвящённая 65-летию лютеранского прихода в Лаврах и сорокалетию деятельности Донберга в должности органиста и кистера³⁸ этой церкви: «Алтарная картина (икона) первого молельного дома в Лабкове была большевиками осквернена и проколота штыками, но теперь она восстановлена и находится в новой церкви» [5]. Отметим, что это было написано в 1932 г.

Следующий документ — «Обзор строительства церкви в Лаврах» [10]. Оригинал этого обзора написан на эстонском языке в начале 90-х гг. (на титуле отсутствует год издания). Хранится этот документ в Историческом архиве Эстонии. План проектных работ (предположительно 1990 г.) был составлен в связи с желанием местного колхоза восстановить церковь в прежних формах. Церковь предполагалось использовать в будущем в качестве культурного учреждения, где могли бы проходить концерты. (Перевод с эстонского А. И. Кузнецовой)

Из письма от 11 марта 1934 г. пробсту города Выру выясняется, что церковь в Лаврах готова снаружи, т. е. строительство стен, крыши и башни завершено, а также за 1160 крон приобретён колокол. Внутри завершены следующие работы: установлены четыре покрашенных печи из листовой стали, кафедра, пол и скамьи, балкон, где также имеется небольшой орган. Необходимо было ещё заштукатурить потолок и покрасить его в белый цвет, а также установить алтарь и алтарную картину. Это было исполнено в 1935 г. Однако уже в следующем году

---

³⁸ У лютеран должность кистера соединяется с должностью школьного учителя. В России, согласно уставу, кистеры, хотя и именуются церковными служителями, но служат по найму и к духовенству не причисляются.

с алтарной картиной возникает проблема. Правление церкви требует снять написанный художником Кангро-Поолом³⁹ образ по причине того, что «выражение лица Иисуса Христа представляется чересчур отличающимся от стандартных его изображений» [1]. Отметим, что это произошло в 1936 г. Алтарная картина снята. Никаких упоминаний о ней нам не удалось найти ни в Интернете, ни в биографии художника, её создавшего. Что же такое было в лике Иисуса Христа, исполненного Вольдемаром Кангро-Поолом? Алтарная картина не сохранилась, и теперь не узнаешь, в чём состояло это отступление от канона, в чём было отличие от общепринятого изображения. И что тогда разместили на алтарной стене? Эти вопросы остались без ответа.

Вскоре алтарная картина преподнесла ещё одну загадку. На старинной фотографии 1938 г. интерьера лавровской церкви из книги «Eesti kirikud läbi sajandite» видна алтарная картина, хотя и очень нечётко [6]. Удалось достать номер телефона автора-составителя книги Айво Айя (Aivo Aia), дозвониться и договориться о встрече летом. Было бы интересно увидеть оригинальную фотографию алтарной картины. Эта встреча не состоялась, и, к сожалению, не удалось узнать, какая же алтарная картина была в лавровской кирхе в 1938 г.

Следующий шаг в поисках алтарной картины — изучение «Лексикона» известного коллекционера Юлиуса Генса в библиотеке Тартуского художественного музея — не принёс результата. Там есть данные о художнике Вольдемаре Кангро-Пооле и его работах. Алтарная картина в этом списке не упоминается.

На этом можно было бы и закончить рассказ об алтарной картине лютеранской церкви в Лаврах, если бы не одно событие прошедшего лета, когда мы были в деревне. Встал вопрос о старых журналах, недвижно пылившихся там и сям. Решено было вынести их на улицу, пересмотреть и отобрать то, что когда-то полюбилось при чтении и что пригодится, может быть, детям и внукам. Огромные кипы журналов лежали на столике в саду, и муж, выбрав какой-то журнал, сказал: «Вот этот журнал не выкидывай. Там хорошие стихи». Я подошла к столу, чтобы посмотреть журнал, но ветер вдруг закрыл страницу со стихами. Из открывшегося текста глаза выхватили слова «церковь», «художник», «Христос», «натурщик». Неужели об алтарной картине? Это была небольшая новелла эстонского писателя, классика эстонской литературы, Карла Ристикиви (1912–1977). Называлась она «Христос со стеклянными глазами» [4]. История создания алтарной картины для

---

³⁹ Ни в одном из документов не указано имя художника. Нам удалось найти единственного эстонского художника с такой фамилией — Вольдемар Кангро-Поол (1889–1943).

лавровской лютеранской кирхи удивительным образом переключается с сюжетом новеллы Карла Ристикиви. Художник работал над созданием картины для алтаря в 1935–1936 гг., рассказ же Ристикиви написал немного позже, в 1940 г. Сомнений не было, что это написано о работе художника над алтарной картиной лавровской кирхи. Нужно было найти подтверждение догадке. Снова начались поиски. Был ли сюжет рассказа взят из реальной жизни или это авторский вымысел? В окружении писателя были друзья и знакомые с фамилией Кангро. Ристикиви мог от них узнать историю лавровской алтарной картины. Но ни из самого рассказа, ни из предисловий никаких подтверждений этому узнать не удалось. В новелле речь идёт о творческих переживаниях главного героя в процессе работы над созданием алтарной картины. А если говорить о конкретных совпадениях в сюжете новеллы с лавровской историей создания картины, то это заказ художнику алтарной картины и недовольство ею руководства прихода. Об отказе от картины речь в новелле не идёт. Концовка совсем другая: восхищение пришедших утром в церковь священника, председателя церковного совета и натурщика образом Христа, созданного художником ночью в творческих муках. Для истории Лавров новелла Карла Ристикиви явилась очень значимым событием: это, может быть, первое упоминание о Лаврах в художественной литературе.

Неподалеку от кирхи находится лютеранское кладбище. Кладбище до сих пор действующее, хотя лютеранский приход в Лаврах после войны был закрыт. Первые захоронения датируются 60-ми гг. XIX в. Лютеранское кладбище в Лаврах можно считать своеобразным лесным парком, где много интересных памятников. Прогулка по такому парку — это остановка в суете, приобщение к святому и сохранение исторической памяти. Такие лесные парки есть в Риге, в Таллине. Такой парк есть и в Лаврах, только менее ухоженный. День лютеранского кладбища в Лаврах — *Karu svetki* — второе воскресенье июля. Это глубоко укоренившаяся традиция. А накануне бывают субботники, на которые приходят местные жители и приезжают из Латвии и Эстонии потомки латышских переселенцев, чтобы убрать захоронения родных и навести порядок на кладбище. Очень живописна часовня. Летом 2018 г. она была капитально отремонтирована: новый фундамент, новая крыша, новый крест на часовне. Уже заказали новые двери, и не теряем надежды приобрести новый колокол. Из-за участившихся в последнее время актов вандализма на кладбище встал вопрос о защите кладбища государством как объекта культурно-исторического наследия. Без этого оно может не сохраниться, хотя там похоронены известные исторические личности: основатели Лавров Петер Зарри и

его сын Артур Зарри, художники Людвиг Микстайс и Николай Васильевич Яснецкий, наш учитель Иван Васильевич Краев, учитель латышской школы Петер Цимбуль и многие другие замечательные люди, оставившие след в истории нашего края.

Литература

1. Алтарная картина в Лавровской церкви подлежит снятию? // Газета “UUS EESTI”, 1936, 12 oktoober, № 277. С. 5. [Перевод А. И. Кузнецова].

2. *Васильев В. И.* Секреты старого чемодана (Предварительные результаты изучения рабочего архива А. А. Подчекаева) // Шестые Псковские региональные краеведческие чтения. Книга II. Псков — Москва, 2016. С. 318–332.

3. Приход Св. Петра в Печорах. Сост. Андрес Мязвере. 32 с.

4. *Рустикиви Карл.* Христос со стеклянными глазами / Пер. с эстон. Эльвиры Михайловой // Дружба народов. 1990. № 1. С. 162–168.

5. *Donbergs Pāvuls.* Lauru draudze. ... Lauru ev.-lut. baznīcas radomes isdewums [Учитель П. Донбергс. Лавровский приход. Обозрение, посвященное 65-ой годовщине прихода и 40-летнему юбилею учителя-кёстера П. Донберга. Лавры: Издание Совета Лавровской ев.-лют. Церкви, 1932. 39 с. / Пер. с лат. Бруно Явойш].

6. Eesti kirikud läbi sajandite / Aivo Aia tekst ja fotod; [kujundanud Andres Tali] [Tallinn]: Tammerraamat, 2015 (Tallinn: Printon). 423 lk.

Интернет-источники

7. Кирха лютеранская-1. История Пскова и Псковской области. Печорский р-н. [Электронный ресурс]: URL: http://pskovgrad.ru/pskovskaja_oblast/pechorskij_rn/41576-kirha-lyuteranskaya-1.html

8. Обольянинова О.В. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.artz.ru/menu/1804657343/1804809509.html> (дата обращения: 29.11.2017).

9. Подчекаев Анатолий Алексеевич (1879–1939). «Экспедиция Русского Музея Эстонии — Тарту». Фильм. [Электронный ресурс]: URL: http://web.venemuuseum.ee/ru/?page_id=145

Архивные фонды

10. Laura kiriku ajalooline ülevaade / Исторический обзор лавровской кирхи (Обзор строительства церкви в Лаврах). ERA.T-76.1.13108. [Перевод А. И. Кузнецова].

ПЕТЕРБУРГ — СТРУГИ — ТАЛЛИН В СУДЬБЕ СЕМЬИ ДОВОЛЬСКИХ

Рассмотрены биографии членов дворянской семьи Добровольских за период с конца XIX в. до середины XX в., проживавшей в том числе в имении Луговое, которое находилось на территории современного Струго-Красненского района.

Ключевые слова: Струги Красные, Луговое, Таллин, Добровольские, биографии.

На северо-востоке современного посёлка Струги Красные располагалось имение Луговое, принадлежавшее в начале XX в. генерал-майору А. М. Добровольскому и его супруге Е. П. Добровольской. Данная территория вокруг Долгого (Генеральского) озера, занимаемая с 1920-х гг. воинской частью, обеспечивающей близлежащий артиллерийский полигон, а также подсобным хозяйством полигона и лесхозом, до сих пор именуется «Подсобное».

В данной статье я постараюсь кратко рассказать о судьбе представителей семьи Добровольских.

Александр Михайлович Добровольский родился 19 декабря 1863 г. в дворянской семье, получил образование во Владимирской Киевской военной гимназии (окончил в 1881 г.), 2-м Константиновском военном училище (1881–1883) и Александровской военно-юридической академии (выпущен по 1-му разряду в 1890 г.).

А. М. Добровольский в 1883 г. произведён в подпоручики и зачислен в 15-й стрелковый батальон. С 1886 г. — кандидат на военно-судебную должность при Варшавском военном окружном суде, с 1887 г. — поручик. С 1888 г. — помощник военного прокурора Кавказского военного окружного суда, с 1889 г. — Варшавского военного окружного суда. В 1890 г. за отличие произведён в штабс-капитаны, в 1892 г. — в капитаны. Помощник военного прокурора Петербургского военного окружного суда (1894–1896), с 1895 г. — подполковник, с 1899 г. — полковник.

С 1901 г. состоял экстраординарным профессором по кафедре военной администрации Александровской военно-юридической академии в Санкт-Петербурге. Издал несколько методических пособий,

конспектов лекций и очерков, защитил диссертацию на тему «Основы организации центрального военного управления в России и в важнейших западноевропейских государствах» (1901), издал монографии: «Система карательных мер в Запорожье» (1903), «Анархизм, социализм, рабочий и аграрный вопросы» (1907), являлся автором статей в «Военной энциклопедии» издания И. Д. Сытина.

В 1907 г. Александр Михайлович назначен ординарным профессором Военно-юридической академии и за отличие произведён в генерал-майоры. С 1912 г. — заслуженный профессор академии.

С началом Первой мировой войны переезжает в Москву. В 1916 г. он состоял в должности председателя Московской военнотензурной комиссии. Награждён орденами: Св. Станислава II ст. (1902), Св. Анны II ст. (1904), Св. Владимира III ст. (1910), Св. Станислава I степени (1913), Св. Анны I ст. (1915), 2 июня 1916 г. получил Высочайшее благоволение «за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны».

Интересно, что труды профессора Добровольского востребованы современными юристами и даже государственными деятелями. Например, 10 сентября 2009 г. председатель Совета Федерации С. М. Миронов, выступая перед курсантами Рязанского высшего училища ВДВ, в своей речи ссылаясь на работы А. М. Добровольского от 1913 г. в которых он предлагал поставить военнослужащих в привилегированное положение по сравнению с другими гражданами для обеспечения военной безопасности государства.

Екатерина Петровна Добровольская (урождённая Кашменская) родилась 26 мая 1874 г. в Санкт-Петербурге в семье гласного городской Думы Петра Степановича Кашменского и его супруги Татьяны Сергеевны Сергеевой. В 1881 г. семья переехала в деревню Покровское Одоевского уезда Тульской губернии, где Пётр Степанович занялся сельским хозяйством и пчеловодством. Екатерина Петровна получила домашнее образование и до 1893 г. проживала в деревне. В 1893 г. вышла замуж за капитана Александра Михайловича Добровольского и переехала к месту службы мужа в Варшаву. В 1899 г. в семье родился сын Василий.

В 1905–1907 гг. Екатерина Петровна служила сестрой милосердия в Семёновском госпитале, в 1914–1915 гг. — сестрой милосердия в Военно-Юридическом лазарете.

В первые годы XX в. Добровольские приобрели имение Луговое — часть дачи Губин Клин у Андрея Андреевича Васильева. С 1910 г. супруги Добровольские состояли членами правления Струго-Бельского союза молочных хозяев. В том же 1910 г. Александр Михайлович

стал одним из учредителей Общества по благоустройству местности при ст. Струги-Белая. А в 1913–1914 гг. (юридически до 1917 г.) состоял председателем попечительского совета Струго-Бельского высшего начального училища. В Луговом, кроме большого хозяйского дома и хозяйственных построек, были построены и несколько небольших дачных домиков, которые сдавались внаём в летнее время. Известная художница, издатель, писатель Наталья Оскаровна Мунц, которая несколько раз в детстве отдыхала в Луговом, так вспоминала об этом месте и его хозяевах:

...В Луговом, всё было по-новому. Забора — никакого. Около дома — мелкий соснячок с вереском, полевыми цветочками и даже грибами. За домом тянулись плавные луга, переходящие в синие дали. Слева — крутой лесистый склон к Долгому озеру. Противоположный берег был тоже крутой, и поэтому озеро было тенистое. Внизу — покосившаяся купальня, белая облупившаяся лодка и душноватый запах кувшинок. Во всём имении, кроме большого дома, который никогда не называли усадьбой, а почему-то «мызой», было всего 3–4 дачи, разбросанных далеко друг от друга.

...Дорога, затемнённая деревьями, шла вверх мимо парка. На полпути справа стояла старая кирпичная часовня, волнующая моё воображение. ... Парк тянулся в сторону, начинаясь с парадного большого пруда, обросшего лиловыми высокими цветами, каких раньше мы не встречали. В конце парк переходил в яблоневоый сад.

...Сам дом совершенно некрасив. Но в комнатах Екатерины Петровны всё было красиво, начиная с неё самой. Она была полная дама, немного ленивая в движениях. Носила дома тёмные капоты с кружевным воротником и туфли на французском каблучке с острыми носами. Руки её были удивительно красивы, карие глаза с очень смуглыми веками выдавали какую-то нерусскую кровь. Она играла на рояле. Пела. Вышивала с большим вкусом. Вещи кругом были старинные. В комнате царил милый беспорядок. ... За спальней и гостиной Екатерины Петровны была большая двойная комната Васи. ... Васе было в то первое лето 16 лет, это был тонкий молодой человек с волосами ёжиком, большими серьёзными серыми глазами и ямкой на подбородке. Красивый, теперь мне кажется, что он был похож на молодого Бунина. Был он молчалив и скорее несимпатичен, что не мешало мне считать его пределом очарованья. Учился он в гимназии плохо.

Летом 1917 г. на дальней даче «в Лугах» проживала группа старшекласников — т. н. «трудовая колония гимназии К. Мая» под руководством учителя гимнастики Николая Александровича Низовцева. Ученики не только отдыхали летом на указанной даче, но и работа-

ли в полях Е. П. Добровольской. Одним из тех, кто отдыхал и работал, являлся будущий академик Д. С. Лихачёв, он вспоминал о тех временах так: «на школьные каникулы выезжали всей школой в какое-то имение на станцию Струги-Белая по дороге на Псков. Мы выпускали разные классные журналы и даже писали и размножали собственные сочинения в духе повестей Буссенара и Луи Жаколио без преподавательского надзора» [3]. По воспоминаниям Н. О. Мунц, «в 1918 г. все вернулись в Петроград, и потом помню день, когда кто-то вбежал в нашу столовую со словами: “Луговое разгромлено!” Вот и всё. Добровольские уехали» [4].

Рис. Екатерина Добровольская и Василий Добровольский

В 1919 г. в связи с тяжёлым положением с продовольствием в Петрограде, Екатерина Петровна с сыном Василием переехала в Луговое. События Гражданской войны вынудили их вместе с семьёй Срезневских, в имени которых — Городок — они проживали летом 1919 г., в сентябре 1919 г. выехать в Эстонию вместе с отступающими войсками Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича.

Отношения в семье Добровольских между Екатериной Петровной и Александром Михайловичем были сложные. С 1916 г. Александр Михайлович работал в Московском военно-цензурном комитете, а затем, согласно воспоминаниям Екатерины Петровны, в Военно-

Морском архиве в Москве, где и скончался в 1932 г. До его смерти супруги нерегулярно переписывались.

Мать и сын Добровольские поселились в Ревеле (Таллине). Екатерина Петровна занималась вышивкой, домашним хозяйством, давала частные уроки музыки, воспитывала внука Андрея. Эстонского гражданства Екатерина Петровна не принимала, проживала как лицо без гражданства по нансеновскому паспорту. В 1941 г., после присоединения Эстонии к СССР, Екатерина Петровна получила вид на жительство в СССР. Лишь 24 октября 1952 г. постановлением Президиума Верховного Совета Эстонской ССР Екатерина Петровна Добровольская получила советское гражданство. В 1950-е гг. Екатерина Петровна проживала в Ленинграде и д. Кавголово у своей младшей сестры Казинской (Винклер) Юлии Петровны.

Василий Александрович Добровольский родился 25 декабря 1899 г. в С.-Петербурге. Окончил реальное училище Карла Мая. С осени 1919 г. проживал вместе с матерью в Таллине, работал в частном антикварном магазине. В 1930-е гг. Василий Александрович женился на Кире Борисовне (1911 г. р.), в 1936 г. у них родился сын Андрей.

21 сентября 1940 г. В. А. Добровольский был арестован и привлечён к уголовной ответственности за бегство в Эстонию, спекуляцию валютой и драгоценными металлами. Содержался под стражей в Таллинской тюрьме № 1. Обвинялся в подрыве финансовой деятельности ЭССР, преступлениях, предусмотренных статьями 58-1а (измена родине), 59-12 (нарушение правил о валютных операциях) УК РСФСР.

28 мая 1941 г. Особое совещание при Народном комиссаре Внутренних Дел СССР признало Василия Александровича Добровольского виновным по вменяемым ему обвинениям и постановило заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, считая срок с 21 сентября 1940 г. Василий Александрович Добровольский умер в лагере 14 апреля 1943 г.

В 1995 г. **Андрей Васильевич Добровольский**, который расстался со своим отцом четырёхлетним мальчиком, проживал в Эстонии и воспитывался матерью, обращался с запросом о судьбе отца и просьбой о его реабилитации.

Таким удивительным образом переплелись в судьбах представителей семьи Добровольских Петербург, Струги Красные и Таллин.

***

Искренне благодарю за предоставленную помощь по розыску архивных материалов Тамару Васильевну Вересову (Псков) и Татьяну Кузьминичну Шор (Тарту).

Литература

1. *Волков С. В.* Генералитет Российской Империи: Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009.
2. *Егоров Н. Д.* Русский генералитет накануне Гражданской войны (Материалы к биографическому справочнику). М., 2004.
3. *Лихачев Д. С.* Избранные работы: В 3-х т. Т. 1: О себе. Развитие русской литературы; Поэтика древнерусской литературы. Монографии. Л.: Худож. лит., 1987.
4. *Муниц Н. О.* Луговое // Наш край. Лит.-краевед. альманах. Вып. 12, 2016.
5. Национальный архив Эстонии в Тарту (ERAF) Ф. 7SM. Оп. 1. Д. 619; Ф.129SM. Оп. 1. Д. 24905.
6. Отчёт Струги-Бельского Союза молочных хозяйев за 1910–1911 гг. СПб, [1912].
7. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]: URL: <http://council.gov.ru/events/news/20411/>
8. Список генералам по старшинству. Составлен по 15.04.1914. Петроград, 1914.
9. Список генералам по старшинству. Составлен по 10.07.1916. Петроград, 1916.
10. Струги-Бельский Союз молочных хозяйев и его деятельность за 1911–1912 г. СПб, 1913.
11. Устав Общества по благоустройству местности при ст. Струги-Белая Сев.-Зап. жел. дор. Лужского уезда С.-Петербургской губернии. Луга, 1910.
12. ЦГИА СПб Ф.139. Оп.1. Д.19043. Л.4.
13. Школа Карла Мая [Электронный ресурс]: URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=5301

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ ВИДОВ РУКОДЕЛИЯ РЕГИОНОВ ЭСТОНИИ

В статье рассматривается многообразие приёмов и художественных особенностей эстонского традиционного рукоделия. Выделены факторы, влияющие на формирование и распространение отдельных видов традиционной вышивки и узоров вязания в регионах Эстонии.

Ключевые слова: традиционное рукоделие, материальная культура Эстонии.

Введение. Эстония, где давно заселён и обжит практически каждый ландшафт, а про реки, озёра, леса, холмы и прочие сколько-нибудь выделяющиеся на местности объекты сложены песни и легенды, накопила огромный культурный и технологический опыт ремесленных производств. К сожалению, достаточно трудно подробно изучить истоки многих традиций рукоделия, т. к. в музеях Эстонии в основном хранятся экспонаты, относящиеся ко второй половине XIX в., периоду национального возрождения, когда интерес к традициям побудил исследовать и собирать образцы ремесленных изделий. Можно увидеть считанные единицы экспонатов XVIII в. и совсем мало можно узнать о традициях рукоделия более ранних периодов [1].

Целью статьи является рассмотрение региональных особенностей наиболее популярных видов и техник рукоделия на территории Эстонии, обусловленность их специфики природными и культурно-историческими факторами.

Результаты исследования. Как природные факторы, так и культурно-исторические особенности отдельных территориальных общностей в пределах Эстонии послужили причинами формирования значительных различий и создания уникальных приёмов и методов ремесленного рукоделия в различных частях страны. Так, по региональным элементам национального костюма и предметам, служащим для украшения жилища, почти всегда можно определённо указать регион их происхождения.

Большое значение до настоящего времени играет и система символов и верований далёкого прошлого, восходящего к общим для

финно-угорских этносов традициям: это и орнаментальная структура тканых и вышитых деталей костюма, и включение в состав изделия специальных своего рода символических элементов — оберегов, и особые приёмы плетения кружева и вязания, помимо декоративной и практической составляющей, часто несущие и сакральный смысл. Это особенно явно можно проследить в костюме финно-угорского этноса сето, проживающего на приграничных территориях Эстонии и России и сохранивших в своей культуре много элементов язычества. Так, варежки и узоры их вязания имеют здесь совершенно особый смысл: сетосские варежки входят в состав приданого, а также их дарят после похорон тем, кто копал могилу. Для варежек сето характерны так называемые «ритмические узоры», когда орнамент многократно повторяется, он может быть геометрическим или растительным. Мотивы узоров или являются знаками, оберегающими владельцев от злых сил (например, изображение кривого креста) или заимствованы из природы — это стилизованные цветы, побеги растений, волны на воде и др. Кривой крест — это один из наиболее распространённых орнаментальных мотивов, встречающийся во все известные исторические периоды у разных этносов, в т. ч. и у финно-угров. Обычно его связывают со значением ограды (того же оберега, ограждающего «предела» для чужих), а также он символизирует Солнце. Однако у сето встречается и трёхлучевое перекрестие, напоминающее три сходящиеся бороздки на верхушке «плода» священного можжевельника [2; 4].

В других частях Эстонии крестообразные пересечения также часто становятся мотивом узора вязания. Некоторые из таких приёмов вязания и в настоящее время чётко соотносятся именно с эстонским рукоделием. Это, например, виккель — старинная эстонская техника вязания, основанная на перемещении петель. Кроме этого, «виккель» упоминается как особый приём вязания, который используется при выполнении жгутов и других сложных узоров. Одним из производных перекрещивания петель является и не менее популярная и в современном вязании на спицах поперечная «эстонская косичка», имеющая значительные различия в технике выполнения в различных уголках Эстонии [3].

Если юг и юго-восток Эстонии знаменит своим многоцветным вязанием, то острова и западное побережье (от Хаапсалу до Пярну) выделяется уникальной, легко узнаваемой техникой вышивки и ажурного вязания. Не только у каждого острова, но и практически у каждой местности в западной Эстонии сложились свои особенности организации жилища, свой костюм, свои песни. И в то же время именно западная и северная прибрежная Эстония является территорией активного

взаимопроникновения и «транзита» культур. Сохраняя эту многослойность, культура западной Эстонии во всяком случае в середины XIX в. обладает своими собственными, уникальными очертаниями. Можно сказать, что уже с этого периода она тяготеет к современной эстонской культурной модели — с её музыкальностью, камерностью и любовью к новым технологиям. Именно принятие и адаптация новых технологических приёмов обусловили здесь использование новых красящих пигментов (яркие розовые и оранжевые краски шерстяных ниток для вязаных изделий на острове Муху), новых технологий ажурного вязания (шали из Хаапсалу, в которых трансформированы и развиты приёмы как шведских, так и оренбургских мастериц), сложных комбинированных техник вышивки (Мухуская вышивка отличается своеобразным стилем вышивки гладью и крестом).

Рис. Пример сетоских узорных полихромных рукавиц

Практически все эти традиционные приёмы рукоделия не только актуальны и используются местными мастерицами до сих пор, но и являются узнаваемыми территориальными брендами этих самобытных местечек Эстонии. Так, одновременно и повседневной, и праздничной одеждой, и желанным туристским сувениром является женская юбка-

кёрт с острова Кихну. Национальная кихнуская юбка ручной работы до настоящего времени является повседневным предметом одежды женщин с этого острова, как и пёстрые вязаные на спицах кофты-тройды — шуточно называемые иногда «кихнуские кольчуги». Вероятнее всего, народная одежда на открытом всем ветрам острове сохранилась благодаря практичности. И в целом культурное пространство острова Кихну, занесённое в 2003 г. в список нематериального наследия ЮНЕСКО, представляет интерес для изучения самобытных приёмов и методов рукоделия.

Явная ориентированность на внешний спрос прослеживается в популярности вязания ажурных шалей в Хаапсалу: шали стали основным источником дохода для многих хаапсалуских женщин, эти изделия были по достоинству оценены дамами высшего света, отдохавшими здесь на популярных местных курортах, созданных ещё в 1825 г. Некоторые узоры шалей имеют собственные названия: так, существует рисунок, который вяжут местные мастерицы, называемый «сильвия» по имени шведской королевы Сильвии, у которой, по местной легенде, любимой была именно такая шаль. Отличительная черта шалей — узорчатый край вяжется отдельно от основного полотна и потом соединяется с ним [2].

Также популярным туристским сувениром, чаще всего привозимым из Таллина, является женская или детская шапка-шарф с эстонскими национальными узорами (колпачок с удлинённым завершением, позволяющим закрыть от ветра и шею, обмотав его вокруг неё). Именно в таких изображают обычно помощников эстонского Ёбулувана (переводится на русский язык, как «Рождественский старец»), чей образ аналогичен финскому Йоулупукки и русскому Деду Морозу. Шапка-колпачок является своего рода стилизованным атрибутом общего колорита древнего Таллина, его форма, длина и узор вязания сильно варьируют.

Следует отметить, что даже становясь туристским сувенирным брендом, изделия эстонских мастериц сохраняют самобытность и следование традиционным технологиям их создания. Так, например, в вышивках острова Муху используются образы самых распространённых в Эстонии трав и полевых цветов. Вышивка здесь выполнялась на шерстяных тканях ярких цветов: оранжевых, синих, зелёных, фиолетовых (яркие цвета характерны и для местных вязаных изделий). В 1930-х гг. вышивать стали на тёмной основе, выбирая очень яркие нитки для вышивки [1].

Чаще всего использовались нитки розового, оранжевого, белого, василькового, ярко-зелёного и вишнево-коричневого цвета. Несмотря

на разнообразие цветов, вышивка родом с острова Муху всегда выглядит очень гармонично благодаря тщательному подбору оттенков. Сейчас именно эта техника вышивки является своего рода «визитной карточкой» эстонского рукоделия.

Заключение. Эстонский костюм и отдельные его элементы не столь однородны, как можно было ожидать, учитывая общность природных особенностей, исторического пути и компактность территории страны. Однако в особенностях вязаных, вышитых и тканых изделий регионов Эстонии явно прослеживаются как черты самобытности, так и оригинальные воплощения более широко используемых, вненациональных, методов и приёмов. Очень интересно использование геометрических и растительных орнаментов, их сочетаний в разных частях Эстонии. Отдельные приёмы рукоделия, например вязание поперечных косичек-оберегов, и некоторые элементы узоров, такие как «tsõõgi» и «risti» (кружки и крестики) в узорах несут многослойную древнюю символику, тогда как другие, например, узоры хаапсалуских шалей, являются сравнительно недавним изобретением местных мастериц, ориентированным на потребительский спрос.

Вместе с тем, внедрение новых приёмов рукоделия и их сочетание со старыми традициями показывает жизнеспособность самобытных традиций, их передачу из поколения в поколение и перспективы развития в будущем.

Литература

1. *Линнус Хильда*. Вышивка в эстонском народном искусстве. Часть I. Северная Эстония и острова. Эстонское гос. изд-во, 1955. 206 с.
2. Eesti Rahva Muuseumi etnograafilise arhiivi materjalid.
3. Eesti Silmuskudumine II. Sukad ja sokid / Ainu Purje; Saara Kirjastus, 2018. 384 lk.
4. Setomaa, 2 Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920 aastani. Koost. ja toim / H. Valk, A. Selart, A. Lillak; peatoim. M. Aun. Tartu, 2009. 480 lk.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОПЫТА СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ БАДЕН-ВЮРТЕМБЕРГ (ФРГ) В ПСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

Рассмотрены вопросы использования европейского туристского опыта (на материалах Баден-Вюртемберга — федеральной земли ФРГ) в качестве пилотной модели на территории Карамышевской волости Псковского района Псковской области.

Ключевые слова: *историко-культурное наследие, экскурсионные маршруты, фестиваль, тематический парк, бренд.*

К настоящему времени в Псковской области разработана нормативная база, обеспечивающая условия для планирования и реализации проектов внутреннего и выездного туризма. Так, в 2010 г. в Псковской области была разработана областная долгосрочная целевая программа «Развитие культурно-познавательного туризма Псковской области, предусматривавшая меры по созданию туристско-рекреационного кластера «Псковский». Проект создания туристско-рекреационного кластера «Псковский» вошёл в число шести пилотных проектов федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и выездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)».

На современном этапе очевидна правильность выбранной кластерной стратегии, что способствовало повышению конкурентоспособности территории на туристском российском рынке за счёт синергетического эффекта.

Конкретными результатами кластера уже активно пользуются жители и гости нашего города. Популярными стали такие места областного центра, как обустроенные набережные рек Великой и Псковы, новые пешеходные зоны города Пскова.

Привлекательным для туристов России и Европы является событийный календарь Псковской области. В частности, Псковский регион (на 2018 г.) входит в российский ТОП-10 по проведению фестивалей.

В то же время в регионе остаётся нерешённым широкий спектр вопросов для эффективного развития туризма. Так, проблемные вопросы сферы гостеприимства активно обсуждались в ходе пленарного и

секционных заседаний IV Международной конференции «Популяризация культурно-исторического наследия и развитие туризма» (г. Псков, 11–15 октября 2018 г.). Об использовании опыта международного сотрудничества делились в том числе и представители органов местной власти и руководители турфирм. Каждая культура осознаёт и обретает свою индивидуальность через взаимодействие с другими культурными системами. Актуальным в развитии туризма также является изучение и использование международного опыта популяризации и сохранения историко-культурного наследия, что, в конечном итоге, призвано способствовать повышению качества туристских услуг, увеличению потока иностранных туристов, развитию смежных отраслей экономики и повышению занятости населения [3].

Представляется, что особую актуальность приобретает изучение и апробирование идей продвижения имеющегося богатого историко-культурного наследия и в масштабе отдельных муниципальных образований и региона в целом. Речь идёт об уже имеющихся работах, в частности, на примере Карамышевской волости Псковского района, где удачно сочетаются содержательно-организационный и территориальный факторы.

На территории данного муниципального образования, включающего 185 населённых пунктов, находятся объекты, имеющие высокий туристско-рекреационный потенциал, эффективное использование которого могло бы способствовать культурному и социально-экономическому развитию не только самой Карамышевской волости, но и всей Псковской области.

К числу значимых историко-культурных объектов на территории волости относятся:

- выдающиеся памятники христианской культуры, такие как уникальный храм XV в. Успения Богородицы в деревне Мелётово — древнем форпосте Псковской земли; храм XVI в. Николы в деревне Виделебье — родине святых преподобных Евфросина (Елеазара), основателя Спасо-Елеазаровского монастыря, Никандра (Никона) Псковского, основателя Никандровой пустыни, Трифона Городецкого;

- памятники садово-паркового искусства в бывших дворянских усадьбах в деревнях Зубово и Быстрецово;

- памятники, посвящённые периоду Великой Отечественной войны, в числе которых Мемориальные комплексы (воинские захоронения) в селе Карамышево, деревнях Быстрикопольское, Большое Загорье, Кебь, Корныхново, Лиственка, Лопатиха, Мараморка, Меленка, Негорелицы, Пикалиха, Ручьи-2, Сетино, Шарабино, Шевелево, памят-

ник праведнице мира псковской крестьянке Пелагее (некрополь «Мелётово»);

– привлекательные с туристско-рекреационной точки зрения ландшафтные места в деревнях Мелётово, Гора Каменка и других.

Администрация и жители Карамышевской волости принимают самое активное участие в решении вопросов по сохранению и воссозданию памятников историко-культурного наследия, развитию духовности, благоустройству территории своей волости. По их инициативе и во многом благодаря их непосредственной деятельности, что выражено как личным трудом, так и значительными материальными средствами, сделано многое: построены и два новых храма — во имя Святого Иоанна Кронштадтского в селе Карамышево, центре волости, и во имя Святой Троицы в деревне Большое Загорье, две часовни в деревнях Рыдалы и Тешково. Обустроена территория и обновлены мемориалы в местах захоронения воинов, павших в годы Великой Отечественной войны. Расчищен и благоустроен усадебный парк в деревне Zubovo — бывшем имении предводителя псковского дворянства камергера Модеста Модестовича Карамышева, в честь которого в конце XIX в. была названа одна из 16-ти вновь построенных станций железнодорожной дороги Псков — Бологое, ставшая со временем селом, а ныне — центром волости. Отремонтировано и переоснащено здание бывшей детской библиотеки в селе Карамышево, в котором в 2015 г. создан первый среди сельских поселений Псковщины Культурно-просветительский и историко-краеведческий центр — координатор и инициатор многих уже проведённых гражданских культурно-просветительских инициатив и мероприятий.

Достойной оценкой деятельности Центра как координатора разноплановых мероприятий, в 2016 г. стало первое место Карамышевской волости в областном конкурсе «Лучшее поселение Псковской области» в номинации «*Территория культуры*».

План работы Центра согласован с деловыми партнёрами: председателем Псковского отделения Союза писателей России И. А. Смолькиным, председателем РО ООО «Союз пенсионеров России по Псковской области» Е. А. Косенковой и другими.

С февраля 2015 г. по сегодняшний день проведён целый ряд интересных просветительских мероприятий для всех возрастных групп, различных по содержанию и по форме: литературно-музыкальные вечера, мастер-классы, выступления фольклорных коллективов, слайд-лекции, презентации краеведческого и исторического альманаха «Карамыш» доцентом Санкт-Петербургского государственного университета, потомком рода Карамышевых — Олегом Михайловичем Карамы-

шевым и главным редактором издательства «Старая Басманная» Андреем Александровичем Шумковым и др.

Село Карамышево находится на расстоянии 25 км от Пскова по федеральной трассе Псков — Великий Новгород. Имеется регулярное автобусное и железнодорожное сообщение (поезд Псков — Москва проходит через Карамышево).

Проведена разработка и продвижение на псковском и российском рынках туристских услуг нового формата («Карамышевские уроки») для разновозрастных целевых групп с опорой на историко-культурное наследие на территории Карамышевской волости Псковского района Псковской области.

Однако не все задачи по сохранению, содержанию в надлежащем виде памятников историко-культурного наследия и их эффективному продвижению волость способна решить самостоятельно, что обусловлено недостаточностью финансовой и организационной поддержки туристской деятельности со стороны региональной власти.

Среди первоочередных шагов — придание деятельности Карамышевского Центра, до настоящего времени работающего на общественных началах, официального статуса.

В июле 2018 г. один из соруководителей фонда «Наши новые времена» А. Б. Райхрудель из федеральной земли Баден-Вюртемберг был с рабочей поездкой в Санкт-Петербурге и Псковской области. Этот фонд известен успешными проектами просветительской направленности как в Германии, так и в России, реализуемых на основе народной дипломатии [2].

Как известно, федеральная земля Баден-Вюртемберг имеет наиболее тесные династические связи с историей дома Романовых и обладает уникальным успешным опытом в привлечении туристов к себе. К примеру, более пяти миллионов туристов со всего мира посещают Штутгарт и его окраины во время праздника «Фольксфест» (за три недели в октябре). Эта новая традиция, созданная всего за последние несколько лет Департаментом туризма Штутгарта, стала уникальной для всей Европы.

Использование данного опыта федеральной земли Баден-Вюртемберг с учётом сложившихся российских традиций может стать определённым катализатором для разработки уникального туристского продукта на территории муниципального образования «Карамышевская волость» Псковской области и продвижения на европейском уровне туризма Псковского региона.

Проект установления социального партнёрства между муниципальным образованием «Карамышевская волость» и муниципальным

образованием Федеральной земли Баден-Вюртемберг обсуждался и получил одобрение жителей волости на круглом столе 24 июля 2018 г.

Эти идеи получили развитие в ходе интернет-конференции между соруководителем Фонда и Главой Карамышевской волости Т. Е. Павловой, Главой Псковского района Н. А. Фёдоровой 27 сентября 2018 г.

В Протоколе о намерениях были сформулированы основные направления социального сотрудничества:

- создание Интернет-портала для продвижения туристского потенциала Псковской земли;

- создание интерактивного тематического парка на территории Карамышевской волости с использованием элементов событийных туристских мероприятий (из опыта федеральной земли Баден-Вюртемберг);

- использование немецкого опыта хлебопекарного производства на базе Карамышевского хлебозавода (вюртембергские булочки) как нового бренда в Псковском регионе.

- разработка, апробирование, проведение экскурсий по обобщающей тематике «Карамышевские уроки», в т. ч. в рамках Всероссийского Императорского маршрута, по православной теме, ганзейской теме и др.

Информационно-организационные мероприятия для продвижения российско-германского проекта социального сотрудничества на октябрь-декабрь 2018 г.:

- размещение информации о проекте в российских и немецких СМИ;

- разработка Дорожной карты проектной идеи (по планированию этапов, объёмов финансирования проекта);

- формирование Попечительского совета для реализации проекта в составе представителей волостной, районной и региональной власти, бизнеса, Торгово-промышленной палаты Псковской области, членов инициативной группы, СМИ;

- образование юридического лица «Карамыш-тур» на базе Информационно-туристического центра села Карамышево (ул. Советская, д. 18) как оператора по реализации направлений социального сотрудничества;

- организация рабочей поездки членов Попечительского совета в г. Штутгарт (ФРГ) в декабре для изучения опыта деятельности муниципальных образований федеральной земли Баден-Вюртемберг (ФРГ) и подписания Соглашения о социальном сотрудничестве.

Предлагаемый пилотный международный проект в таком территориальном формате для Псковского региона может стать эффективным катализатором для разработки уникального туристского продукта на территории муниципального образования «Карамышевская волость» и продвижения на европейском уровне туризма Псковской области, что потенциально будет иметь положительный эффект для культурного и социально-экономического развития как для муниципального образования «Карамышевская волость», так и для Псковского региона в целом. Данный подход отвечает современным тенденциям заявленной государственной политике в сфере туризма [1].

Литература

1. Всероссийская конференция «Вовлечение памятников исторического и духовного наследия России в туристский оборот-ресурс развития экономики регионов». [Электронный ресурс]: URL: <http://rosrestore.livejournal.com/395934.html> (дата обращения: 05.10. 2018).

2. Фонд «Наши новые времена». Федеральная земля Баден-Вюртемберг». [Электронный ресурс]: URL: <https://www.unz-ev.de/> (дата обращения: 18.10.2018).

3. IV Международная конференция «Популяризация культурно-исторического наследия и развитие туризма» (г. Псков, 11–15 октября 2018 г.). [Электронный ресурс]: URL: <http://pskoviana.ru/anonsy/3445-iv-mezhdunarodnaya-konferentsiya-populyarizatsiya-kulturnogo-i-istoricheskogo-naslediya-i-razvitie-turizma> (дата обращения: 20.10. 2018).

ПРИРОДНОЕ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ТУРИЗМ

УДК 908

И. М. Андреева

Псковская областная универсальная
научная библиотека, г. Псков, Россия.

E-mail: aim22@mail.ru

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ В 1920-Е ГОДЫ (ПО СТРАНИЦАМ СБОРНИКА «ПОЗНАЙ СВОЙ КРАЙ!»)

В статье рассказывается о разносторонней деятельности Псковского губернского общества краеведения (образовано в 1921 г.), отражённой на страницах сборника «Познай свой край!». Однако акцент сделан на его естественнонаучной работе, важной тогда и не менее актуальной сейчас, — бережном отношении к лесу, природе.

Ключевые слова: флора, фауна, ихтиологические и промысловые исследования, фенологические наблюдения, торфяные болота.

В фонде Регионального центра по работе с редкими и ценными документами Псковской областной универсальной научной библиотеки хранятся четыре выпуска трудов «Познай свой край!», изданные Псковским обществом краеведения в 1924–1929 гг.

Организаторами и активными членами Общества, начавшего свою деятельность в конце 1921 г., являлись преподаватели Псковского института народного образования, что и определило характер его будущей деятельности. В 1923 г. Общество слилось с хорошо известным Псковским археологическим обществом и отделением Русского общества любителей мироведения. Главной задачей своей деятельности члены Псковского общества краеведения считали «изучение современного положения Псковского края — его природы, производительных сил, социальных и культурных особенностей», а «выпуск трудов Псковского Общества Краеведения является первым литературным выражением той работы, которую ведёт Общество» [1, с. 3].

Первый выпуск сборника Псковского общества краеведения вышел в 1924 г. тиражом 1000 экз. и содержал четыре раздела: естественно-исторический, социально-экономический, педагогический, общий. Естественнонаучного раздела в этом сборнике не было, но на две статьи стоит обратить внимание.

В работе «Школа и Общество Краеведения» [1, с. 53–58] ректор Псковского ИНО, первый председатель Общества **Виктор Ксавериевич Гринкевич** размышляет о том, что краеведение в школе имеет не только воспитательное значение, но является одним из наиболее обещающих приёмов научного изучения Псковской губернии. Более того, школам предлагается отсылать результаты своих краеведческих работ с указанием их точности и достоверности в Псковское общество краеведения. Так, в частности, учащимся рекомендуется на практике изучать естественные условия: распределение земли по угодьям, рельеф местности, качество воды в водоёмах, местные почвы, полевые, огородные и оранжерейные культуры, древесные породы, водные растения, лес и луг как сообщества, животный мир, домашний скот, недра, погоду и климат, а «метеорологические наблюдения должны проводиться систематически и отвечать элементарным требованиям научности». Интересно, что в число двенадцати видов труда, рекомендуемых для изучения школьникам-краеведам, помимо земледелия, животноводства, пчеловодства, кустарных промыслов, собирания ягод и грибов и некоторых других, автор включает контрабанду и самогон!

Также ученикам, согласно рекомендациям **А. Семёнова**, автора статьи «**Лён, как краеведческая тема для проработки в школе**» [1, с. 59], предлагается начать обследование фабрики «Шпагат» и маслобойного завода: изучить производство, условия работы, быта, отдыха, деятельности партийных организаций, ячеек РКСМ.

Второй выпуск увидел свет в 1925 г. и, в отличие от первого, имел естественноисторический отдел. Сборник вышел после II Всесоюзной конференции в Москве в «декабре 1924 года, на которой все краеведческие организации... наметили определённую цель: изучение производительных сил страны. В этом направлении Псковское Общество твердо стало развивать свою деятельность. Вып. II сборника "Познай свой край!" уже выгодно отличается от Вып. I, т. к. даёт материал действительно краеведческий и практически полезный», — пишет в статье «Исторический обзор изучения Псковского края», опубликованной в третьем выпуске, заведующий Псковским губмузеем, преподаватель Псковского ИНО Август Карлович Янсон [3, с. 67].

Уделим особое внимание второму сборнику и обозначим основные направления деятельности псковских учёных-краеведов по выявлению и рациональному использованию природных богатств: это обследование водных бассейнов, лесов и торфяников, лесоразведение и экономическое значение рыбного хозяйства Псковского края.

В заглавии открывающей второй сборник статьи геолога, географа, профессора Псковского ИНО **Алексея Ивановича Дзенс-**

Литовского, которую вполне можно определить как программную, как раз и сформулирована основополагающая задача, стоявшая перед членами общества, — «**Охрана природы нашего края**» [2, с. 5–9].

На фоне ухудшения состояния окружающей среды читатель, совершая экскурс в прошлое, узнавал массу занимательных вещей из разных источников о взаимодействии человека средневековья с природой, когда «птиц и зверей было такое обилие, что существовали предания, как бабы били соболей коромыслами» [2, с. 5]. «Ещё недавно в Талабском озере ловились сомы и попадались озёрные тюлени — их уже нет... Если и мы будем хозяйничать так же, то многих редких растений и животных, птиц и рыб, которые ещё встречаются в крае, не станет... Наш нравственный долг сохранить для будущих поколений и науки образцы природы своего края», — призывает автор [2, с. 6], ратуя за сохранение природных богатств в их естественной обстановке и полагая, что для «достижения защиты природы от невежества широких масс населения главная роль должна принадлежать... обществам изучения края... Нужна агитация, пропаганда, популяризация», но производиться она должна «с осторожностью, т. к. несвоевременное опубликование местонахождения редкого объекта природы может повлечь за собою, вместо сохранения, истребление редкостей» [2, с. 8].

«**К познанию рыбного хозяйства в озёрах Псковского края**» призывает читателей **П. И. Ремизов** [2, с. 9–22]. Определяя природу озёр, их эволюцию и вымирание, он ставит себе задачу — «ввести товарищей краеведов в ту область... причинностей и зависимостей, в которой желающие сделать что-либо на пользу края могут уяснить себе сущность и значение величин, называемых озерами Псковской губ.» [2, с. 10]. «В пределах современной Псковской губ., — пишет автор, — имеется налицо: часть Псковского озера государственного значения с озёрной площадью в 28812 десятин и свыше 2400 озёр местного значения, занимающих... около 115000 десятин. В первом вылавливается ежегодно до 250000 пуд., а в остальных свыше 300000 пуд. разной рыбы» [2, с. 9].

Круговорот жизни в озере, строение и изменение почвы и воды, образ жизни, питание и темп роста рыб, закон Минимума, определяющий качественный и численный состав ихтиофауны, — вот круг проблем, которые автор поднимает в своей статье в надежде обследования озёр и оценки их «в качестве рыбных ловель, — всё с точки зрения интенсивного и рационального рыбного хозяйства» [2, с. 22].

Естественноисторический очерк «**Краеведческое обследование юго-восточного побережья Псковского озера**» на основе обработки материалов по географии, систематике и экологии растений, геологии

и почвоведению, собранных слушателями ПИНО в 1921–1924 гг., публикует **Н. А. Кузнецова-Молявко** [2, с. 23–32], подавая информацию в виде дневника путешественника, приводя занимательные бытовые зарисовки, сопровождая результаты исследований практическими выводами. Так, в разделе «Торфяник» автор не только описывает его границы, рельеф, историю и даёт схему залегания, но и рисует такую картину: в начале июня «одинокое стоит в нескольких метрах от берега посреди воды сарай. Чья-то лодка остановилась над лугом. Мужик косит под водою, баба вытаскивает граблями всплывшую траву на лодку. Скот кормить надо» [2, с. 24]. Повествует автор и о редкой находке в торфяниках Псковской губернии — шишке ископаемой лиственницы [2, с. 26].

Автора волнует размывание слоистых песков Талабских островов, текущих к подножию острова и влекущих за собой гибель деревьев, образование дюн юго-восточного побережья (вследствие массового уничтожения растительности лесными пожарами) и — как следствие, во избежание засыпания пашен — необходимость облесения песков и закрепления их травянистой растительностью [2, с. 28–31].

Председатель правления Псковского общества краеведения **Лев Григорьевич Гершанович** публикует очерк «**Леса реки Ловать и их экономическое значение**» [2, с. 33–45], снабжая его большой цветной картой лесничеств бассейна реки Ловати Псковской губернии. Посвящая своё исследование лесохозяйственному значению Псковской части Ловатской зоны, автор приводит данные различных исторических исследований с большим количеством цифр и фактов, обозначая потребность различных населённых пунктов в лесных материалах, объёмы его отпуска из зоны, характеристики и цены.

Беспокойство автора вызывают тысячи кубов заготовленных в 1923–1924 гг. дров и брёвен по берегам рек Ловати, Куньи, Большого и Малого Тудера, которые реализуются с большими убытками из-за высоких расходов по сплаву, увеличивая засорённость насаждений сухостоем и способствуя росту заболоченности лесов. Неотложной задачей автор считает удешевление сплава и привлечение госпромышленности, приводит примерный подсчёт доходов от углубления русла реки Ловати и восстановления судоходства, от мелиорации её заболоченной поймы и восстановления культурных земель.

«**Лесоразведению и лесовозобновлению**» посвящает свою статью служащий Псковского губернского лесоохранительного комитета **Михаил Владимирович Соловьевич** [2, с. 46–52]. Начав с рассуждений о распространении лесов по планете и приведя описания некоторых уникальных экземпляров деревьев (например, срубленного в быв-

шей Ковенской губернии в 1812 г. громадного дуба, в дупле которого за столом могли расположиться 12 человек, а затем в пне его гр. Пашкевич устроил музей старины [2, с. 46]), автор обращается к проблемам возобновления лесов. Приводя цифры по количеству посевов и посадок, денежным расходам, он предлагает сравнить современные показатели с дореволюционными и помнить, что лес — это тоже живое сообщество, которое надо беречь от бесцельного истребления.

Вниманию специалистов в этом выпуске предназначалась небольшая **«Заметка о стрекозах Псковской губернии»** профессора **Ю. М. Колосова** [2, с. 53] — список, составленный на основании материала, собранного автором в 1907 г. в местечке Быстрецово.

Третий выпуск сборника появился с опозданием, в 1927 г., под знаком Первого губернского съезда краеведов, и тираж его сократился до 700 экз. из-за политики государства по экономии бумаги. Как указано в открывающей сборник заметке **«Пути псковского краеведения»**, подписанной **А. Я.** (отв. редактором **Августом Карловичем Янсоном**), «в подборе материала главную роль играла директива съезда: быть строго научными, но вместе с тем и общедоступными, а также преследовать чисто практические задачи хозяйственного строительства и краеведческой методики» [3, с. 3].

Обратимся к сборнику: две статьи в нём действительно посвящены чрезвычайно актуальной хозяйственной проблеме — запасам топлива. Это **«Изучение запасов "белого угля" и водоёмов, как рыболовственных угодий»** нового председателя Общества краеведения, сотрудника Окрплана **А. Сомова** [3, с. 20–23], — об использовании водной энергии с помощью гидроустановок в связи с наличием рыболовственных угодий, а также **«Запасы торфа в Псковской губернии» Ф. Островского** [3, с. 78–82] — о цифровых показателях обследования торфяных болот, содержащих 96 % общих запасов топлива в губернии (250 млн т). Оба автора предлагают краеведам поставить себе задачей оказание помощи в обследовании этих угодий для целей индустриализации сельского хозяйства: проведение водомерных работ по исчислению мощности будущих гидроустановок, ихтиологических и промысловых исследований, сбор сведений о торфяных болотах.

В помощь краеведам (согласно директивам съезда) **П. Курский** публикует работу **«К методике краеведческого исследования»** [3, с. 10–17] — рекомендации по изучению торфяного болота, вплоть до сбора образцов растительности, измерения глубины торфяного слоя и описания свойств торфяной массы. «В краеведении участвуют все: и рабочий с фабрики, и крестьянин из деревни», — приводит он слова зав. Главнауки Ф. Н. Петрова [3, с. 11].

Краеведам также предлагается «**Краткая схема наблюдений над полезной и вредной деятельностью насекомых, животных, птиц и грибов в сельском и лесном хозяйствах губернии**» С. Волкова [3, с. 18–20] и «**Краткая инструкция к простейшим, преимущественно, неинструментальным, метеорологическим наблюдениям**» (с таблицей условных знаков для записи явлений) А. Сомова [3, с. 23–30].

Кстати, хочется отметить, что в фонде редких книг в составе личного собрания Почётного члена Общества, специалиста по изучению памятников древнерусской архитектуры, искусства русского Средневековья и русской материальной культуры, исследователя псковского зодчества и старины, профессора Константина Константиновича Романова (1882–1942) хранится экземпляр третьего выпуска сборника со штемпелем «Общество Изучения Псковского Края» и с автографом ответственного редактора этого выпуска Августа Карловича Янсона (1885–1931).

Четвертый выпуск сборника (как оказалось, последний) вышел в 1929 г. тиражом 1054 экз., в нём также преобладали материалы естественнонаучной направленности.

Издание откликнулось на трагическую гибель великого полярного исследователя Руала Амундсена: сборник открыла статья-некролог А. Сомова «**Герой-учёный**» [4, с. 3–4], были опубликованы методики по **краеведческой работе сельской школы**, разработанные Д. Андреевым, М. Столяровым, А. Семёновым [4, с. 120–135], две статьи снова посвящались проблемам использования водных и лесных ресурсов, уже в свете индустриализации народного хозяйства.

Автор сообщения «**Водная энергия в Псковском округе**» Ф. Островский [4, с. 1–11], приводя цифровые данные обследования гидроустановок бассейнов рек Великой и Шелони, в основном, обслуживающих мукомольные и связанные с ними производства, указывает на экономические выгоды и технические удобства использования водной энергии для обслуживания сельского хозяйства.

В насыщенной разнообразным фактическим и цифровым материалом статье «**Леса Псковской губернии**» [4, с. 12–25], автор М. Соловьевич, определяя лес как результат взаимодействия климата, почвы, растительности и фауны данного места произрастания, предлагает каждому краеведу в той или иной мере наблюдать и изучать леса своей местности и даёт некоторые сведения о них, заимствованные из годового отчёта Псковского губернского лесного отдела за 1926/27 гг.

Также хочется отметить серьёзное и в то же время довольно любопытное — с рисунками, таблицами, схемами, с историей культиви-

рования и картой районирования — исследование агронома **В. Лоле «Вышегородская кормовая брюква»** [4, с. 26–34].

В заключение нельзя не упомянуть о нескольких публикациях псковского учителя, биолога, краеведа, заведующего Естественно-историческим музеем (1919–1936) **Смарагда Михайловича Чистовского (1866–1936)**, помещённых во II, III и IV выпусках сборника. «Вся жизнь этого человека — педагога и музейного работника — была посвящена изучению фауны и флоры Псковского края, природных явлений, естественно-историческому музею и пропаганде знаний в широких массах» [5, с. 28]. Сохранился его графический портрет работы художника **Ивана Николаевича Ларионова (1892–1981)**, директора Псковского музея (1955–1963), автора научно-популярных трудов по истории и культуре Пскова.

Во втором выпуске С. М. Чистовский публикует небольшую заметку **«Краеведческий музей г. Пскова»** [2, с. 97–98] с целью призвания на помощь музею «всех тех, кто дорожит расширением этого научного учреждения, группирующего все материалы для совершенного изучения края».

Рис. 1. Первые три выпуска «Познай свой край!»
(в третьем выпуске — дарственная подпись К. К. Романову)

В третьем выпуске он печатает уникальное исследование **«Птицы Псковской губернии»**: четыре списка птиц — имеющихся в коллекции музея, отсутствующих в ней, промысловых (охотничьих), а также вредных и полезных для хозяйства [3, с. 82–101]. Автор приводит сведения о прилёте, отлёте и распространении видов птиц, находящихся в музее. Так, например, читатель может узнать, что грач — это

самый ранний прилётный вид, прилетает около 22 марта, отлетает в октябре, когда кончается сезон листопада, а вот прилёт кукушки бывает в конце апреля, отлёт — в конце сентября. Давая советы охотникам, автор помещает подробные описания промысловых птиц.

В четвёртом выпуске С. М. Чистовский публикует «**Список жесткокрылых (жуков) Псковского и Великолуцкого округов**», составленный в соответствии с образцами из коллекции, собранной автором, и как результат обследований территории любителями природы (926 наименований, с пояснениями по многим видам) [4, с. 89–112].

Рис. 2. Четвёртый выпуск «Познай свой край!»
и портрет С. М. Чистовского

Необычайно полезными С. М. Чистовский считал фенологические наблюдения, т. к. они «дают возможность более точно предугадать ход жизни природы данной местности, а это имеет громадное в сельском хозяйстве практическое значение» [2, с. 55]. Читатель же мог сравнить данные наблюдений над явлениями природы, проведёнными автором и привлечёнными им краеведами в Пскове, Опочке и других населённых пунктах губернии в 1925, 1926 и 1927 гг., заглянув в дневник и таблицы на страницах «**Фенологических наблюдений**» [2, с. 54–55; 3, с. 102–108; 4, с. 112–119].

Вскрытие реки Великой — 3.V.25 и 17–18.IV.26. Появление в Пскове мух — 6.IV.26 и 13.III.27; комаров-толкунов — 15.IV.26 и ко-

маров-кусак — 7.V.27 (в Опочке); лягушек — 8.IV.25 и 22.III.27. Первая гроза — 22.IV.26 и 20.V.27. Зацветание черёмухи — 21.V.26 и 30.V.27; сирени — 27.V.26 и сирени лиловой — 12.VI.27... Хочется думать, что эти и другие сведения не утратили научной, практической, просветительской значимости и сегодня, а интерес они представляют немалый.

Таким образом, мы видим, что работа Общества краеведения действительно имела социально-экономический и природоохранный уклон. Сопоставляя всё это с сегодняшним днём, лишний раз убеждаешься, что проблемы охраны природы не утратили своей актуальности и через сто лет!

В заключение стоит сказать о библиографической редкости сборников Псковского общества краеведения «Познай свой край!». А она несомненна, ведь ценность публикаций велика, а количество сохранившихся экземпляров единично, поэтому издание можно смело отнести к книжным памятникам регионального значения.

Литература

1. Познай свой край!: сб. Псков. о-ва краеведения. Вып. 1 / Ред. Н. А. Рожков. Псков: Издание Псковского общества краеведения, 1924. 78 с.

2. Познай свой край!: сб. Псков. о-ва краеведения. Вып. 2. Псков: Издание Псковского общества краеведения, 1925. 109 с. Сост. прил.: Псков в поэзии: сб. произв., библиогр. указ., пример. программы и темы краевед. вечеров / Сост. В. Я. Разлетовский, К. А. Иеропольский.

3. Познай свой край!: сб. Псков. о-ва краеведения: с видами Пскова. Вып. 3 / Отв. ред. А. К. Янсон. Псков: Издание Псковского общества краеведения, 1927. 136 с.

4. Познай свой край: сб. Псков. о-ва краеведения. Вып. 4 / Редкол.: К. Иеропольский, П. Курский, А. Сомов, М. Столяров, А. Янсон. Псков: Издание Псковского общества краеведения, 1929. 164 с.

5. *Гладкий А. К.* Краткий очерк истории возникновения и деятельности Псковского Общества Краеведения // Познай свой край! Вып. 1. 1924. С. 65–71.

6. *Филимонов А. В.* Естественно-исторический музей в Пскове и краеведческая деятельность С. М. Чистовского // Псков: науч.-практ., ист.-краев. журн. Псков: ПГПИ. 2004. № 20. С. 28–36.

7. *Филимонов А. В.* Псковское краеведение в 1920–1930-е гг. Псков: ПГПИ, 2004. С. 1–71.

А. И. Слинчак
Псковский государственный университет, Россия.
E-mail: slinchack_53@mail.ru

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В. К. ЛЕСНЕНКО В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье представлен материал о краеведческих исследованиях профессора кафедры географии Псковского государственного университета Виктора Климентьевича Лесненко (1928–2010), рассматриваются его творческое наследие, наиболее значимые публикации и научные достижения.

Ключевые слова: В. К. Лесненко, краеведческие исследования, озёра Псковской области.

«Истинным украшением природы Псковщины являются озёра, так щедро рассыпанные на этой древней земле. Чего стоит только один Псковско-Чудской водоём, один из крупнейших в Европе, настоящее чудо России! Озёра большие и маленькие, затерянные в лесной глухомани и поднявшиеся на высоту, с которой легко обозреваются окрестности, — словно драгоценные камни лазурита, оправлены они в тёмную и светлую зелень хвойных и лиственных лесов».

*В. К. Лесненко
Псковские озёра, 1988.*

Виктор Климентьевич Лесненко родился 12 сентября 1928 г. на хуторе Богоносово Россошанского района Воронежской области, на Слобожанщине. В трудные военные годы, после освобождения территории области от фашистской оккупации, будучи подростком, он работал сцепщиком вагонов и стрелочником на железнодорожной станции Россошь. После окончания Россошанского педагогического училища (1950 г.), Воронежского государственного педагогического института (1954 г.) и аспирантуры при кафедре общей и физической географии того же института (1957 г.) он несколько лет работал преподавателем на естественно-географическом факультете в Комсомольском-на-Амуре педагогическом институте (1958–1961 гг.). В 1960 г. в Псковском государственном педагогическом институте началась подготовка учителей по специальности география-история. С 1961 г. В. К. Лесненко

работает в ПГПИ (с 2010 г. — в Псковском государственном университете) старшим преподавателем кафедры истории (1961–1963 гг.), затем деканом естественно-географического факультета (1963–1970 гг.), проректором по научной работе (1970–1990 гг.), заведующим кафедрой географии (1990–1994 гг.), профессором кафедры географии (1994–2010 гг.), в создании которой он принимал непосредственное участие.

Рис. 1. Виктор Климентьевич Лесненко, профессор кафедры географии Псковского государственного университета (12.09.1928–09.04.2010)

Будучи специалистом высокой квалификации, творчески работающим преподавателем вуза, В. К. Лесненко в разные годы вёл лекционные курсы по «Общему землеведению», «Землеведению и краеведению», «Биогеографии», «Космическому землеведению», «Географии Псковской области», руководил полевыми практиками студентов, научно-исследовательской работой студентов и аспирантов.

Большой педагогический опыт и высокая научная эрудиция способствовали тому, что В. К. Лесненко в течение многих лет состоял членом методического Совета по географии Министерства просвеще-

ния РФ, принимал участие в подготовке учебно-методических пособий и учебных программ для педагогических институтов страны [8].

Сфера научных интересов В. К. Лесненко — проблема происхождения и эволюции озёр области Валдайского оледенения, в результате исследования которой он опубликовал более 150 научных работ. Он является автором ряда известных книг: «Озёра Псковской области» (Псков, 1973), «Природные ресурсы озёр РСФСР и их использование» (Москва, 1984), «Псковские озёра» (Ленинград, 1988), «Мир озёр» (Москва, 1989), «Природные ресурсы Псковской области, их рациональное использование» (Псков, 2002) и др. Под его руководством дважды издавалось первое в регионе учебное пособие «География Псковской области» (Ленинград, 1966, 1974). Он является автором ряда разделов учебного пособия для студентов-географов педагогических вузов «Методы физико-географических исследований» (Москва, 1979, 1981), учебных программ для пединститутов (Сборник № 22) «Полевые практики по географическим дисциплинам» для специальности 2107 (Москва, 1985) и др.

В своих научных трудах В. К. Лесненко особое внимание уделял проблемам охраны природы Псковской области. Исследуя ресурсы поверхностных вод региона, он акцентировал внимание на негативных факторах, пагубно влияющих на их состояние. В своих многочисленных публикациях он регулярно освещал вопросы мониторинга особо охраняемых территорий и региональных памятников природы. Для устранения негативных последствий он предлагал ряд конкретных мер в сфере природоохранной деятельности и рационального природопользования. Во многом благодаря его усилиям на территории Псковской области было взято под охрану 22 озера и 199 болотных угодий. В своих работах он рассматривал ресурсы поверхностных вод не только как источник водоснабжения различных отраслей хозяйства, но и как ценные объекты для организации рекреационной деятельности [2; 4].

Книга В. К. Лесненко «Мир озёр», опубликованная центральным издательством «Просвещение» в 1989 г., адресована учащимся средних и старших классов школ. В ней автор ярко и увлекательно описывает наиболее интересные озёра земного шара, рассказывает о распространении, происхождении, жизни и ресурсах озёр [6].

Книга «Озёра Псковской области» (Псков, 1973) является пособием по краеведению, адресована студентам естественно-географических факультетов, учителям географии и биологии. Книга написана в соавторстве с В. Н. Абросовым и знакомит читателей с многообразием природы озёр, богатством их природных ресурсов, перспективами их использования в народном хозяйстве Псковской области [1].

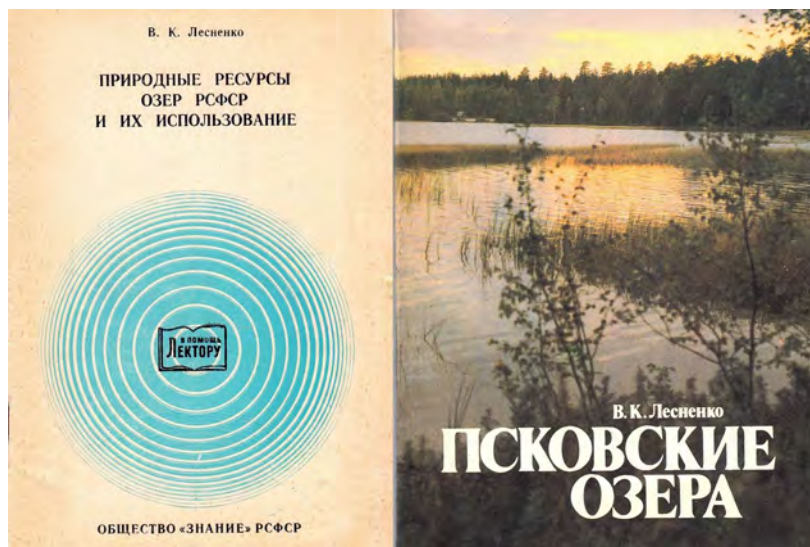
Рис. 2. Книга В. К. Лесненко «Мир озёр» знакомит читателей со своеобразными природными комплексами суши — озёрами; книга «Озёра Псковской области» является пособием по краеведению, предназначенна студентам естественно-научных специальностей, учителям географии и биологии

В своей книге «Природные ресурсы озёр РСФСР и их использование», изданной в Москве обществом «Знание» Российской Федерации, В. К. Лесненко предлагает обширный материал по озёрам РСФСР, показывает их значение в экономике страны, народном хозяйстве [3].

В 1988 г. в «Лениздате» вышла книга В. К. Лесненко «Псковские озёра», позволившая читателям совершить виртуальное путешествие по самым примечательным озёрам Псковщины в разных природных ландшафтах, получить сведения об ихтиофауне, населяющей многочисленные озёра, познакомиться с историческими и культурными памятниками, богатым рекреационным потенциалом Псковских озёр [5].

В 2002 г. вышла в свет книга В. К. Лесненко «Природные ресурсы Псковской области, их рациональное использование». Издание подготовлено как учебное пособие для студентов естественно-географического факультета, учителей географии и биологии. Однако материал книги носит ярко выраженный краеведческий характер и представляет

интерес как для краеведов, так и для экологов, служащих администрации районов и области [7].

Рис. 3. Книга «Природные ресурсы озёр РСФСР и их использование» внесла существенный вклад в дело пропаганды охраны природы нашей страны; книга «Псковские озёра», опубликованная в «Лениздате» в 1988 г., носит краеведческий характер и позволяет читателю окунуться в таинственный мир псковских озёр

В. К. Лесненко руководил и принимал непосредственное участие в многочисленных научных экспедициях по исследованию озёр и болотных угодий Псковской области. К работе в экспедициях он привлекал молодых исследователей, своих учеников — студентов-географов Псковского государственного пединститута (позднее — университета).

В. К. Лесненко всегда занимал активную жизненную позицию — увлеченно участвовал в жизни вуза, города, области. Он неоднократно избирался в состав руководящих органов областных общественных организаций — председателем областного общества «Знание», членом правления общества «Знание» РФ, заместителем председателя Псковского регионального отделения Русского географического общества. В 1968 г. он был одним из инициаторов создания на базе кафедры географии Псковского государственного пединститута регио-

нального отделения РГО. В. К. Лесненко отличался высокой требовательностью к себе и окружающим его людям, принципиальностью, большой ответственностью за порученное дело. Своим творческим энтузиазмом он увлекал окружающих его друзей, коллег и учеников.

В. К. Лесненко был награждён медалями «За доблестный самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны» и «50 лет Победы в Великой Отечественной войне». За добросовестное отношение и успехи в работе он был отмечен званиями «Заслуженный работник Высшей школы», «Отличник народного просвещения», знаком Министерства Просвещения СССР «За отличные успехи в работе», а в 2007 г. он был награждён вузовской медалью «За вклад в развитие университета».

Литература

1. *Лесненко В. К., Аброров В. Н.* Озёра Псковской области. Псков: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973. 154 с.

2. *Лесненко В. К.* Вопросы охраны поверхностных вод Псковской области // Памятники природы Псковской области и их охрана: (краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции). Псков: Псковский пединститут им. С. М. Кирова, 1979. С. 14–16.

3. *Лесненко В. К.* Природные ресурсы озёр РСФСР и их использование. М.: Общество «Знание» РСФСР, 1984. 40 с.

4. *Лесненко В. К.* Вопросы контроля охраняемых памятников природы Псковской области//Памятники природы и охраняемые территории Псковской и смежных областей: (Краткие тезисы к предстоящей научно-практической конференции). Псков: Псковский пединститут им. С. М. Кирова, 1988. С. 4.

5. *Лесненко В. К.* Псковские озёра. Ленинград: Лениздат, 1988. 112 с.

6. *Лесненко В. К.* Мир озёр. М.: Просвещение, 1989. 158 с.

7. *Лесненко В. К.* Природные ресурсы Псковской области, их рациональное использование. Учебное пособие. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2002. 136 с.

8. *Слинчак А. И.* Лесненко Виктор Климентьевич: памяти Учёного, Учителя, Человека // Псковский регионологический журнал. 2010. № 10. С.155–156.

ПСКОВИЧИ — ОСНОВАТЕЛИ ИЗВЕСТНЫХ МОРСКИХ ПОРТОВ РОССИИ

В статье рассматривается жизненный путь двух замечательных мореплавателей, уроженцев Псковской земли — капитана I ранга И. Ф. Елагина и вице-адмирала Ф. А. Клокачёва, которые основали в XVIII в. российские города-порты — Петропавловск-Камчатский и Севастополь.

Ключевые слова: капитан I ранга, вице-адмирал, штурман, пакебот, Великая Северная экспедиция, Камчатская экспедиция.

Среди плеяды знаменитых моряков, которых дала России Псковская земля, особое место занимают И. Ф. Елагин и Ф. А. Клокачёв.

Елагин Иван Фомич (1708–1766 гг.) — мореход, штурман мичманского ранга, исследователь Камчатки, основатель города Петропавловск-Камчатский, один из первооткрывателей Северо-Западной Америки.

Иван Елагин родился в 1708 г. (встречаются и другие даты рождения — 1709 г. [6] и 1701 г. [5]) в семье мелкопоместного дворянина Фомы Елагина, владевшего 8 дворами в Псковском уезде. Лишь в 1986 г. благодаря изысканиям историка И.В. Глушанкова стало впервые известно, что Иван Елагин был уроженцем Псковщины [3].

«Основатель» рода — Винцетий Елагони. Род Елагиных разделён на 8 ветвей, внесён в IV, III, II части родословной книги Калужской, Курской, Московской, Псковской, Рязанской, Тульской и других губерний. Герб дворян Елагиных был Высочайше утверждён 1 января 1798 г.

В 1721 г. Иван Елагин был зачислен слушателем Академии морской гвардии в Санкт-Петербурге [6]. Во время учёбы Иван Елагин «за босотою... во учение не ходил и кормился разными работами» [3]. С 1726 г. проходил практику на гребном флоте, до 1729 г. в качестве штурманского ученика плывал на кораблях Кронштадтской эскадры. С 1729 по 1731 г. служил в Астрахани и 20 мая 1730 г. был произведён в подштурманы. В 1731 г. в Санкт-Петербурге вернулся к службе на Кронштадтской эскадре [1, с. 125].

17 апреля 1733 г. И. Ф. Елагин по собственному желанию и по рекомендации А. И. Чирикова записался в его отряд, входивший в состав 2-й Камчатской экспедиции В. Беринга. С конца сентября по начало ноября находился среди других участников экспедиции в Осинской слободе (г. Оса), готовясь к дальнейшему путешествию в Сибирь. В этот же год его произвели в штурманы [1].

29 сентября 1739 г. по приказу Беринга штурман мичманского ранга Иван Фомич Елагин и мичман Василий Андреевич Хметевский на купеческом судне на боте «Святой архангел Гавриил» были отправлены из Охотска в Большерецк промерить глубину в Авачинской губе, определить возможность захода пакетботов экспедиции и «та-кож де подле гавани для обер и унтер-офицеров и других к сей экспедиции принадлежащих людей потребные дома построить» [1]. Таким образом, они выполняли роль авангарда Второй Камчатской экспедиции Беринга, который поручил штурману Елагину описать побережье Камчатки.

16 мая 1740 г. Елагин отправился от устья р. Большой, а 10 июня прибыл в Авачинскую губу, где приступил к описанию губы и строительству складских и жилых помещений. Бот «Св. Гавриил» был первым в истории морским судном, вошедшим в Авачинскую губу. Осмотрев её, Елагин окончательно решил, что новый русский посёлок здесь будет создан в Ниакиной бухте, и сразу же приступил к строительству изб — «хором» и «светлиц» из заранее подготовленного леса. Так стал зарождаться будущий Петропавловск-Камчатский. Именно Иван Фомич Елагин по праву считается его первостроителем. 20 сентября 1740 г. он составил в Ниакиной гавани рапорт и сообщил, что служилыми и местными жителями там были построены «жилых покоев в одной связи пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента». Он доложил также о завершении промеров глубин Авачинской губы, составления карт западного и восточного берегов Камчатки на предполагаемом пути экспедиции.

Выбранное для базы экспедиции место стало основой будущего Петропавловска-Камчатского. 6 октября 1740 г. сюда, в Авачинскую губу прибыли пакетботы «Святой апостол Павел» во главе с А. И. Чириковым и «Святой апостол Пётр» с капитан-командором В. И. Берингом. Эту дату принято считать днём рождения города Петропавловска, хотя по дате основания города до сих пор идут споры [4].

В течение зимы 1739–1740 гг. по берегу и летом 1740 г. на боте Елагин выполнил съёмку около 700 километров побережья полуострова Камчатка, от устья реки Большой до Авачинской губы включительно, произвёл промеры глубины и определил возможность захода в губу

пакетботов экспедиции, нанёс на карту пять прибрежных вулканов, в т. ч. Авачинскую Сопку.

Рис. 1. Авачинская бухта, г. Петропавловск-Камчатский

3 декабря 1741 г. И. Елагин был произведён в мичманы и в 1741–1742 гг. на пакетботе «Святой апостол Павел» под командой А. Чирикова плывал к берегам Северо-Западной Америки. За полтора суток раньше Витуса Беринга они достигли земли, «которую признали без сомнения как часть Америки». В этот период Иван Елагин принимал участие в открытии около 400 километров западного побережья островов Александра, части хребта Святого Ильи и полуострова Кенай, островов Афогнак и Кадьяк, а также четырёх островов Алеутской гряды.

На обратном пути погиб другой штурман (А. М. Дементьев), умерли от цинги два лейтенанта (И. Л. Чихачёв и М. Г. Плаутин), тяжёло болел сам капитан А. И. Чириков, тем не менее, продолжавший постоянно корректировать курс корабля. Несмотря на собственное недомогание, Елагин, единственный державшийся с трудом на ногах офицер, несходно находился на палубе, самостоятельно управляя с ослабшей командой кораблём, благополучно довёл судно до Камчатского полуострова.

В 1742 г. он снова плывал под командой А. И. Чирикова на восток. Во время этого плавания были открыты (вторично после Беринга) Командорские острова [4].

В конце 1742 г. Елагин доставил в Санкт-Петербург рапорт А. Чирикова президенту Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головину — первое в истории описание побережья Северо-Западной Америки.

Чириков писал в Адмиралтейств-коллегию: «...Почитаю оную службу и труды за чрезвычайные и прошу произвести его, Елагина, без баллотирования в лейтенанты», что и было осуществлено в 1743 г. [1].

Карьеру И. Ф. Елагина нельзя назвать блестящей, и, тем не менее, за время пребывания в Великой Северной экспедиции он получил 2 звания — штурмана и затем мичмана, а точнее 3 звания, так как 27 января 1743 г. по ходатайству А. Чирикова он был произведён в лейтенанты. При отсутствии свободной вакансии был оставлен в Санкт-Петербурге и назначен в корабельную команду [1, с. 259–261] с предоставлением отпуска, в котором он не был 20 лет. 6 мая 1743 г. был назначен для прохождения службы на яхту «Елизабет» [1, с. 379].

До 1752 г. Елагин служил на Балтике и в Архангельске [6]. В этот период 5 сентября 1751 г. произведён в капитан-лейтенанты с назначением в галерный флот. 8 декабря 1752 г. назначен советником в Адмиралтейскую контору [1, с. 379], но в связи с болезнью, с 1753 г. обязанности советника выполнять не мог, находился на излечении [1, с. 209]. 20 декабря 1754 г. был командирован в Саратов, где до 1757 г. занимался перевозками соли [6].

18 февраля 1758 г. произведён в капитаны 2 ранга и переведён в корабельный флот [1, с. 470]. 12 декабря 1760 г. Елагин был назначен заведовать штурманской ротой, «который, как к содержанию, так и обучению оной роты служителей по искусству его достоин» [1, с. 599–600]. 10 апреля 1762 г. был произведён в капитаны 1 ранга и назначен командиром Рижского порта [1, с. 665]. Оставался в этой должности до самой смерти. Умер Иван Фомич Елагин 21 марта 1766 г. в Риге.

Клокачёв Федот Алексеевич (1732–1783 гг.) — знаменитый русский адмирал, первый Главнокомандующий Черноморским флотом и портов, один из создателей Черноморского флота и города Севастополя. Будущий адмирал родился 26 (15) марта 1732 г. в небольшом родовом имении отца, которое находилось предположительно в Горжанском стане Великолукского уезда Псковской губернии, в дворянской семье [10, с. 372]. Дворянский род Клокачёвых был внесен в VI часть родословной книги Новгородской, Псковской и Тверской губерний. В 1745 г. Федот Клокачёв в возрасте 13-ти лет поступил в Петербургскую академию морской гвардии, а 10 января 1752 г. (31 декабря 1751 г.) по досрочному выпуску из гардемарин служил в чине мичмана на Балтийском флоте.

В летних кампаниях 1756–1761 гг. (время Семилетней войны) мичман Ф. Клокачёв в составе Кронштадтской эскадры находился в плаваниях на различных кораблях. В этот период его послужной список выглядел следующим образом:

- 1 февраля (21 января) 1758 г. производится в лейтенанты;
- 21 (10) апреля 1762 г. — в капитан-лейтенанты и назначен командовать пакетботом «Курьер»;
- 1 мая (20 апреля) 1764 г. производится в капитаны 2 ранга, а 14 (3) мая этого года Федот назначается командиром линейного корабля «Город Архангельск»;
- летом 1765 г. назначается командиром фрегата «Надежда»;
- 28 (17) апреля 1766 г. был произведён в капитаны 1 ранга и назначен командиром фрегата «Россия» [8].

В 1768 г. принимает командование линейным кораблём «Северный орёл», вошедшего в состав «Архипелагской» эскадры, и уходит в Средиземное море с эскадрой Г. Спиридова. Так он оказался на юге, с которым и был связан остаток его не очень долгой жизни.

С 23 (12) января 1770 г. Ф. Клокачёв назначается командиром корабля «Европа», на котором участвовал в Хиосском и Чесменском сражениях.

Во время Чесменского сражения 26 июня (7 июля) 1770 г. флагманский корабль «Европа» по недоразумению снялся с якоря раньше других судов, в течение получаса корабль один на один сражался с турецким флотом. Во время боя удачным выстрелом удалось поджечь один из неприятельских кораблей. Началась паника, которой воспользовались русские брандеры (суда, наполненные горючими и взрывчатыми веществами), довершившие уничтожение турецкого флота [8].

За Хиосский бой Ф. Клокачёв, первым из морских офицеров, был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени (за мужество и храбрость, проявленную в Чесменском сражении по высочайшему указу от 22 февраля 1773 г.) и орденом Святого Георгия 3-й степени за уничтожение турецкого флота в Чесменской бухте (26 ноября 1775 г. за отличие в Чесменском сражении со старшинством с 26 июня 1770 г.).

В последующие годы (1772–1774 гг.) Федот Алексеевич командовал различными кораблями («Святой Андрей», «Исидор», «Иезекииль») и эскадрами на Балтике [10].

8 июля 1776 г. Ф. Клокачёв становится капитаном генерал-майорского ранга, а 11 июля этого же года его производят в контр-адмиральский чин и 19 июля 1776 г. назначен командующим Азовской флотилией вместо её создателя, адмирала А.Н. Сенявина.

В 1776–1779 гг. Ф. Клокачёв курирует боевую подготовку и крейсерскую службу флотилии у южных берегов Крыма, а также руководит строительством в Приазовье верфей, судов и портов. В это время в Азовской флотилии насчитывалось 28 военных и 18 транспорт-

ных судов, базирующихся на Керчь, Кафу (Феодосия) и Таганрог.

13 февраля 1780 г. уходит в 2-х годичный отпуск с сохранением жалования для госпитального лечения и восстановления подорванного здоровья, который ему предоставила Екатерина II, и проживает в своём имении в Великолукском уезде [10].

17 мая 1782 г. Ф. Клокачёва причисляют ко 2-й флотской дивизии и определяют в «присутствие» в Адмиралтейств-коллегию, а 28 июня этого же года Екатерина II производит его в вице-адмиралы и назначает членом Коллегии.

11 января 1783 г. Указом императрицы Екатерины II Ф. А. Клокачёв назначается командующим флотом, заводимым на Чёрном и Азовском морях с подчинением князю Г. А. Потёмкину.

2 мая 1783 г. отряд судов, включающих 5 фрегатов, 2 донских корабля, 3 вооружённые шхуны, палубный бот под его командованием благополучно прибыл в бухту, недалеко от которой располагалась татарская деревня Ахтиар, чем и положил начало Севастопольского порта. День 13 мая считается датой создания Черноморского флота Российской империи.

Рис. 2. Графская пристань, г. Севастополь

Ознакомившись с бухтами, Клокачёв сообщил в Санкт-Петербург военному министру графу З. Г. Чернышёву: «... При самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ея с моря положению, а вошедши и осмотревши могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани — положением, величиной и глубиной. Можно в ней иметь флот до 100 линейных судов» [8].

6 мая 1783 г. вице-адмирал Ф. Клокачёв донёс в Адмиралтейств-коллегию о прибытии кораблей в Ахтиарскую бухту и сообщил, что по приказанию Г. Потёмкина он отправляется в Херсон для руководства строительством кораблей.

После принятия командования в Херсоне Клокачёв организует контору над портом, которую делит на экспедиции (депутатскую, экипажную, интендантскую, комиссариатскую и артиллерийскую). Тем самым Ф. Клокачёв закладывает основу самостоятельного Черноморского адмиралтейского правления. И вот уже 24 мая в Ахтиарской бухте базируются 13 боевых единиц и 4 охраняют Керченский пролив. Также идёт строительство и ремонт нескольких фрегатов. Плоды херсонского судостроения появились уже к осени 1783 г., а 16 сентября был произведён спуск с эллинга на воду первого 66-пушечного корабля «Слава Екатерины», который подлежал оснастке и вооружению в Глубокой Пристани Днепровского лимана. Вице-адмирал Ф. Клокачёв сделал за полгода то, что не смог сделать «великий» потомок Иван Ганнибал за пять лет.

Но скоро все работы на верфи и в порту были остановлены из-за начавшейся эпидемии чумы. Болезнь не пощадила и командующего. 27 октября 1783 г. вице-адмирал Ф. А. Клокачёв скончался в Херсоне от «моровой язвы». По данным флотского историка капитана 1 ранга С. Горбачёва, вице-адмирал Ф. Клокачёв был похоронен в овраге за городом, который стал братской могилой для многих погибших от этой болезни. Хоронили его «по чумному обряду» — без людных проводов, траурных речей, ружейного салюта. В похоронах по этому обряду участвовали: лейтенант А. Ф. Клокачёв, адъютант отца (впоследствии тоже вице-адмирал); капитан 2-го ранга Ф. Ф. Ушаков, почитатель его заслуг; слуга адмирала, флотский священник и два морских служителя.

Ф. А. Клокачёв не успел стать полным адмиралом, на что по праву мог рассчитывать. Но его вклад в развитие Азовской флотилии, оборону Керченского пролива и организацию Черноморского флота показывает, что он заслужил это звание.

Имена Ивана Фомича Елагина, основателя Петропавловска-Камчатского, и Федота Алексеевича Клокачёва, одного из создателей Черноморского флота и города Севастополя, помнят и чтут в России.

Именем Елагина назван мыс на полуострове Лисянского в Охотском море [6] и одна из улиц города Петропавловска-Камчатского — улица Штурмана Елагина [9].

В 2000 г. в Севастополе именем Ф. А. Клокачёва названа набережная на западном берегу Артиллерийской бухты, а в 2001 г. на набе-

режной установлен памятный знак «Набережная имени вице-адмирала Ф. А. Клокачёва» (архитектор А. Л. Шеффер).

В 2003 г. на здании Штаба Черноморского флота по инициативе Политуправления ЧФ РФ установлена мемориальная доска, увековечивающая имя вице-адмирала Ф. А. Клокачёва [7].

Недавно в Псковском районе (бывшем Псковском уезде) при повороте на сельскую дорогу к деревне Елагино установлен яркий указатель с надписью о том, что в деревне находилось имение знаменитого мореплавателя Ивана Елагина, участника 2-й Камчатской экспедиции и первооткрывателя города Петропавловск-Камчатский.

Литература

1. *Веселаго Ф. Ф.* Общий морской список. СПб.: Типография В. Демакова, 1882, с. 259–261; 1883, с. 665; 1885. Т. II, с. 125.

2. Во славу России. Псковичи в истории Российского флота. Псков, 2016. 800 с.

3. *Глушанков И. В.* Птенцы гнезда Петрова // Славные навигаторы российские. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1986. 221 с.

4. *Голубев Г.* К неведомым берегам. Историческая повесть // Вокруг света. 1980. № 9. С. 41–45.

5. Елагин Иван // Азбучный указатель имён русских деятелей для «Русского биографического словаря»: Часть вторая. А — Л / Изд. под наблюдением секретаря Императорского Русского Исторического Общества Г.Ф. Штендмана. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1887. Т. 1. С. 238. 518 с.

6. *Магидович В. И. и др.* Арктика — мой дом. История освоения Севера в биографиях знаменитых людей: Полярная энциклопедия школьника: книга для детей сред. и старш. шк. возраста. М.: Северные просторы, 2001. 285 с.

7. *Марков А. Г.* Севастополь. Слава и гордость Отечества // Международная ассоциация содействия укреплению связей Союзного государства Белоруссии и России. М.: ООО Центр печати «ВАСИЗ-ДАСТ» 2008. С. 55–78.

8. Общий морской список (Печатано по распоряжению Морского министерства). Ч. 1–13. СПб.: 1885–1907.

9. *Пиразис А.* Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное издательство, 1986. 64 с.

10. Псковская энциклопедия / Гл. редактор А. И. Лобачёв. Псковское региональное общественное учреждение — издательство «Псковская энциклопедия», 2007. 998 с.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ГИДРОНИМОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОПОЧЕЦКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Рассмотрена проблема утраты исторических гидронимов — как в среде местного населения, так и по некомпетентности дорожных служб. Приведены некоторые местные предания и гипотезы о происхождении названий ряда озёр Опочецкого района. Уделено внимание древней традиции давать рекам имена по озёрам, с которыми эти реки имеют связь.

Ключевые слова: гидронимы, историческое наследие, утрата, Опочецкий район, предания, этимология.

Общеизвестно, что древние и старинные топонимы и гидронимы в любой местности являются такими же памятниками истории и культуры, как и материальные объекты. Исторические названия несут в себе ценную информацию относительно прошлого данной территории - в частности, могут давать более или менее достоверные сведения об этническом составе местного населения в прошлые века.

Будучи частью исторического наследия края, топонимы и гидронимы заслуживают уважительного и бережного отношения к себе со стороны ныне живущих. Но если с топонимами на территории Опочецкого района (здесь имеются в виду наименования деревень, а не названия улиц в районном центре) дело обстоит пока относительно благополучно, то процессы, происходящие тут в настоящее время, ведут к утрате и забвению древних и старинных гидронимов.

Например, целый ряд озёр теперь называется местными жителями не старинными именами, а по близлежащим более или менее обитаемым населённым пунктам.

Озеро **Войское** более известно в Опочке как Масловское (в 1980-е гг. его обычно именовали Самулинским). Оно находится на Войских горах, неподалёку от частично сохранившегося Екатерининского тракта, по которому в XVIII в. и начале XIX в. ездили из Санкт-Петербурга в Полоцк.

Озеро *Тобольно* называют Гарусовским, озеро *Кутсо* (*Гутсо*) — Бабининским. Возможно, последнее озеро на самом деле именовалось ранее не Кутсо́ (с ударением на втором слоге), а *Кудцо* — т. е. *маленькое Кудо*. На эту мысль наталкивает факт, что не так далеко от вышеупомянутого водоёма расположено озеро *Кудо* (второе название — *Полёхновское*), большее по размеру, но несколько похожее на него по форме (если судить по картам). Однако на военно-топографической карте 1860-х гг. озеро Кутсо́ обозначено как озеро *Круццо* [1]. Изменилось название за прошедшие годы, или же топографы в XIX в. неточно зафиксировали гидроним, теперь, видимо, не установить.

Из озера Кудо (Полёхновского), находящегося неподалёку от трассы Санкт-Петербург — Киев, вытекает речка *Кудебка*. Озеро *Коложе* жители Опочецкого района чаще называют Рясинским. Есть другое название и у второго озера Кудо, где находится исток речки *Кудки*, — Воскресенское (некогда там был Воскресенский погост, стояла церковь; кладбище ещё частично сохранилось). По этой причине гидроним *Воскресенское* тоже можно отнести к историческим.

Возможно, для местных жителей называть озёра по близлежащим деревням удобнее и понятнее, потому что значение многих слов, от которых образованы некоторые старинные гидронимы, уже давно забыто. Нашим современникам ничего не говорят ни название Коложе, ни Кудо, ни Тобольно (перечисление можно продолжить). Однако, помимо бытовых соображений, есть и иные, как представляется, более высокого плана. Взять гидроним Кудо. Считается, что он финно-угорского происхождения; по мнению некоторых исследователей, его финская основа — *kuoto, kuodon* — означает «тина, грязь, вязкий ил» [4, с. 93]. Исходя из этих соображений, название озера Кудо можно перевести на русский как, скажем, *Илистое*. И этот гидроним (а также однокоренные названия речек Кудка и Кудебка) — напоминание о тех временах, когда на современной территории Опочецкого района жили финно-угорские племена.

Историческим является название упомянутого выше озера Войское на Войских горах. Достоверно, что данный топоним (и гидроним, как представляется, соответственно) был известен в начале XIX в. Войская гора (Войские горы) упоминается в дневнике опочецкого мещанина Ивана Игнатьевича Лапина, современника Пушкина. Автор дневника сообщает, что 21 декабря 1818 г. через Опочку проезжал император Александр I. «<...> доколе уехал на Войскую гору — всё трезвонили» [3].

Представляет интерес старинное название озера Тобольно (Гарусовского). Давние обитатели деревни Гарусово дали этому не-

большому водоёму имя, видимо, из-за его своеобразных очертаний. «Тоболка», «тоболец», согласно словарю В. И. Даля, — сумка, мешок [2]. По своей форме — длинное, узкое и изогнутое — озеро действительно напоминает нечто подобное, некое вместилище.

Озеро **Ямное**, как именуют его опочане, находящееся в пяти километрах от Опочки, на картах до настоящего времени называется просто **Ям**. По утверждению некоторых опочецких старожилов, этот водоём — искусственного происхождения, он якобы возник на месте бывших торфоразработок, представлявших собой обширную яму, которую постепенно заполнили водой пробившиеся на её дне родники. Имеет ли эта легенда под собой реальный факт, сказать трудно. На упомянутой военно-топографической карте XIX в. озеро Ям уже указано [1].

Возле опочецкого озера **Велье** (не так уж и далеко от этих мест лежит Велье пушкиногорское), между деревнями Полеи и Заногы, есть ещё одно небольшое озерко. Его названия на современных картах автору данной работы обнаружить не удалось. Но в рукописи опочецкого краеведа Александра Ивановича Белинского (работал в Опочке на протяжении 1920-х гг.) имя этого водоёма названо — **Мутишино**, или **Мутицы** (на военно-топографической карте 1860-х гг. — **Мытишино**) [1]. Не исключено, что современные обитатели окрестностей Велья его не знают. А Белинский, между прочим, рассказывает довольно интересное предание о происхождении одного из вариантов этого гидронима.

«Здесь некогда жили братья-великаны. Однажды они повздорили между собой, встали на противоположные берега озера и начали метать друг в друга молоты. Один раз молот не долетел до цели, упал в озеро и замутил воду. Великан, не добросивший молота, рас свирепел и крикнул: «Мутись же ты всё время!» С тех пор вода в озере всегда мутная. Поэтому и стал называться этот водоём Мутишино, или Мутицы...» [8].

Изучение карт, в том числе и старинных, показывает, что названия рек Опочецкого района часто связаны с наименованиями озёр, откуда эти реки вытекают. Выше уже говорилось, что из озера Кудо (Полёхновское) вытекает речка Кудебка, из озера Кудо (Воскресенское) — Кудка. Возле озерка Тобольно протекает речушка **Тоболенька** (на одной из современных карт — Табаленька); озеро **Чёрное** соединено протокой с правым притоком Великой — речкой **Черницей** [5].

Думается, что когда-то Черница считалась вытекающей из озера Чёрного. Но теперь в качестве её истока указывается Крушинное. А ведь на одной из старых карт автору встретилось иное название реч-

ки, берущей начало в Крушинном и затем сливающейся с Черницей, а именно — **Крушинница**. Упомянут этот гидроним и в труде Л. И. Софийского [6].

Из озера **Коложе** вытекала (возможно, вытекает и сейчас) речка **Коложа** [6]; из озера **Нивно** — **Нивница**.

Все эти гидронимы при желании легко можно обнаружить на старинных и современных картах соответствующего масштаба.

Некоторые небольшие речки Опочецкого района, к своему несчастью, пересекают крупные дороги, на которых в последние годы ведутся масштабные строительные работы. И в итоге теряют свои исторические имена. Чтобы в этом убедиться, достаточно проехать по трассе Опочка — Невель. Примерно в километре от деревни Маврино (по направлению к Пустошке) протекает речка **Волошница**, связывающая озерко **Волошно** и озеро Крушинное. Но теперь надпись на указателе возле этой речки сообщает, что она называется... Мавринская.

Рис. 1. Речка, имевшая до проведения дорожных работ историческое название Волошница (вытекает из озерка Волошно); рядом — фрагмент военно-топографической карты 1860-х гг. XIX в.

Надо ли говорить, что реки, в отличие от озёр, практически никогда не назывались по наименованиям населённых пунктов? Хотя бы из тех соображений, что одна и та же речка может протекать через несколько деревень и городов.

В качестве дополнения к вопросу о Волошнице можно сказать, что на военно-топографической карте 1860-х гг. и некоторых более

современных речка, впадающая в озерко Волошно с юго-востока, называется **Волошна** [1]. В некоторых справочниках Волошной считается вся водная артерия — от истока до устья, то есть Волошна, по мнению их составителей, протекает через озеро Волошно и впадает в Крушинное.

Тем не менее, налицо бытование в недавнем прошлом целого куста однокоренных гидронимов: озеро Волошно, речки Волошна и Волошница.

Не миновали новшества и деревню Зуйково. Здесь ранее безымянную речушку, вернее, ручей, дорожники назвали совершенно неприемлемым именем «р. Зуйково».

Рис. 2. Ранее безымянный ручей в деревне Зуйково; рядом на фрагменте старинной карты кружком отмечено примерное современное местонахождение этого ручья

Непреренно следует оговориться: даже в Псковской области всё-таки есть прецеденты, когда имя реки или ручья связано с именем близлежащего населённого пункта. Например, через деревню Карпово возле города Острова течёт ручей Карповка. Но — не «р. Карпово»! Так что зуйковскому ручью вполне можно было бы присвоить не очень благозвучное имя Зуйковка.

Опрос местных жителей, хорошо знающих окрестности Зуйкова, проведённый автором данной работы, показал, что собственного старинного имени у этого ручья или не было совсем, или же оно оказалось со временем забыто. Но, согласно собранным автором устным сведениям, этот ручей связан с озерком **Самино**, или **Жабино**.

И, поскольку на современной территории Опочецкого района на протяжении веков существовала традиция называть речку по имени связанного с ней озера, ручью в Зуйкове следовало бы дать имя Саминка (или Жабинка).

Нельзя однако умолчать о том, что рядом с деревней Зуйково существует небольшое озерко Зуйково. На военно-топографической карте XIX в. оно указано именно с этим названием (а деревня тогда именовалась Зуйкова). Однако ручей, протекающий через деревню, связан не с ним. Изучение современных карт, в т. ч. и спутниковых, показало, что местные старожилы правы и зуйковский ручей связан в большей или меньшей степени с водоёмом, известным им под именем Самоино, или Жабино. На старинной карте этот водоём указан как озеро *Соминское* [1]. Так что, видимо, гидроним *Соминка (Соминский)* был бы в описываемом случае наиболее предпочтительным.

Странная история произошла в деревне Духново, старинном населённом пункте, впервые упомянутом в документах 1582 г. (возникло селение, естественно, гораздо раньше. И потому надпись на камне-памятнике посреди деревни об основании её в 1582 г. не соответствует исторической действительности).

Через эту деревню протекает крошечная речушка *Черничка*. Но и здесь поработали дорожники. Теперь указатель при въезде на деревенский мост сообщает, что в Духнове течёт речка... *Шесть*, являющаяся, как известно, правым притоком Великой.

Рис. 3. Речка Черничка в деревне Духново, ложно названная Шестью

Поскольку люди в России привыкли верить написанному, то теперь очень трудно убедить их в том, что через Духново протекает отнюдь не сама Шесть, а её левый приток Черничка. А статья в Интернет-энциклопедии, в Википедии, идёт ещё дальше. Там написано, что через Духново протекает целых две реки — Шесть и Черничка [9]. Таким образом, эта ложная информация распространяется теперь по всему миру.

К слову, у речки Шесть есть и правые притоки — *Глядня* и *Гвоздня* [5].

Следует добавить попутно, что названия Глядня и Гвоздня явно составляют гидронимическую пару — по созвучию, форме слова и географическому положению речек. Было бы интересно детально исследовать этимологию этих гидронимов, поскольку, на первый взгляд, одно из них восходит к русскому слову «глядеть», второе — к слову «гвоздить». По мнению автора данной работы, это довольно необычные названия для рек. Очень похоже, что гидронимическую пару составляют и упоминаемая выше речка *Черница* с её левым притоком *Чашиницей*.

На территории Опочецкого района есть ещё по меньшей мере две речки с созвучными именами — это упоминавшаяся выше *Шесть* и приток Иссы *Веть*. Однако их географическое положение, т. е. отдалённость друг от друга, исключает возможность того, что Шесть и Веть составляют подлинную гидронимическую пару [7]. Кроме того, по утверждению некоторых краеведов, изучавших топографические карты XVIII столетия, речка Шесть ранее называлась *Шат*, а Шестью стала позднее, видимо, в результате неверного прочтения гидронима при копировании карты.

Подводя итог вышеизложенному, надо сказать, что изучение и борьба за сохранение старинных гидронимов, являющихся памятниками истории и культуры Опочецкого района, — важная задача для местных краеведов, которым следует добиваться в этом деле поддержки всех людей, любящих свой край и интересующихся его прошлым.

Литература

1. Военно-топографическая карта Российской Империи. 1846–1863 гг. Издавалась до 1919 г. / Создана под руководством Ф. Ф. Шуберта и П. А. Тучкова. Масштаб: 3 версты на дюйм. Ряд IX, лист 7. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.etomesto.ru/shubert-map/9-7/>
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В четырех томах. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. С. 408.

3. Дневник Ивана Игнатьевича Лапина. Псков, 1997. С. 81–82.
4. *Манаков А. Г.* Неславянская гидронимия Псковской области // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». 2008. № 4. С. 90–95.
5. Псковская область / Общегеографический региональный атлас. М., 2006. С. 28–29, 34–35.
6. *Софийский Л. И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Репринтное издание. Псков, 2013. С. 59 (79); карта Опочецкого уезда (приложение).
7. *Успенский Л. В.* Имя дома твоего. Л.: Лениздат, 1974. С. 654–659.
8. *Яковлева М. С.* Опочка в зеркалах легенд / Предания, гипотезы, поверья. Псков: ПОИПКРО, 2016. С. 102.
9. [Электронный ресурс]: URL: <https://wiki2.org/ru/D0%94%D1%83%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE>

И. Г. Соколова, А. А. Андреев
Псковский государственный университет, Россия.
E-mail: jarusova@mail.ru, a3pochta@mail.ru

СЛЕДЫ ПИТОМНИКА ПСКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА

Рассматривается вопрос об определении расположения питомника Псковского губернского земства и возможности использования древесных растений как элементов формирования культурного ландшафта г. Пскова. Излагаются результаты изучения древесных растений на территории города с использованием доступных литературных источников.

Ключевые слова: *Питомник Псковского губернского земства, Псковское губернское земство, старо-возрастные деревья, городской ландшафт, культурный ландшафт.*

«Именно пейзаж доминирует в восхищённых оценках, которые оставляет Псков. Пейзаж — это то, что формирует общее впечатление и определяет лицо города. Именно пейзаж — самый важный феномен, несущий эмоциональную и эстетическую составляющую города. И ему нет цены», — написала Н. Богомолова [2] в своей статье.

Псковский городской пейзаж формировался не только благодаря застройке и городским памятникам, но и во многом благодаря зелёному наряду города [7], особенно древесным растениям, появляющимся в городе в разные периоды.

Кроме эстетической составляющей в восприятии городской среды, следует отметить роль древесных растений в формировании городского культурного ландшафта. В данном случае термин «культурный ландшафт» имеет более широкую трактовку, чем просто элемент эстетического восприятия [1]. Культурный ландшафт городской среды представляет собой сложную систему, в которой сочетаются элементы природной среды и деятельности человека, при этом последние могут быть как материальными, так и нематериальными. Древесные растения как часть городского ландшафта играют важную роль — в первую очередь это элементы природной среды, которые используются человеком для формирования фактически искусственного ландшафта. Например, при этом могут использоваться элементы флоры, не типичной для данной природной зоны. Во-вторых, древесные растения следует считать памятниками событий, реперами определённого временного пери-

ода, по которым можно проследить отдельные этапы формирования городского культурного ландшафта. В-третьих, с древесными растениями может быть связана часть нематериального культурного наследия (памятные события, городские легенды, мифы).

Отсутствие стратегии по сохранению и возобновлению древесных насаждений в городе могут разрушить сложившиеся стереотипы восприятия исторических памятников, существенно изменить пейзаж, как «феномен, несущий эмоциональную и эстетическую составляющую города» [1]. Достаточно посмотреть на фотографии одного и того же памятника в разные периоды (рис. 1, 2), очевидна существенная разница в их восприятии.

Рис. 1. Памятник в честь 300-летия победы над войском С. Батория (1881 г.)

Рис. 2. Памятник в честь 300-летия победы над войском С. Батория в настоящее время

Старение деревьев рано или поздно поставит вопрос об их замене на более молодые. Если это будут очень молодые деревья тех же видов, что растут в настоящее время, то рис. 1 поможет увидеть «будущее» такой замены. Стратегия замещения должна быть направлена на сохранение современного облика восприятия памятника.

Формирование зелёных насаждений г. Пскова как части городского ландшафта происходило неравномерно. Можно выделить, как минимум, три основных группы древесных растений по возрасту, которые встречаются на улицах города. Первая группа — это основная масса относительно молодых деревьев, посаженных в течение XX в., в первую очередь, в послевоенный период. Вторая группа — это сохранившиеся группы деревьев с возрастом 100–150 лет — в основном это посадки XIX в. И третья группа — это единичные экземпляры возраста от 200 и более лет.

Можно с большой уверенностью предположить, что Псковский питомник губернского земства, существовавший в XIX в., — основной источник старых деревьев на Завеличье и всей территории города. Поэтому, вероятно, должны остаться деревья питомника — как в месте его расположения, так и на участках, примыкающих к нему.

Цель исследования — установить расположение питомника Псковского губернского земства на территории города.

Результаты исследования. Из доступных источников [3; 5–10] известно, что питомник существовал на Завеличье у холерного барака. Древесные растения из него были пересажены в 1896 г. в другой питомник площадью в 1 десятину 400 кв. саженей, находившийся близ больницы стены. В 1897 г. появился второй питомник площадью в 1 десятину 300 кв. саженей напротив первого, через дорогу. Таким образом, питомник был по обе стороны дороги, ведущей из города в казармы Омского пехотного полка.

Рассмотрение деревьев как источника информации позволило поставить вопрос об их использовании для поиска расположения питомника Псковского губернского земства. При этом основными критериями поиска стали возраст, видовой состав древесной растительности и наличие рядовой посадки, как это принято в питомниках.

Основная территория для поиска следов питомника — ул. М. Горького (в XIX в. она называлась Продольной) и прилегающие территории областной больницы (территория Земской больницы), военного госпиталя, пер. Дружбы (рядом с бывшими казармами Омского полка), ул. Комдива Кирсанова, окрестности школы № 5 и воинского храма Омского полка — храма Александра Невского.

В результате было выявлено, что выращивалось не менее 53 видов древесных растений, из них 14 видов кустарников, 39 видов — деревьев; голосеменных — 15 видов, покрытосеменных — 38 видов. Древесные растения определялись с использованием определителей [11], были осуществлены промеры диаметра и высоты деревьев, координаты их положения определялись с помощью навигатора.

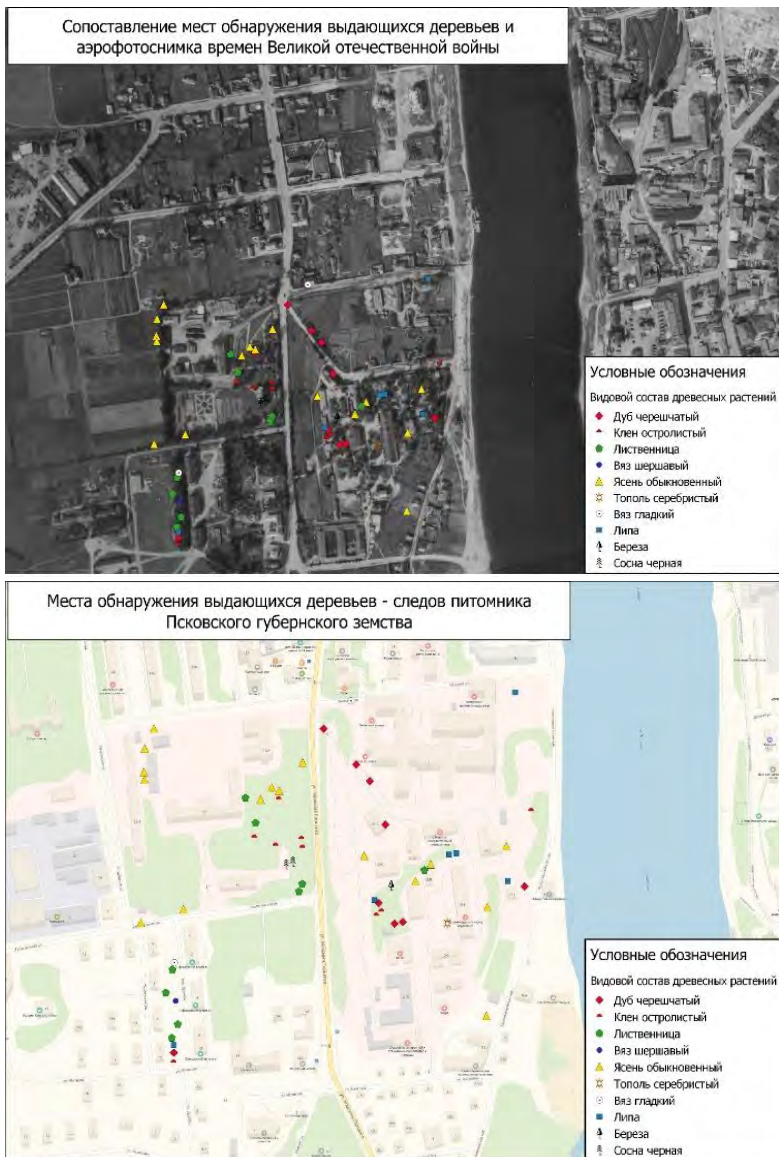
Семейство «сосновые» представлено в питомнике наибольшим числом видов — 11 из 4 родов, кипарисовые — 4 видами из 3 родов. Из 15 видов голосеменных растений сохранились только 2 вида: *Pinus nigra* — сосна чёрная и *Larix sibirica* — лиственница сибирская. Сосна чёрная выявлена в 3 экземплярах, лиственница сибирская многочисленна в посадке по ул. М. Горького и в окрестностях школы № 5, а также на территории военного госпиталя.

Из 11 семейств покрытосеменных растений, выращиваемых в питомнике, содержали 18 родов и 38 видов. При этом два семейства включали по три рода (далее, в скобках, после названия семейства указано количество видов): бобовые (3) и розовые (3); три семейства включали по два рода: ивовые (13), маслинные (3) и буковые (2); 6 семейств содержали по одному роду: кленовые (4), берёзовые (4), липовые (2), вязовые (2), конско-каштановые (1), тутовые (1).

До настоящего времени сохранилось 19 видов древесных растений, что составляет 50 % от всех видов, выращиваемых питомником. Они входят в состав 11-ти родов: осина, тополь чёрный, тополь канадский, тополь бальзамический, тополь серебристый; клён остролистный, берёза бумажная и берёза бородавчатая, карагана древовидная, роза морщинистая, ясень обыкновенный и ясень американский; сирень обыкновенная, дуб черешчатый, липа сердцелистная и липа широколистная; вяз гладкий и вяз шершавый, конский каштан и шелковица белая.

Таким образом были выявлены старо-возрастные древесные растения. Большинство древесных растений на обследованных участках имеют возраст 120–130 лет, наиболее выдающиеся представители — значительно больше. Положение обнаруженных наиболее выдающихся (по размерам и возрасту) деревьев отображено на карте-схеме района обследования и соотнесено с аэрофотоснимком времён Великой Отечественной войны (рис. 3).

Рис. 3. Сопоставление положения деревьев, выявленных в ходе обследования территории с их положением в период Великой Отечественной войны

Сопоставление положения деревьев, выявленных в ходе обследования территории, с их положением в период Великой Отечественной войны показало, что изученные древесные растения были значительными по размерам и существовали уже в годы Великой Отечественной войны. Была определена область распространения старовозрастных деревьев на Завеличье, что позволило определить возможное положение питомника Псковского губернского земства (рис. 4).

Рис. 4. Предполагаемые варианты расположения территории питомника Псковского губернского земства

Таким образом, расположение питомника Псковского губернского земства предположительно выявлено благодаря использованию старо-возрастных деревьев, хотя расположение питомника следует уточнить документально. Древесные растения могут исполнять роль реперов для решения ряда практических задач. Перспективными для посадки, устойчивыми к урбанизированным территориям считаем 21 вид, из них два вида голосеменных и 19 — покрытосеменных.

Литература

1. *Андреев А. А.* Культурно-ландшафтное районирование территории Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2011. № 11. С. 113–131.
2. *Богомолова Н.* Псковская традиция и городской пейзаж. [Электронный ресурс]: URL: <https://informpskov.ru/news/1043.html>
3. Доклады и постановления губернского земского собрания в съезде 1897 г. и Чрезвычайного собрания 28 января 1898 года с приложениями. Псков: Изд-во Псков. губ. земской управы. 1898.
4. Каталог древесных питомников Псковского губернского земства // Вестник Псковского губернского земства. Осень 1902. Псков: Изд-во Псков. губ. земской управы. 1902. № 8. С. 13–20.
5. Каталог древесных питомников Псковского губернского земства // Вестник Псковского губернского земства. Весна 1903. Псков: Изд-во Псков. губ. земской управы. 1903. № 4. С. 9–16.
6. Каталог древесных питомников Псковского губернского земства // Вестник Псковского губернского земства. Псков: Изд-во Псков. губ. земской управы. 1904. С. 1–6.
7. *Розов Н.* Сажали, сажаем и будем сажать // Новости Пскова, 14 ноября 2001.
8. Список растений, могущих быть проданными из питомника Псковского губернского земства в 1894 г. // Вестник Псковского губернского земства. Псков: Изд-во Псков. губ. земской управы. 1894. № 3. С. 97.
9. Список растений, могущих быть проданными из питомника Псковского губернского земства в 1894 г. // Вестник Псковского губернского земства. Псков: Изд-во Псков. губ. земской управы. 1894. № 4. С. 98.
10. *Филипов И.* Отчёт о состоянии древесных питомников Псковского губернского земства за 1897 г. Доклады и постановления губернского земского собрания в съезде 2–13 декабря 1897 г. и Чрезвычайного собрания 28 января 1898 г. с приложениями // Вестник Псковского губернского земства. Псков: Изд-во Псков. губ. земской управы. 1898.
11. *Цвелёв Н. Н.* Определитель сосудистых растений Северо-Западной России (Ленинградская, Псковская и Новгородская области) / Ботан. ин-т им. В. Л. Комарова РАН. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. хим.-фармацевт. акад., 2000. 784 с.

О СУДЬБЕ ПОДВОРЬЯ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЦЕРКВИ БОГОРОДИЦЫ ОДИГИТРИИ В ПСКОВЕ

Прослеживается история подворья Псково-Печерского монастыря в г. Пскове и расположенной здесь церкви Богородицы Одигитрии, использования их помещений различными учреждениями после 1917 г. Затрагиваются вопросы сохранения и реставрации зданий, как памятников архитектуры.

Ключевые слова: *Псково-Печерский монастырь, подворье, церковь Богородицы Одигитрии, храм, Совпартшкола, Чудская флотилия, туберкулёзный диспансер, реставрация.*

В дореволюционное время многие монастыри земли Псковской имели в городе свои подворья. Не был исключением и Псково-Печерский монастырь, подворье которого в углу Среднего города основал в XVI в. создатель обители игумен Корнилий. Им же был возведён здесь в 1537 г. и храм во имя смоленской иконы Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы). После пожара церковь была заново поставлена в 1685 г. и после перестроек освящена в память Введения во храм Богородицы. Она благополучно существовала под покровительством богатого Псково-Печерского монастыря до середины XIX в. С 1864 г. управление подворьем перешло к псковским архиереям, и через два года (1866 г.) фасады церкви были обработаны в новом духе (пристроена западная часть, переделана кровля), что неузнаваемо изменило её первоначальный наружный облик. Появилась и новая колокольня с высоким, видневшимся издали, шпилем. Близ храма были возведены новые постройки: в 1883 г. — двухэтажное здание для покоев с домовою Казанскою церковию (архиерейский дом), а в 1905 г. — дом для певчих. Архиерейский дом — каменное, двухэтажное, прямоугольное в плане здание, было построено по проекту петербургского архитектора Новицкого, и в оформлении его фасадов использовались мотивы архитектуры раннего классицизма: рустованные лопатки, различной формы оконные наличники, лучковые фронтоны и др. Архиерейский дом стал в архитектуре Пскова образцом «стиля Людовика XVI» [4, с. 257; 8, с. 222, 259; 9, с. 155–156].

Рис. 1. Здания Печерского подворья (рисунок из газеты «Псковский набат», 1927 г.)

Рис. 2. Церковь Одигитрии подворья Псково-Печерского монастыря (фото начала XX в. — с сайта «Старый Псков»)

Рис. 3. Церковь Одигитрии (фото Т. В. Вересовой, 2006 г.)

Подворье вместе с храмом существовало и действовало вплоть до революционных событий 1917 г., после которых судьба его круто изменилась. Началась национализация церковных и монастырских зданий, ряд которых передавался по договорам в пользование религиозных общин, а другие занимались под различные учреждения. В начале 1920 г. помещение теперь уже бывшего архиерейского дома на подворье Псково-Печерского монастыря было отведено для губернской Совпартшколы, открытой 8 января 1919 г. В связи с возникшей проблемой переоборудования здания для новых нужд в занятиях школы произошёл перерыв, но уже на 1 февраля 1920 г. был назначен сбор курсантов. Помещения оборудовались под кабинеты и аудитории, для занятий кружков, здесь же размещались столовая и общежитие курсантов, для чего завозились кровати, изготовлялись из досок топчаны с соломенными матрацами и др. [5, Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 1; Д. 118. Л. 2, 5, 9, 11, 15, 19].

Почти одновременно с размещением Совпартшколы на бывшем подворье 2 февраля 1920 г. между РСФСР и Эстонией был подписан Тартуский мирный договор, в результате чего прежний его «хозяин» — Псково-Печерский монастырь — оказался на территории Эстонской Республики и пытаться сохранить за собой помещения в Пскове просто не мог. Но уже в сентябре 1920 г. был поднят вопрос о новом помещении для Совпартшколы, т. к. имевшееся было для неё «слишком мало». Рассматривался, например, в качестве одного из вариантов обмен зданиями: с военным ведомством: школа въехала бы в здание бывшего Епархиального училища, занятое госпиталем, а последний — в здания бывшего Печерского подворья [5, Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 88].

Решить этот вопрос, однако, не удалось, и Совпартшкола осталась на прежнем месте, продолжая приспособлять его для выполнения своих задач. Но работать здесь ей оставалось недолго.

22 мая 1922 г. Псковский губком РКП(б), признав необходимым «поместить Чудскую флотилию на берегу реки» (Пограничная флотилия была создана 15 июля 1921 г. и предназначалась для охраны водного рубежа между РСФСР и Эстонией по Псковско-Чудскому озеру — *Авт.*), рекомендовал подыскать для неё другое помещение, а «если такового не окажется», то предоставить ей помещения Губсовпартшколы в Печорском подворье. Именно сюда в июле 1922 г. и переместилась флотилия, а Совпартшкола получила в своё распоряжение здание бывшего духовного училища по адресу: Мирожская набережная, д. 15 [5, Ф. 1. Оп. 4. Д. 74. Л. 34; Оп. 1. Д. 280. Л. 233; Д. 308. Л. 79; Ф. 9. Оп. 1. Д. 682. Л. 76)]. Помещения бывшего подворья, таким образом, предстояло вновь переоборудовать, — теперь уже для нужд военного формирования, т. к. здесь дислоцировалась основная часть личного состава флотилии.

Моряки (военморы) первоначально застали на подворье изрядно запущенные, находившиеся в антисанитарном состоянии помещения: потрескавшийся паркет, старые обои, нехватку топлива, кроватей, постельного белья и т. п. (О необходимости капитального ремонта зданий неоднократно ставило ранее вопрос и руководство Совпартшколы — *Авт.*), но со временем здесь были созданы относительно неплохие условия. «В помещениях чисто, на стенах расклеены лозунги и плакаты, — писала газета «Псковский набат». — У каждой койки стоят вновь изготовленные ящики, куда военморы кладут хлеб, кружки, ложки и пр.» [2, 27 марта 1923]. В помещениях была устроена вентиляция, в одном из зданий организована кооперативная лавка, имелась библиотека из 1500 книг, устроен клуб, где работали школа политграмоты и несколько кружков — партийный, драматический и спортивный, при красном уголке организован стол справок. Флотилии достался и плодовый сад с 32 деревьями, в летнее время он превращался в место отдыха и чтения книг на свежем воздухе. В середине 1923 г. была составлена смета на оборудование собственной прачечной [3, Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 977. Л. 2)].

При размещении на территории бывшего подворья различных служб флотилии неизбежно встал вопрос о судьбе находившегося здесь памятника архитектуры — церкви Одигитрии, т. к. сохранение действующего храма на территории красноармейского формирования противоречило всем установленным тогда правилам. Губком РКП(б) 24 ноября 1922 г. поручил Губисполкому «при соблюдении всех фор-

мальностей» ликвидировать «домашнюю церковь в Печерском подворье», а последний, в свою очередь, 7 декабря того же года обязал сделать это административный отдел — «виду необходимости использования помещения для нужд Чудской флотилии». Спустя две недели Губисполком решил судьбу обнаруженной в церкви библиотеки, рекомендовав передать её как «бесхозное имущество» Губполитпросвету, и «по возможности выделить некоторое количество книг Чудскому отряду». В мае 1923 г. вопрос о церкви Одигитрии был поднят на заседании партбюро флотилии. Церковь к тому времени была занята под склад, и предложено было сбить сохранившийся на ней крест: «отчислить сумму денег для снятия символа христианского культа», «коллективу найти спеца и договориться в цене» [3, Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 977. Л. 12; 5, Ф. 1. Оп. 3. Д. 331. Л. 21, 22, 25, 27; Д. 237. Л. 28; Д. 332. Л. 10; 2, 27 марта 1923]. Отныне на долгие годы храм превратился в складское помещение, разделив участь многих других подобных церквей.

Но и Чудская пограничная флотилия дислоцировалась на подворье непродолжительное время. После очередной реорганизации в начале 1925 г., имевшей следствием прекращение функционирования флотилии в качестве самостоятельного подразделения, появилось сообщение в газете, что «в бывшем помещении Чудской флотилии Доброхим устраивает центральную химическую лабораторию, клуб и музей» [2, 10 апреля 1925]. Через несколько месяцев планы использования помещений изменились: «В бывшем Печерском подворье, где до революции проживал архиерей со своей челядью, Губздравотдел устраивает туберкулезный диспансер и санаторий. Два каменных двухэтажных дома с садом и видом на Великую — прежнее гнездилище паразитов — превращаются в больничный городок. В одном из домов устраивается больничное отделение на 20 коек для тяжелобольных, там же будет детский дневной санаторий. Детям там отводится значительное место для игр и занятий. Во втором доме организуется ночной санаторий, столовая и ряд вспомогательных учреждений. Ремонт домов будет закончен в ноябре» [2, 11 сентября 1925]. В ночной санаторий, рассчитанный на 18 чел., больные могли приходиться после работы, и, переночевав (с получением усиленного питания и лечебных процедур) в нём, утром снова отправлялись на предприятия. Для бедных слоёв населения здесь была открыта диетическая столовая, позднее открылось отделение для больных костным туберкулезом, а оборудованная лаборатория позволила поставить лечебно-профилактическую работу на научную основу. Только за первый год существования диспансер посетило более 2000 чел. [2, 11 января 1927].

Теперь в течение всех довоенных лет помещения бывшего подворья использовались туберкулезным диспансером. В годы немецко-фашистской оккупации Пскова (1941–1944 гг.) гитлеровцы организовали здесь военный госпиталь, в котором находились на излечении тяжело больные и раненые пленные красноармейцы. В госпитале образовалась подпольная группа под руководством врача А. И. Рубцовой, члены которой (медицинские работники) в стремлении сохранить красноармейцам жизнь задерживали их выписку, устраивали выздоравливающих на работу вне лагерей, снабжали их одеждой, медикаментами, помогали уйти к партизанам. А. И. Рубцова лечила и мирных жителей Пскова, а члены группы, помимо этого, распространяли среди населения листовки и сводки Совинформбюро. В августе 1942 г. А. И. Рубцова и несколько других подпольщиков были арестованы, подвергнуты допросам и пыткам, а затем расстреляны [6, с. 69–70, 81; 7, с. 300–301, 310].

В обстановке значительных разрушений, нанесённых Пскову в годы войны, помещения Печерского подворья оказались одними из немногих уцелевших строений и стали использоваться по прежнему назначению. 12 января 1945 г. Псковский горисполком принял решение «Об организации лечебно-профилактической помощи туберкулезным больным», которым предписал организовать при городской больнице туберкулезное отделение, которое затем, в течение первого квартала 1945 г., преобразовать в туберкулезный диспансер. Под него Горисполком отвёл здание на бывшем Печерском подворье [5, Ф. 1048. Оп. 3. Д. 1. Л. 4; Оп. 4. Д. 5. Л. 26]), где диспансер «прописался» почти на полтора десятилетия. Церковь же Одигитрии во время войны горела, лишилась всех покрытий, и в 1946–1948 гг. от стен её стали отставать и отваливаться толстые слои штукатурки, нанесённые в 1866 г. Храм нуждался в срочной реставрации, или хотя бы консервационных мерах [9, с. 222].

Уже в 1945 г. Комиссией Главного управления охраны памятников Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР храм вследствие его ценности и оригинальности был признан подлежащим восстановлению в первую очередь (акт от 6 июля 1945 г.); в 1947 г. был составлен эскизный проект реставрации, одобренный в 1956 г.; в 1952–1958 гг. памятник был исследован архитектором А. И. Хамцовым, но противоаварийные мероприятия практически не проводились, и судьба памятника оставалась неопределённой. Более того, вследствие отсутствия внимания к памятнику и непринятия экстренных мер, в 1956 г. купол, увенчивающий центральную часть здания, обрушился. Обосновалась на «постоянное место жительства» по-

близости от памятника и электростанция, место пребывания которой здесь сразу после войны рассматривалось в качестве временного, т. к. её предполагалось вынести за пределы города.

Вместе с тем, основные конструкции и фрагменты декора храма сохранились, что создавало возможности постепенного восстановления этого памятника архитектуры. Даже обрушившаяся в 1956 г. глава была тщательно обмерена в 1952 г. и могла быть восстановлена с полной достоверностью. Распоряжением Совета Министров РСФСР от 28 января 1957 г. (№ 274-р) церковь была включена в список памятников архитектуры Пскова, подлежащих приведению в порядок в течение 1957–1959 гг. Научно-реставрационными мастерскими Академии строительства и архитектуры СССР был составлен проект восстановления, выделены необходимые ассигнования, но, несмотря на это, памятник не только не был восстановлен, но и не были проведены неотложные противоаварийные работы. Министерство культуры исходило из того, что «здание церкви занимает особое место среди памятников г. Пскова», т. к. построено вскоре после присоединения Пскова к Московскому государству «в оригинально решённых формах московской архитектуры и свидетельствует о важном историческом этапе в жизни Пскова». К тому же, памятник, по его заключению, «играет важную роль в ансамбле древних строений набережной Пскова».

Иное мнение было у Псковского облисполкома, который в июне 1958 г. направил в Правительство РСФСР письмо с обоснованием целесообразности восстановления храма. Он доказывал, что церковь после перестройки утратила свой первоначальный облик, и как она выглядела ранее, неизвестно, а посему восстановление в поздних формах «может оказаться фальсификацией, и фактически будет новым строительством с затратами свыше 1 млн руб.». К тому же, считал орган областной власти, «обзор остатков церкви для жителей города, а также экскурсантов невозможен, т. к. церковь находится на территории ТЭЦ», и поэтому просил Совет Министров РСФСР о снятии церкви с охраны в качестве памятника, — «как не представляющей исторической ценности».

Но уже в июле того же 1958 г. Научно-методический совет (НМС) по охране памятников культуры АН СССР под руководством академика И. Э. Грабаря составил своё заключение о церкви Одигитрии, положения которого в корне расходились с мнением Псковского облисполкома. Совет отметил, что здание при перестройке и ремонте в 1682 г. «приобрело новые и оригинальные формы, которые выделяют его из среды других и делают одним из выдающихся и замечательных памятников г. Пскова и русской архитектуры. Формы закомар, увенчи-

вающих каждый из фасадов в виде щипцов с выписанными в них оригинальными кокошниками, расстановкой глав не по углам, а по осям здания, своеобразная керамика, декорирующая фасады, и особенная форма шатровой колокольни с 8 главками в основании шатра, являются чертами уникальными и имеются только в этом памятнике. Подобная форма композиции шатра была ещё только в знаменитом храме Василия Блаженного в Москве, но там в надлежащем виде не сохранилась. Отмеченные уникальные особенности памятника, бывшие до нашего времени скрытыми под позднейшей штукатуркой, вскрыты нашими учёными при исследовании 1945 г., углублены в 1952 г. в целях научной реставрации памятника, и являются важным достижением советской науки в области истории архитектуры».

НМС принимал во внимание и то, что из памятников XVII в. в Пскове сохранились в основном здания гражданского зодчества, в то время как памятники церковной архитектуры являлись более ранними, и только церковь Одигитрии XVII в. «давала полнейшее представление о том, как псковская архитектура, не теряя черты своеобразия, вливалась в общий поток развития русской архитектуры этого времени». «Памятник, расположенный в самом центре Пскова, — гласило далее заключение НМС, — на берегу Великой, рядом с Мстиславской башней и в месте наибольшего сосредоточения выдающихся культовых и гражданских памятников Пскова, в месте, которое имеет значение не меньшее, чем ансамбль Кремля, при надлежащем отношении к историко-художественным ценностям и благоустройству города, должен являться одним из украшений и выдающихся достопримечательностей». Поэтому НМС считал мнение Псковского облисполкома о том, что «реставрация может оказаться фальсификацией», безосновательным, решительно протестовал против снятия церкви Одигитрии с государственной охраны и просил Совет Министров РСФСР подтвердить своё решение от 28 января 1957 г. [3, Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 1172. Л. 563–564, 566–568].

Церковь Богородицы Одигитрии, таким образом, осталась на государственной охране (при снятии с неё памятник с неизбежностью мог погибнуть), но до реставрации её ни в конце 1950-х гг., ни в последующие десятилетия дело так и не дошло. Ограничились лишь консервационными мерами, чем было предотвращено дальнейшее разрушение памятника, но до сих пор храм внешне мало напоминает таковой: стоит он без главы, без колокольни, с отвалившейся от стен штукатуркой... Все эти годы он выполнял роль складского помещения для медицинского учреждения.

Руководство туберкулезного диспансера и Горздравотдела неоднократно поднимало вопрос о строительстве для него специального здания, но началось оно только в 1954 г. Новое здание противотуберкулезного диспансера на ул. Красноармейской было введено в эксплуатацию летом 1958 г. [1, 15 января, 6 июля 1958], после чего помещения на бывшем Печерском подворье он, наконец, покинул. Но «эстафету» его продолжил переведённый сюда онкологический диспансер, размещавшийся отныне в приспособленных помещениях подворья более полувека. Лишь совсем недавно он переехал в реконструированное и переоборудованное здание бывшей железнодорожной больницы и получил возможность работать в нормальных условиях. Все здания Печерского подворья, в т. ч. и церковь Одигитрии, опустели, и теперь с новой силой настоятельно встаёт вопрос об их реставрации. О восстановлении здесь своего подворья всерьёз задумывается Псково-Печерский монастырь, а в освободившемся, но все ещё находящемся в бедственном положении, здании храма Одигитрии уже проводятся богослужения.

Литература

1. Газета «Псковская правда», 1958.
2. Газета «Псковский набат», 1923, 1925, 1927.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО).
4. *Левин Н. Ф.* Псков на старых открытках. Вып. 3-й: Через века... по волнам Великой. Псков: ООО «Издательский дом «СТЕРХ»», 2003. 316 с.
5. Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (ОДНИЛС ГАПО).
6. Псков в годы Великой Отечественной войны: Очерки. Л.: Лениздат, 1981. 120 с.
7. Псков: Очерки истории. Л.: Лениздат, 1971. 368 с.
8. Псков через века: Памятники Пскова сегодня / Сост. И. К. Лабутина. СПб.: РИА «Ферт», 1994. 272 с.
9. *Спегальский Ю. П.* Псков: Художественные памятники. М.: Искусство, 1963. 312 с.

ПРИРОДНЫЕ И АРХИТЕКТУРНЫЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ ВЕЛИКОЙ

В низовьях р. Великой (от города Пскова до устья реки) встречаются не только интересные, но и уникальные природные и архитектурные достопримечательности, нуждающиеся в охране и реставрации. В статье даётся их характеристика и состояние сохранности на сегодняшний день, приводятся примеры нарушения соблюдения режима особой охраны на территории памятника природы.

Ключевые слова: река Великая, Снятная гора, крепостные стены и башни Застенья и Среднего города, «Снетогорско-Муровицкий» памятник природы.

*«Душа на Волхове,
а сердце на Великой»
(новгородская поговорка)*

Река Великая — главная и самая протяжённая река области. Её длина составляет 430 км. Река начинается из родников на Бежаницкой возвышенности близ озера Малый Вяз, течёт по Псковской низменности в северном направлении и впадает в Псковское озеро. От верховьев к устью река Великая меняет свой облик. В верховьях русло более извилистое, неширокое, протекает через 20 озёр. Река принимает воды 47 притоков.

В низовьях (от Пскова до устья) река Великая становится значительно полноводнее, она течёт в глубокой долине с крутыми склонами. Ширина меняется от 200 до 300 м. Ниже Пскова достигает своих максимальных измерений — глубины 12 м (у Снятной горы) и ширины 670 м (у пос. Писковичи). При впадении в Псковское озеро река образует дельту, состоящую из большого числа рукавов, разделённых многочисленными островами. В низовьях долины р. Великой много природных достопримечательностей, а также интересных памятников архитектуры. В черте города на левом берегу расположен Мирожский монастырь со Спасо-Преображенским собором, в котором сохранилась фресковая роспись XII в.

Рис. 1. Долина р. Великой у пос. Писковичи

А ниже по течению — церковь Успения у Парома, построенная в 1521 г. и далее на том же берегу памятник псковской старины — собор Иоанна Предтечи бывшего женского Ивановского монастыря, который был основан в конце XII в. На противоположном высоком правом берегу — одна из главных достопримечательностей — Троицкий собор, который неоднократно перестраивался, а с 1699 г. облик его почти не менялся.

Вдоль берега Великой в XVI в. были возведены крепостные стены Застенья и Среднего города. Самые мощные башни были возведены около Великой, где к городу могло подступить большое войско противника. Во время польской и шведкой осады пушки противника били именно по угловым башням Окольного города, выходящим к р. Великой. Войска противника стремились прорваться в город в этой прибрежной его части. Осада не велась в других местах крепости, т. к. на всём пространстве от угловых башен на восток от р. Псковы располагались непроходимые топи и болота, по кромке которых были выстроены стены окольного города. Именно поэтому самые мощные его башни стояли около Великой, где к городу могло подступить большое войско противника [4, с. 212–214].

В конце XV — начале XVI в. на берегу р. Великой в юго-западном углу Псковской крепости была возведена Покровская башня — самая мощная башня Пскова и одна из крупнейших в Европе. Её

общая высота с шатром составляет 40 метров, а наружная длина в окружности — 90 м. Башня имеет 5 ярусов. В 1581 г. в ходе шестимесячной осады Пскова поляками во время Ливонской войны здесь шёл ожесточённый бой псковичей с войсками Стефана Батория. Врагу удалось разрушить крепостную стену и захватить Покровскую башню, но благодаря мужественным защитникам враг не смог достичь цели и овладеть городом [3, с. 18].

Ещё одно интересное сооружение на набережной Великой — сохранившаяся Мстиславская башня XVI в. В древности она называлась Бурковым костром, а первую башню на этом месте построили ещё в 1395 г. Это единственная башня Среднего города, сохранившаяся до наших дней, она являлась угловой башней Нового Застеня (или Среднего города). Возле неё в Великую впадала речонка Зрачка, протекающая вдоль стены Среднего города. После расширения города на юг, башня стала частью Окольного города. Четвёртое кольцо псковских укреплений, возводимое с 1374 г., начиналось от этой башни и выходило к реке Пскове.

Ещё ниже по течению реки расположена следующая оборонительная башня крепости — Власьевская, построенная в начале XV в. Башня располагалась у переправы через р. Великую и защищала подступы к Кремлю, Довмонтову городу со стороны Завеличья и общественный центр Пскова — Торг. Название получила по церкви святого Власия на Торгу, которая располагалась рядом. В башне были устроены проездные ворота с плавучего моста в центральную часть города на торговую площадь Пскова. К северному фасаду башни примыкает крепостная стена Среднего города. И далее с набережной Великой просматривается следующая башня — Смердя (Довмонтова башня). В этом месте были ворота и захаб. В XIX в. полуразрушенную башню перестроили, сделав стилизацию под старинные башни западных замков. Из высокой круглой башни, уходящей своим основанием к реке, получилась низенькая гранёная башенка западного типа [4, с. 198].

Крепостная стена, идущая вдоль берега Великой, заканчивается башней Кутекрома («кут» — угол, т. е. башня в углу Крома). Построена в 1400 г. В начале XIX в. на месте почти разрушенной башни была беседка, в которой, по преданию, любил бывать А. С. Пушкин, когда посещал Псков. В 1961 г. башня была восстановлена. От башни Кутекрома крепостная стена спускается к устью реки Псковы, где в 1500 г. были построены ещё две башни — Плоская и Высокая (Воскресенская). В настоящее время башни реставрируются. От Высокой башни крепостная стена продолжается на север по берегу р. Великой до Варламовской башни, возведённой в XV в. Именно здесь в 1615 г. швед-

ский король Густав Адольф предполагал пробиться в Псков, но потерпел неудачу. У этой башни крепостная стена сворачивает на восток и тянется по Запсковью до Гремячей башни [3, с. 28–30].

У моста Александра Невского через р. Великую на правом берегу можно видеть ещё одно интересное архитектурное сооружение — церковь Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла Серёткина монастыря на Брезе. Церковь построена предположительно в XV в. Прежде здесь был Петропавловский монастырь, упразднённый в 1764 г. В церкви два престола: главный — Святых Апостолов Петра и Павла, в приделе — Успения Божией Матери. Историки считают, что именно на этом месте в 1299 г. произошла последняя битва князя Довмонта-Тимофея с немцами, здесь им была одержана победа. Следовательно, первое упоминание о Серёткине монастыре относится к 1299 г. В церкви в 1683 г. был погребён архиепископ Псковский и Изборский Арсений. Память об архипастыре почиталась в Пскове [4, с. 198].

Ещё ниже по течению на правом высоком скалистом берегу Снятной горы, откуда открывается панорама Пскова, расположен целый архитектурный ансамбль памятников — Снеготорский монастырь. Монастырь впервые упоминается в летописи в 1299 г. Уникальность Снеготорского монастыря связана со всемирно известными фресками храма Рождества Богородицы (1311 г.), расписанными мастерами псковской школы монументальной живописи. В 1519 г. на обрывистом берегу р. Великой была построена Никольская трапезная церковь, сочетающая формы церковной и гражданской архитектуры. В 1526 г. была возведена шатровая церковь Вознесения «под колоколы» — Снеготорский столп, возвышающийся над рекой и окрестными полями.

Здесь проходил древнейший водный путь из глубин Псковской земли в Прибалтику — торговый, военный, дипломатический.

Снятная гора — одно из живописных мест Пскова. По мнению некоторых, напоминает Жигули на Волге [3, с. 32]. Снятная гора, как и Жигули, поднимается над окружающей местностью в излучине реки, её склоны обрывисты. Своё название эта гора получила, очевидно, от снетка, который в прошлом в изобилии заходил сюда из Псковского озера. Гора обрывается у самого берега реки отвесной стеной, вскрывая мощное обнажение среднедевонских известняков и доломитов. Эти породы использовались в качестве строительного материала ещё во времена древнего Пскова, стены которого были построены целиком из местного камня. А цветные глины из этих обнажений использовались для приготовления красок в иконописи [1, с. 51–52].

Берег р. Великой на всём протяжении от Снеготорского монастыря до дер. Муровицы крутой и обрывистый, высотой до 18 метров.

Здесь можно наблюдать обнажения коренных пород франского яруса верхнего девона. Снегогорские слои представлены плитчатым доломитом серого и зеленовато-серого цвета с фиолетовыми пятнами и полосами с прослоями тонкоплитчатого мергеля и пёстро-цветных глин. Встречается фауна, представленная остатками брахиопод и панцерных рыб. Залегание слоёв почти горизонтальное. Уникальность объекта в том, что это первый из типичных эталонный геологический разрез на территории России. Он был описан в 1930 г. Д. В. Обручевым. Название геологических слоёв (снегогорские) дано по месту их первого обнаружения [1, с. 50–51].

Рис. 2. Обнажения девонских пород на Снятной горе

У посёлка Писковичи, расположенного ниже по течению на высоком правом берегу Великой, в береговых обрывах также наблюдаются выходы карбонатных пород снегогорских слоёв, но здесь они подстилаются толщей разнотернистых кварцевых светло-серых песков с характерной слоистостью прибрежно-морского типа с прослоями пёстро-цветных глин швентойского горизонта и остатками рыб.

Рис. 3. Снетогорские слои из доломита и мергеля на Снятной горе

Естественные геологические обнажения на всём протяжении от Снятной горы до Муровиц уже много лет разрушаются из-за естественных процессов выветривания, а также в результате различных антропогенных воздействий, например, таких, как прокладывание троп на крутых склонах, выдалбливание ниш, типа пещер, для устройства в них гаражей под лодки и прочего бытового складирования, а также непродуманных способов закрепления обвалов горных пород древних геологических обнажений Снятной горы с помощью техногенного материала. Это совершенно недопустимо, поскольку участок правого берега р. Великой — от Снятной Горы до деревни Муровицы — представляет собой единый ландшафтный комплекс, с входящими в него уникальными геологическими, геоморфологическими, гидрологическими, ботаническими и зоологическими объектами.

Постановлением Администрации области в 1995 г. этот участок был объявлен особо охраняемой природной территорией, а в 2005 г. утверждено Положение о памятнике природы «Снетогорско-Муровицкий». Общая площадь памятника природы составляет 46,93 га. Установлены его границы. Введён режим особой охраны, который предусматривает на данной территории запрет на проведение земельных работ глубиной более 0,3 м и возведение строений; отвод земель под любые виды пользования; прокладывание через территорию любых но-

вых коммуникаций; любые рубки и повреждения деревьев и кустарников, уничтожение травянистой растительности; проведение всех видов мелиоративных работ; применение любых ядохимикатов; проведение изыскательских работ и разработку месторождений полезных ископаемых; загрязнение территории, складирование и захоронение отходов; проезд крупногабаритного транспорта вблизи береговых склонов; строительство [2, с. 25–26].

Рис. 4. Закрепление обнажения горных пород обрывистого берега на Снятной горе

В пос. Писковичи есть не только уникальные геологические обнажения, но и памятник архитектуры, возведённый на высоком берегу в 1699 г., — церковь Матфея Апостола на погосте Нёготь. В храме уникальный иконостас — резьба в стиле барокко XVIII в. Притвор украшает Божий лик — живописный (первая половина XVIII в.), с изображением Иисуса Христа.

Местность, где находится храм, является исторической, т. к. по р. Великой в IX–XII вв. проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки» и по всему побережью указанием княгини Ольги были учреждены погосты. Церковь построена из плиты — восьмерик на четверике с пятигранным алтарём, интересным поясом декоративных кокошников под карнизом восьмерика, с северным Никольским приделом. Невысокая шатровая колокольня была пристроена в 1874 г. На колокольне пять колоколов.

Рис. 5. Церковь Матфея Апостола на погосте Нёготь

На противоположном от Пискович левом берегу в деревне Кусва есть ещё одна интересная достопримечательность, в настоящее время находящаяся в аварийном состоянии и нуждающаяся в реставрации. Это церковь Святых мучеников Минны, Виктора и Викентия. Построена в XVII в. (приблизительно в 1650–1700 гг.) из известняковой плиты и кирпича. Церковь в Кусве была построена тогда, когда псковская школа зодчества пришла к упадку. Начался период поиска иных форм и строительных приёмов. Здесь впервые зодчие применили кирпич в декоре фасадов. На окнах были богатые наличники, гранёный декоративный барабан, барочная глава. Этот тип храмов не имел аналогов не только на Псковской земле, но и в древнерусском зодчестве. Со стороны запада к стене притвора примыкает прямоугольная и трёхъярусная колокольня. В 1895 г. достаточно старая трёхстолпная звонница была разобрана, а рядом с притвором на средства прихожан была возведена трёхъярусная колокольня, имеющая пять колоколов. Оконные проёмы четверика имеют декор в виде нарядных кирпичных наличников, которые состоят из гранёных и полукруглых полуколонн, имеющих керамические изразцы [4, с. 33].

На том же левом берегу р. Великой ещё ниже по течению, в 18 километрах к северо-западу от Пскова, расположена церковь Николы Чудотворца с Устья (у деревни Устье). Это храм-маяк, предвестник

Пскова. Место необычайно живописно, вокруг водные просторы, с островами. Церковь построена во второй половине XV в. Упомянута в летописи в связи с посещением её в 1473 г. византийской принцессой Софьей Палеолог, когда она ехала из Рима в Москву к своему будущему супругу великому князю Ивану III.

Храм одноглавый, трёхапсидный, восьмискатный, наружные стены разбиты на три части лопатками. В XV–XVI вв. был сооружён притвор с трёхстолпной звонницей, портал был расписан фресками. Считается одним из лучших памятников псковской архитектуры этого времени. Южный придел во имя иконы Казанской Божией Матери появился в XVIII веке. В 1866 г. к расписанному фресками portalу были пристроены трёхъярусная колокольня и новый притвор. Во время Великой Отечественной войны церковь сильно пострадала. Сейчас храм полностью реставрирован [3, с. 34].

Научно-познавательная ценность природных и архитектурных памятников и достопримечательностей прибрежной зоны низовьев р. Великой, их уникальность и своеобразие позволяет отнести эту территорию к примечательным природно-архитектурным ландшафтам не только нашего края. Необходимо разработать меры по дальнейшей охране и бережной реставрации всех уникальных объектов, расположенных в этой части речной долины Великой.

Литература

1. *Зубаков Р. А., Судницына Д. Н.* Снетогорско-Муровицкий ботанико-геологический памятник природы // Памятники природы Псковской области и их охрана: Краткие тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1979. С. 50–52.

2. *Можжина Т. Э., Яблоков М. С., Цветкова И. В., Розов Н. Г.* Особо охраняемые территории Псковской области. Псков: Государственный комитет Псковской области по природопользованию и охране окружающей среды, 2002. 77 с.

3. *Палакс В. Г.* По Псковско-Чудскому водоёму. Лениздат, 1982. 127 с.

4. По древнерусским городам / Под ред. Б. В. Емельянова. М.: Профиздат, 1983. 302 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ОСНОВА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ПОЛИСТОВСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

Рассказывается об уникальном природном заповеднике «Полистовский», расположенном среди лесов и болот, о сохранении в этой местности, где ещё недавно были деревни и хутора, самобытной культуры.

Ключевые слова: заповедный край, Красная книга, редкие растения и животные, верховые болота, традиционная кухня.

«Река Ловать лежала когда-то на пути «из варяг в греки» и поэтому первые поселения в этом крае относятся ко времени самой седой старины. Во многих местах под вековыми лесами здесь можно встретить следы пахотных борозд; при вырубке лесов открывают разрушенные старые колодцы, находят не употребляемые ныне орудия, монеты, остатки посуды и прочее. Всё это свидетельствует о том, что непоседа-славянин бродил когда-то по всему краю» [1].

Полистовский заповедник был создан в 1994 г. Расположен в Бежаницком и Локнянском районах Псковской области. Его территория включает западную часть Полистово-Ловатской болотной системы, самой крупной верховой болотной системы Европы, состоящей из 15 слившихся болотных массивов. Заповедник достаточно молодой, но в то же время он играет значимую роль как в жизни региона, так и в более глобальном отношении.

Более 20 крупных озёр и большое количество рек болотной системы являются частью бассейнов рек Полисть и Ловать, занимают центральное место в регуляции гидрологического режима Северо-Западного региона Российской Федерации.

Верховая болотная система Полистовского заповедника является уникальным, крупнейшим в Европе естественным фильтром. В верховом болоте происходит постоянное накопление органического вещества. Различного рода загрязнители фиксируются органическими веществами верхового болота и остаются в грунте вместе с торфом. Таким образом, на «выходе» из болотного массива Полистовского запо-

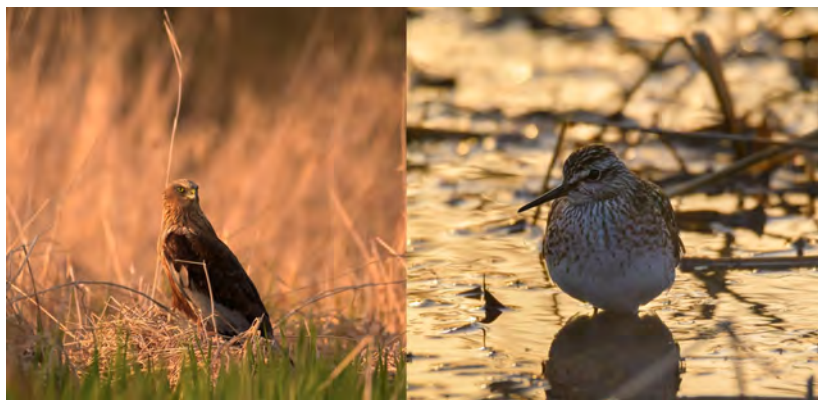
ведника остаётся практически дистиллированная вода (не считая органических кислот, выделяемых мхом сфагнумом), которая затем поступает в бассейны Северо-Западного региона: озеро Ильмень, реку Неву и в Финский залив.

В результате сжигания углеродного сырья в атмосферу ежедневно выделяется огромное количество углекислого газа, что ведёт к его накоплению. Это является одной из причин так называемого «парникового эффекта» и происходящего глобального изменения климата планеты. Уникальность растительных сообществ верховых болот состоит в том, что поглощённый углерод навсегда остаётся в биосфере — откладывается в виде торфа. Таким образом, верховые болота — единственные природные системы, противодействующие накоплению CO_2 в атмосфере.

Уникальные экосистемы болотных ценозов Полистовского заповедника обеспечивают поддержание биологического разнообразия, в т. ч. популяций ряда видов редких растений и животных, занесённых в Красную книгу Российской Федерации. Здесь обитает крупнейшая из известных в лесной зоне Европы локальная популяция большого кроншнепа. Обычны на гнездовье южная золотистая ржанка, средний кроншнеп и серый сорокопут. Болотная система является крупнейшим на Северо-Западе России естественным резерватом некоторых видов птиц, находящихся под угрозой исчезновения: европейской чернозобой гагары, беркута, среднерусской белой куропатки (рис. 1, 2).

Рис. 1. Чернозобая гагара и морошка (фото А. Колотилина)

Рис. 2. Слева — болотный лунь; справа — фи́фи (фото К. Соварцевой)

Верховые болотные системы Полистовского заповедника являются крайне уязвимыми экологическими системами, т. к. изменение гидрологического режима, добыча торфа, и даже использование гусеничной техники способно привести к необратимым изменениям биогеоценоза. Поэтому в заповеднике поддерживается самый строгий режим охраны — запрет любого вида деятельности и нахождения на территории посторонних лиц. Полистовский заповедник непосредственно граничит на востоке с Государственным природным заповедником «Рдейский», имеющим аналогичную значимость (оба заповедника находятся на территории Полистово-Ловатской болотной системы).

Важными задачами, которые стоят в настоящее время перед Полистовским заповедником, наряду с охраной территории и проведением различного рода научных и исследовательских работ, является экологическое просвещение и экологический туризм. С этой целью проводится обширная работа, включающая в себя проведение занятий в учреждениях образования и культуры, организацию фотовыставок, акций и праздников на природоохранную тематику и многое другое. Также на территории заповедника и охранной зоны организованы экологические тропы, чья основная задача — знакомить жителей и гостей области с природным наследием края, системой ООПТ России и возможностями поддержки заповедного дела. На тропах представлены основные экосистемы заповедника — различные виды болот, леса, водные артерии, луга (рис. 3–5).

Рис. 3. Экологическая тропа (фото Р. Машина)

Рис. 4. Цветение клюквы (фото А. Колотилина)

Рис. 5. Росянка на болоте (фото Ю. Абрамовой);
лисёнок (фото А. Рябинина)

Обратившись к истории Полистовского края, мы увидим, что эта территория полностью закрыта для деятельности человека только последние почти 25 лет (непосредственно территория заповедника). Этому этапу предшествовал период более плотного взаимодействия людей с окружающей природой, прежде всего это касается современной охранной зоны заповедника.

Если мы посмотрим на карты и архивные документы начала прошлого века, то увидим, что на ряде болотных островов и прилегающих к болоту территориях были расположены деревни и хутора. Земли возделывались для выращивания различных сельскохозяйственных культур — зерновых, картофеля, льна, были пастбища и сенокосы. Однако условия жизни в этих местах достаточно специфичны. Обратимся за сведениями к очерку Николая Михайловича Кислякова «Восточный болотный край Псковской губернии» 1905 г. [1].

На территории восточного болотного края Псковской губернии в начале XX в. частично или полностью располагались двадцать волостей, наиболее заболоченными из которых были Полистовская, Цевельская, Локонская и Хлавицкая. По приведённым данным, болота занимали до 77 % площади Полистовской волости и свыше 40 % территории Цевельской и Хлавицкой волостей.

Конечно, условия жизни в этих местах были крайне суровы. Каким образом, например, осуществлялось распределение земель под те или иные нужды? Лучшие земли всегда отдавались под зерновые, ме-

нее пригодные земли — под сенокос, другие — под различные постройки, а самые негожие — под пастбища.

Небольшая иллюстрация из указанного очерка, где автор описывает своё путешествие к дер. Сусельница Полистовской волости: «В одном месте в нескольких сажнях от дороги попала одиноко пасущаяся лошадь, забравшаяся в болото выше колена. Ближе к деревне в конце кладок мы встретили группу крестьян, выносивших из болота на спинах «гужками» сено. По словам их, такая «благодать», т. е. возможность убирать болотное сено, бывает не каждый год: в дождливые годы так много бывает воды, что в болото совсем нельзя войти, а ложе старой дороги представляет собой будто нечто вроде речки, по которой можно ехать на лодке». Встретить стадо коров почти по шею в трясине, с поднятой вверх головой — здесь обычное явление. В Цевельской волости нам пришлось слышать даже нечто вроде анекдота, что будто бы когда здешний скот попадает на сухое пастбище, то долго не может привыкнуть искать корм под ногами, и всё продолжает держать голову вверх. (...) Население островных деревень этих волостей в течение всего лета совершенно оторвано от остального мира, если не считать пешеходного сообщения по кладкам первобытной конструкции» [1].

Были здесь развиты и определённые промыслы и производства. Среди кустарных промыслов довольно видное место занимало изготовление колёс, телег и саней. Этим промыслом занято было свыше 800 семей в волостях Локонской, Голубицкой, Лосевской и Бежаницкой, отчасти Троицкой и Цевельской. Изготовлением бондарных изделий (вёдра, кадки) занята была главным образом Полистовская волость. В большинстве областей встречалось изготовление разных других поделок из дерева: коромысел, сундуков, разной посуды, лопат и пр. Лесные промыслы (рубка и возка леса, разработка дров) являются самыми распространёнными из всех местных заработков. Промышляло местное население и сбором ягод, прежде всего клюквы.

Эти данные иллюстрируют жизнь Полистовского края в начале XX в. Далее пришла Советская власть, повсеместно были образованы колхозы — «Первое мая» в дер. Холодец, «Весёлый остров» в Свинове, «Первое мая» в Иванисове, «Красный лебедь» в Лебедеве, «Им. Сталина» в Оболонье, «Новый путь» в д. Язвы и многие др.

Прошёл период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., деревни были разрушены, а те, что не разрушены — заброшены. Многие люди не вернулись или же съезжались в более крупные населённые пункты, где было легче налаживать жизнь и быт. Затем последовал период укрупнения населённых пунктов в сельской местности, на-

селение разъезжалось. Деревень в этих краях становилось всё меньше, да и те, что остались сегодня, постепенно мельчают.

И, тем не менее, каждая деревня, каждый хутор — это особый уклад и быт. И одна из задач руководства Полистовского заповедника — помочь жителям полистовских деревень сохранить свою историю. Во многом она, конечно, близка истории других селений, входивших ранее в состав Псковской губернии, а ныне относящихся к Псковской области. И всё же жизнь вблизи болот специфична, она накладывает отпечаток на всё — в лексиконе появляются слова, характерные именно для этих мест (*оболонь* — поле, участок в низине; *грива* — сухое место на болоте, *кочкарник* — болото с большим количеством кочек, *мишить* — переконпачивать стены мхом (сфагнумом) для утепления; *моховина* или *болотина* — сено, скошенное с низких мест, *веснянка* — клюква, перезимовавшая под снегом), развиваются определённые промыслы, готовятся определённые блюда. И эту самобытность важно сохранить, познакомить с ней детей и внуков жителей деревень, гостей Полистовского края.

Сейчас в деревне Цевло есть Краеведческий музей, созданный учительницей бывшей Цевельской школы. Он знакомит с более чем 500-летней историей деревни, её бывшими владельцами и известными людьми, чьи судьбы были связаны с этими местами, предметами быта и жизнью крестьян.

Ещё один музей деревенского быта был открыт в деревне Гоголево. Он создан в помещении избы, построенной из шпалы немецкой узкоколейной железной дороги, проложенной здесь во время Второй мировой войны. Ранее в здании располагался кордон Заповедника, а сейчас большая его часть отдана под музей, воссоздающий обстановку деревенской избы второй половины XX в. Большинство предметов мебели и быта, составляющих экспозицию музея, переданы жителями деревни Гоголево и близлежащих населённых пунктов. Здесь гости музея могут не только посмотреть на предметы старины, но и попробовать справиться с нехитрыми занятиями, знакомыми большинству хозяек из недавнего прошлого — пронести вёдра на коромысле, поставить с помощью ухвата в печь чугунок, завести пластинку на патефоне и многое другое (рис. 6).

Ведётся работа и по сохранению традиционной цевельской и гоголевской кухни: сотрудники заповедника помогают в сборе рецептов, которые ещё помнят деревенские старожилы, и именно такими блюдами сейчас угощают приезжающих гостей местные хозяйки. Чего стоят только названия, будто сошедшие со страниц русских сказок, —

блинцы, томлёные в молоке; лапти капустные или картофельная баба с мясом?!

Рис. 6. Слева — музей деревенского быта в д. Гоголево (фото Ю. Яковлева); справа — мастер-класс по ткачеству (фото И. Мининой)

Туристов, приезжающих познакомиться с природой Полистовья, всегда приглашают принять участие в авторских экскурсиях местных жителей, попробовать деревенскую кухню или сходить в Краеведческий музей. Местные мастерицы проводят мастер-классы, знакомящие гостей Полистовья, а также юных жителей с различными ремёслами и навыками. Регулярно организуются традиционные деревенские праздники.

Природа и культура народа неделимы, из тех условий среды, в которых живёт тот или иной народ, вырастает его история, быт, фольклор, формируется мировоззрение и жизненный уклад. Нельзя сохранить что-то одно, полностью отказавшись от другого. Сберегая природное наследие, мы должны сохранить и историю этих мест для наших потомков, ведь, как говорится в русской пословице, — «Без корня и полынь не растёт».

Литература

1. *Кисляков Н. М.* Восточный болотный край Псковской губернии. СПб., 1905 г.

С. И. Евдокимов

Псковский государственный университет, Россия
E-mail: serenia-8178@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАНИЦ ПСКОВСКОЙ И ВЕЛИКОЛУКСКОЙ ОБЛАСТЕЙ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1944–1958 ГГ.)

В статье проанализированы причины неоднократного изменения административно-территориальных границ Псковской, Тверской и послевоенной Великолульской областей.

Ключевые слова: границы, экономическая целесообразность, «центр тяготения».

Если сравнить современные границы Псковской области, вытянутой с севера на юг вдоль реки Великой, и карту Псковской губернии до 1924 г., выглядящую в виде «сапога», то можно увидеть множество несовпадений границ, хотя считается, что после всех советских административно-территориальных реформ территория региона вернулась к губернским границам. На самом деле это не так.

Территория Псковской губернии просуществовала со времён Екатерины Второй до 1924 г. в неизменном виде около 200 лет в составе восьми уездов: Псковского, Порховского, Опочецкого, Островского, Новоржевского, Холмского, Великолуцкого и Торопецкого. Однако в 1927 г. на Северо-Западе началась областная реформа, основной целью которой было создание сильных административных образований. Областная реформа устранила иерархию губерния — уезд — волость. Таким образом, территория бывшей «царской» губернии потеряла свой административно-управленческий статус и была разделена на округа: Псковский и Великолуцкий, которые входили в огромные по площади Ленинградскую и Калининскую области (рис. 1). Отменено данное деление было в начале 1940 г.: в этот момент реформы АТД прерывает Великая Отечественная война.

Рис. 1. Административно-территориальное деление Псковской и Великолукской областей в 1944–1952 гг. [5]

Цифрами обозначены районы Псковской и Великолукской областей.
Псковская область: 1 — Ашевский; 2 — Гдовский; 3 — Дедовичский; 4 — Дновский; 5 — Карамышевский; 6 — Качановский; 7 — Лядский;

8 — Новоржевский; 9 — Новосельский; 10 — Островский; 11 — Павский; 12 — Палкинский; 13 — Печорский; 14 — Плюсский; 15 — Пожеревицкий; 16 — Полновский; 17 — Порховский; 18 — Псковский; 19 — Пушкино-Горский; 20 — Пыталовский; 21 — Серёдкинский; 22 — Славковский; 23 — Сошинский; 24 — Струго-Красненский.

Великолукская область: 1 — Бежаницкий; 2 — Бельский; 3 — Великолукский; 4 — Жарковский; 5 — Идрицкий; 6 — Ильинский; 7 — Красногородский; 8 — Кудеверский; 9 — Куньинский; 10 — Ленинский; 11 — Локнянский; 12 — Невельский; 13 — Нелидовский; 14 — Новосокольнический; 15 — Октябрьский; 16 — Опочецкий; 17 — Пеновский; 18 — Плюсковский; 19 — Подберезенский; 20 — Пореченский; 21 — Пустошкинский; 22 — Себежский; 23 — Сережинский; 24 — Торопецкий; 25 — Усвяцкий; 26 — Усмынский; 27 — Холмский; 28 — Усть-Долынский.

В становлении административно-территориального деления (АТД) Псковской области с 1944 г. по 1958 г. можно выделить два периода: 1) административная самостоятельность Псковского региона в 1944–1957 гг. в виде двух областей: Псковской и Великолукской; 2) самостоятельность Псковского региона с 1957 г. по настоящее время в виде Псковской области.

Наибольший интерес вызывает второй период. Это время, когда ликвидируют Великолукскую область с передачей псковских губернских уездов сопредельным областям.

После освобождения Псковского региона с целью создания наиболее благоприятных условий для восстановления народного хозяйства Ленинградская и Калининская области были разукрупнены, в результате чего 22 августа 1944 г. была образована Великолукская область, а 23 августа 1944 г. — Псковская область [1; 2]. В 1945 г. площадь Псковской области составляла 31,7 тыс. кв. км, Великолукской области — 44,8 тыс. кв. км [4], (см. рис. 1). Таким образом, территория Великолукской области превышала территорию Псковской области на 13,1 тыс. кв. км.

В таком составе территории просуществовали до 1957 г. Великолукская область просуществовала до 2 октября 1957 г., после чего была упразднена (рис. 2).

Основная цель, регламентируемая при упразднении Великолукской области, — ликвидация административной раздробленности с учётом экономической общности территорий Псковской и Великолукской областей.

Рис. 2. Административно-территориальное деление Псковской области в 1957–1958 гг. [5]

Проанализировав принятое решение, можно предположить, что данные меры были приняты для ослабления влияния г. Великие Луки. Основываясь на общеизвестных теориях «центральных мест» В. Кристаллера, «теории размещения» А. Леша и концепции «центр-периферия» Д. Фридмана [3], можно предположить, что в случае развития Великолуцкой области в границах, принятых с 1944 г., спустя некоторое время Великие Луки стал бы полноценным городом (условно того же ранга), как и Псков. Как раз в период с 1944 г. по 1957 г. наблюдается стремительное развитие Великих Лук. Похожая ситуация уже была на Псковской земле, когда губернский центр из Пскова был перенесён в Опочку в 1772 г. — период «расцвета» Опочки. Предвидя данную перспективу, руководство страны решило не рисковать и свести областные города к губернским, т. е. к Пскову, Новгороду, Твери и т. д.

Причин, по которым губернские уезды не были переданы в подчинение Пскову, было две. Первая — увеличение территории Псковской губернии в 1924 г. за счёт присоединения трёх уездов из состава Витебской губернии: Себежского, Невельского и Велижского. Вторая причина — включение в 1935 г. в состав Псковского округ трёх уездов из Ленинградской области: Гдовского, Плюсского и Струго-Красненского.

Внесённые изменения в целостность губернии включали новые центробежные механизмы и центры тяготения: присоединённые северные районы укрепили влияние Пскова, а южные — Великих Лук. Объединение Псковской и Великолуцкой областей происходило с передачей районов, входивших с давних времён в состав Псковской губернии, Новгородской, Тверской и Смоленской областей. Самая главная причина, по которой территории не оставили в составе Псковской области, — не дать возможности «перетянуть одеяло» Великим Лукам на себя, и в перспективе перенести административный центр в Великие Луки.

Известно, что чем ближе институт власти к территории, тем она лучше управляется. В период с 1944 по 1957 г. наблюдалось стремительное развитие Великих Лук — город совершил «скачѣк» по всем социально-экономическим показателям.

Чтобы косвенно оценить решение передачи уездов, можно измерить расстояние между переданными районами и их областными центрами, сравнив их с расстоянием до Пскова. Так, от Пскова до Велижа (по дороге) — 325 км, до Смоленска — 96 км, от Пскова до Торопцы — 345 км, до Твери — 300 км, от Пскова до Холма — 264 км, до Новгорода — 190 км. Потеря статуса административного центра и самоуправления ослабляет отдалённые от новых районных центров воло-

сти. Чтобы сбалансировать развитие территории и минимизировать транспортные затраты между Псковом и Великими Луками, было бы логично в тот период времени сделать областным центром Опочку, что вероятно не входило в планы руководства.

Литература

1. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988). Справочник № 1 / Ред. Т. Е. Герасименок и др. Лениздат, 1988. 454 с.

2. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–2000 гг). 2 кн. Кн. 1 / Ред. Т. Е. Герасименок и др. Псков, 2002. 464 с.

3. *Голубчик М. М.* Социально-экономическая география: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 419 с.

4. *Евдокимов С. И.* Административно-территориальные преобразования в России: оценка исторического опыта // Псковский регионалогический журнал. 2010. № 10. С. 23–28.

5. *Манаков А. Г., Евдокимов С. И.* Устойчивость границ Псковского региона: историко-географический анализ // Псковский регионалогический журнал. 2010. № 10. С. 29–48.

6. [Электронный ресурс]: URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b/spr.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b>

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье отражены основные тенденции развития демографических процессов в Псковской области. Приведена динамика численности населения региона, показателей естественного и механического движения населения Псковской области.

Ключевые слова: демографическая ситуация, рождаемость, смертность, естественный прирост населения, миграционный прирост, сальдо миграции.

Псковская область относится к регионам с неблагоприятной демографической обстановкой. На протяжении многих лет численность населения региона постоянно сокращается. На 1 января 2018 г. в Псковской области было зарегистрировано 636,5 тыс. чел. В январе 2000 г. в регионе проживало 793,2 тыс. чел. За этот период число жителей области сократилось на 156,7 тыс. чел., что составляет 19,75 %.

Ежегодные темпы сокращения численности населения Псковской области в начале XXI в. были значительно выше современных и отмечались на уровне 1,22–1,74 %. Высокими значениями этого показателя характеризовались 2004 и 2006 гг. (1,64 % и 1,74 % соответственно), максимальное значение было зарегистрировано в 2005 г. — 1,87 %. С 2011 г. в динамике численности населения региона произошли заметные изменения. Темпы сокращения населения замедлились и уже не превышали 0,83 % в год (табл. 1). 2011 и 2016 гг. характеризовались самыми низкими значениями этого показателя, численность населения области в эти годы сократилась всего на 0,65 %. В 2017 г. темпы сокращения населения Псковщины снова выросли: число жителей региона сократилось на 5618 чел., что составило 0,87 % населения.

Сокращение числа жителей области происходит в результате процессов естественного и механического движения населения. Основной причиной сокращения численности населения Псковской области является естественная убыль населения, которая обусловлена низкой рождаемостью и высокой смертностью в регионе.

Таблица 1

Численность постоянного населения Псковской области
(на 1 января) с 2000 по 2018 гг.

Годы	Все население, чел.	Сокращение населения за год	
		Чел.	%
2000	793239	11395	1,43
2001	781844	12191	1,56
2002	769653	11534	1,49
2003	758119	11369	1,49
2004	746750	12230	1,64
2005	734520	13750	1,87
2006	720770	12536	1,74
2007	708234	8643	1,2
2008	699591	9256	1,3
2009	690335	8443	1,2
2010	681892	10620	1,56
2011	671272	4348	0,65
2012	666924	5417	0,81
2013	661507	4946	0,75
2014	656561	5453	0,83
2015	651108	4734	0,73
2016	646374	4210	0,65
2017	642164	5618	0,875
2018	636546		

Начало 2000-х гг. характеризовалось очень высоким уровнем естественной убыли населения в Псковской области. Этот показатель отмечался на уровне 15 чел./1000 жит., в 2003 и 2005 гг. естественная убыль была даже близка к 16 чел./1000 жит. Только в 2006 г. стали намечаться положительные тенденции в развитии процессов естественного движения населения Псковщины. Показатель естественной убыли населения снизился по сравнению с предыдущим годом на 1,4 чел./1000 жит., составив 14,4 чел./1000 жит. В следующем, 2007 г., он ещё сократился на рекордные 3,2 чел./1000 жит. и с этого момента стал постепенно снижаться. (табл. 2).

Таблица 2

Показатели естественного движения населения Псковской области
в XXI в., чел./1000 жит. [3]

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
2000	7,4	22,3	-14,9
2001	8,0	22,8	-14,8
2002	8,5	23,8	-15,3
2003	9,0	24,9	-15,9
2004	9,1	24,2	-15,1
2005	8,8	24,6	-15,8
2006	9,0	23,4	-14,4
2007	9,8	21,0	-11,2
2008	10,1	21,8	-11,7
2009	10,5	21,1	-10,6
2010	10,5	21,2	-10,7
2011	10,5	19,4	-8,9
2012	11,1	19,6	-8,5
2013	11,0	18,6	-7,6
2014	10,9	18,4	-7,5
2015	11,0	18,2	-7,2
2016	11,1	17,9	-6,8
2017	9,5	17,4	-7,9

В результате, в 2011 г. естественная убыль населения Псковской области была зарегистрирована уже на уровне 8,9 чел./1000 жит. [2], к 2015 г. этот показатель сократился ещё больше, составив 7,2 чел./1000 жит. В 2016 г. естественная убыль населения уже не переступила порог в 7 чел./1000 жит., составив 6,8 чел./1000 жит., что в 2,2 раза меньше по сравнению с началом 2000-х гг. Это стало возможным за счёт снижения смертности до 17,9 чел./1000 жит. и роста рождаемости до 11,1 чел./1000 жит.

Однако итоги прошедшего 2017 г. оказались неутешительными: впервые за последние годы естественный прирост населения снизился по сравнению с предыдущим годом. Показатель естественного прироста сократился на 1,1 чел./1000 жит., составив -7,9 чел./1000 жит. Это произошло в результате резкого падения рождаемости, и даже продолжающееся снижение смертности не позволило сохранить показатель естественной убыли на уровне прошлого года.

В течение рассматриваемого периода рождаемость на территории Псковской области характеризовалась небольшим, но стабильным ростом показателей. В 2000 г. рождаемость была зарегистрирована на уровне 7,4 чел./1000 жит., к 2010 г. показатель рождаемости на территории Псковского региона вырос до 10,5 чел./1000 жит. На протяжении последних 5 лет рождаемость в области держалась на уровне 11 чел./1000 жит. [1]. И только 2017 г. внёс свои коррективы в развитие этого процесса. Впервые за 18 лет показатель рождаемости резко упал на 1,6 чел./1000 жит. и составил 9,5 чел./1000 жит. (см. табл. 2), оказавшись на уровне 2007 г. Такое резкое сокращение рождаемости, в первую очередь, обусловлено чисто демографическими причинами: вхождением в фертильный возраст малочисленного поколения детей, родившихся в экономически тяжёлые и нестабильные 90-е гг. XX в.

Заметно снизился уровень смертности. В начале XXI в. этот показатель составлял 22,3 чел./1000 жит. (2000 г.) и характеризовался тенденцией к росту. В 2003 г. в Псковской области был отмечен максимальный уровень смертности — 24,9 чел./1000 жит., после чего смертность начала постепенно снижаться. В 2011 г. показатель смертности составил уже меньше 20 чел./1000 жит. и был зарегистрирован на уровне 19,4 чел./1000 жит. В результате стабильного сокращения смертность снизилась до 18,2 чел./1000 жит. в 2015 г. [1], а в 2016 г. уже не перешагнула отметку 18 чел./1000 жит. и составила 17,9 чел./1000 жит. В 2017 г. этот показатель был зарегистрирован на уровне 17,4 чел./1000 жит. В сложившейся на территории Псковского региона демографической ситуации такое стабильное сокращение смертности является весьма обнадеживающим фактором в развитии

процессов естественного движения населения. Однако уровень смертности в регионе сохраняется по-прежнему на довольно высоком уровне. Псковская область остаётся регионом с самой высокой смертностью в России.

Кроме естественного движения населения, на динамику численности населения области оказывает влияние механическое движение населения. По общим итогам миграции в 2016 г. миграционный прирост Псковской области составил 177 чел. В 2017 г. сальдо миграции сменило положительный знак на минус, составив -548 чел. Это связано, прежде всего, с увеличением оттока населения из Псковской области в другие регионы России.

На протяжении последних лет наблюдается постоянный отток населения области в другие регионы страны, главным образом в Санкт-Петербург и Ленинградскую область, Москву, Московскую область и другие регионы Центральной России. Число прибывших в Псковскую область из других регионов страны не покрывает оттока населения из региона. В 2016 г. в другие регионы страны выехало на 1162 чел. больше, чем въехало в Псковскую область, в 2017 г. этот показатель составил 1375 чел.

Сальдо международной миграции Псковского региона в 2016 г. было зарегистрировано на уровне +1339 чел., в 2017 г. оно сократилось в 2 раза, составив + 827 чел. Большая часть прибывших в Псковскую область в 2017 г. приходится на представителей государств-участников СНГ. Наибольший миграционный прирост приходится на стран Средней Азии: Узбекистан — 269 чел., Киргизия — 224 чел., Таджикистан — 129 чел., Туркмения — 95 чел.; отрицательные значения сальдо миграции были зарегистрированы с Украиной (-111 чел.) и Республикой Молдова (-41 чел.). В 2016 г. объёмы и направления миграционных потоков значительно отличались от 2017 г.: лидировали Узбекистан — 419 чел., Украина — 282 чел. и Республика Молдова — 152 чел.; наименьший миграционный прирост был отмечен с Азербайджаном (-9 чел.) [3].

Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья на протяжении 2016 и 2017 гг. сохранялся на одном уровне и не оказывал существенного влияния на динамику численности населения Псковской области. Сальдо миграции в 2016 г. составило +116 чел., в 2017 г. этот показатель был зарегистрирован на уровне +111 чел. При этом в 2017 г. резко увеличился приток из Индии, в 2 раза увеличилось количество прибывших из Вьетнама. Миграционный обмен с КНДР в 2017 г. сменил знак на противоположный.

Динамика численности населения Псковской области и показателей естественного прироста населения региона дают основание говорить о стабилизации и некотором улучшении демографической ситуации. По сравнению с началом XXI в., в области значительно сократилась естественная убыль населения, снизились темпы сокращения численности населения региона. Основными тенденциями развития процессов естественного движения населения в Псковской области в последние годы являются стабильное снижение смертности и медленный рост рождаемости, что отражается на сокращении величины естественной убыли населения региона. Однако уровень смертности в Псковской области остаётся одним из самых высоких в стране.

Основными тенденциями развития миграционных процессов в Псковской области являются сокращение миграционного прироста, отток населения в другие регионы страны. Это отрицательно отражается на динамике численности населения Псковской области, т. к. приводит к ещё большему сокращению числа жителей региона на фоне отрицательного естественного прироста населения.

2017 г. стал переломным в развитии демографических процессов в Псковской области. Темпы сокращения рождаемости оказались гораздо выше темпов снижения смертности, в результате естественная убыль населения в регионе выросла по сравнению с предыдущим годом. Сальдо миграции сменило положительный знак на минус. Вследствие такого развития демографических процессов выросли темпы сокращения численности населения региона.

Литература

1. *Кривуля И. В.* Динамика процессов естественного движения населения Псковской области в XXI веке // Историческая география Восточной Европы: природное и культурное наследие: Материалы Международной научно-практ. конф. Псков: ПсковГУ, 2016. С. 87–90.

2. *Кривуля И. В.* Современные тенденции естественного движения населения Псковской области // Проблемы устойчивости эколого-хозяйственных и социально-культурных систем трансграничных регионов: Материалы Международной научно-практ. конф. Псков: Изд. ПсковГУ, «ЛОГОС Плюс», 2014. С. 52–55.

3. [Электронный ресурс]: URL: http://pskovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/pskovstat/ru/statistics/population/

КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ — ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫНИ ИЗБОРСКОЙ ЗЕМЛИ

В статье рассказывается о каменных крестах, разбросанных по полям древней Изборской земли или встроенных в стены храмов.

Ключевые слова: *Изборская земля, святые места, каменные кресты.*

Министр культуры Российской Федерации, выступая на торжествах, посвящённых 1150-летию первого упоминания Изборска в летописи, отметил, что «*Изборская земля — это святые места российской культуры*». И действительно, в Изборске, как нигде в другом регионе России, сосредоточено 8 церквей, 6 из них действующие; более 30 часовен, значительное количество древних каменных крестов, Священный Холм Славы, целебные родники и другие святыни. А в прошлом — три монастыря, в т. ч. один девичий, три церковно-приходские школы и четыре богадельни.

Из всех имеющихся святынь, расскажу только о каменных крестах: когда и в честь кого они создавались и устанавливались; почему на Изборской земле их больше, чем в других местностях, и почему они разных видов. Поведаю историю некоторых из них. Изборские каменные кресты с давних времён интересовали и продолжают интересовать историков, археологов и простых граждан.

В разные годы изучением каменных крестов занимались В. В. Седов, А. Р. Артемьев, Г. П. Гроздилов, Н. Ф. Окулич-Казарин, Б. Н. Харлашов, Л. Е. Грушина, А. А. Спицын, И. А. Шляпкин, В. Б. Яшкина и другие исследователи. Большой вклад в их изучение внесли псковские археологи А. В. Михайлов и В. А. Деркач. Они подробно описали местоположение большинства обнаруженных ими крестов и определили их географические координаты. В настоящее время в Изборске и его округе известно более 100 каменных крестов. Их можно встретить на обочине дороги, в центре деревни, внутри часовни, в стене каменного храма и, конечно, на древнем изборском кладбище.

Возведение храмов и монастырей в эпоху Ивана Грозного (XVI в.)

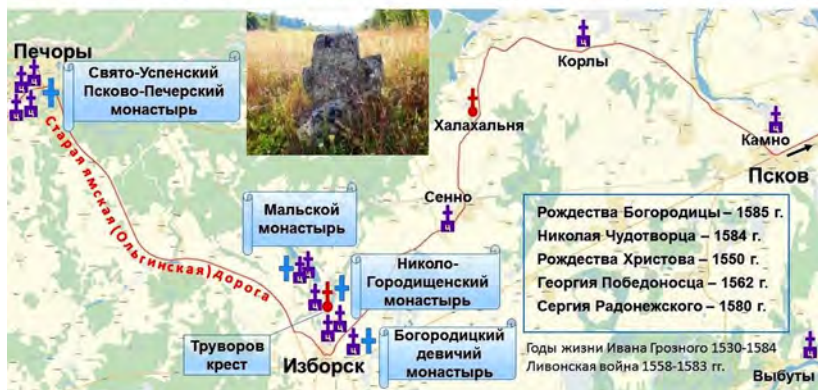

Рис. 1. Возведение храмов, монастырей и каменных крестов вдоль древней Ольгинской дороги

Большинство придорожных каменных крестов сосредоточено вдоль старой Ольгинской дороги, по которой из Пскова в Печоры шли крестные ходы богомольцев, русские воины на борьбу с ливонцами, торговые караваны и обычные пешеходы. Следовали по ней и царственные особы — Иван Грозный, Пётр Великий, Анна Иоанновна... Это был один из основных путей, связывающих прибалтийские страны с Россией. Проходя мимо такого каменного креста, иногда даже любуясь им, мы зачастую не задумываемся о том, что ни один крест, ни один знак на камне просто так не ставился. Это всегда было связано с каким-либо значимым событием в жизни наших предков, и появлялись они в честь победы над противником или в память о погибшем на поле брани воине, а чаще всего, как предмет православного христианского поклонения. Устанавливались кресты, как правило, на знаковых и памятных местах, где бывает больше посетителей или прохожих.

Говоря о каменных крестах, необходимо вспомнить, чем является крест для православного христианина, какую играет роль и значение в его жизни. В священном писании сказано, что «с периода возникновения христианства на земле Крест Христов стал одним из главных символов победы жизни над смертью. Эта победа осуществилась благодаря крестному подвигу Иисуса Христа — страданиями на горе Голгофе. Он своей кровью освятил крест, бывший первоначально орудием страшной и позорной казни. С тех пор Крест стал источником благодати и освящения верующих». Возможно, от глубокого осознания

данной истины и следует исходить, когда пытаемся объяснить, почему на Изборской земле такое большое количество каменных крестов.

Как свидетельствует история и проводимые археологические исследования, изборяне после многовекового язычества безболезненно приняли христианскую веру и поверили в силу Креста Христова. Свидетельством этому служат обнаруженные при раскопках различные виды нагрудных крестиков, в т. ч. изготовленные из камня, которые появились в Изборске и его округе практически сразу с принятием христианства на Руси. Вполне вероятно также, что на наличие каменных крестов повлияло и то, что великая равноапостольная княгиня Ольга и её внук Владимир, креститель Руси, родились и провели детские годы на земле Изборской (См.: Сб. Шестые Псковские региональные краеведческие чтения. Кн. 1, с. 222–234. Псков — Москва, 2016).

В соответствии с исследованиями учёных, основное количество каменных крестов появилось в XV–XVI вв., в эпоху правления Василия III (1479–1533) и его сына Ивана IV (1530–1584). Именно в этот период на Псковской земле получило развитие каменное зодчество и люди научились использовать известняковую плиту для строительства храмов. Ведь первоначально все изборские церкви были деревянными. Вместе со строительством храмов и монастырей на Изборской земле осуществлялось массовое возведение каменных крестов, тем более, что строительного материала (известняка) здесь было достаточно.

Следует отметить, что изготовление каменных крестов требовало большого мастерства и терпения. Тем более, что орудия производства в те далёкие годы были ещё не совершенны. Все изборские кресты сделаны из особо прочной известняковой монолитной плиты. Её надо было найти, доставить к месту обработки, отесать (что являлось самым сложным), высечь монограмму и установить на определённом месте. И что удивительно: если известняковая плита, из которой сооружена крепость и разные каменные постройки, с годами крошится и рассыпается, то ни один каменный крест, возраст которого более пяти веков, не развалился, если только от внешнего силового воздействия.

Изготовление каменных крестов изборскими мастерами со временем получило дальнейшее развитие и было доведено до совершенства. Изборяне считались лучшими каменотёсами в области. Не случайно в XX в. им было поручено изготовление и обработка камня для облицовки фасада Главпочтамта в г. Пскове и изготовление поребрика, который установлен вокруг бывшего Дома Советов, Суворовского сквера, в Ботаническом и Летнем садах.

Рис. 2. Облицовка фасада Главпочтамта сделана изборскими каменотёсами

Изборские каменные кресты подразделяются на следующие виды: надгробные, храмовые (вкладные, закладные) и поклонные.

Намогильные каменные кресты в Изборске и его округе сосредоточены в нескольких местах. Одним из самых известных является Труворов крест. Датируется он концом XIV — началом XV в. На ныне существующем кладбище это был первый и единственный крест, и только позднее он стал обрастать могилами сначала погибших воинов, а затем и простых жителей Изборска и его окрестностей.

Вырублен крест из известняковой монолитной плиты. Форма креста своеобразна: два боковых и верхний концы слегка расширяются от центра к краям, а нижняя часть не имеет расширения, её стороны почти параллельны. Надпись на лицевой стороне, обращённой к проезжей дороге на Труворово городище, гласит: «ЧРЬ СЛА ИСЪ ХЪ НИКА» (Царь Славы Иисус Христос Ника). Слово «Ника», как известно, означает «победа». Крест отмечается большими размерами. Высота его наземной части — 2,4 м, размах боковых лопастей — 1,45 м.

В 2011 г., при подготовке к 1150-летию юбилею Изборска, Труворов крест подвергся глубокой реставрации. Его выровняли, за-

крепили в огромной известняковой плите, отшлифовали и очистили от мха, устроили вокруг площадку. Всё было сделано качественно, только не понятно, почему убрали несколько находящихся рядом могил и на 1,5 метра сдвинули крест вправо.

Рис. 3. Труворов крест: слева — до реставрации; справа — после реставрации, 2012 г.

До сих пор из уст в уста передаётся легенда, что этим крестом обозначена могила Трувора, пришедшего в 862 г. с братьями Рюриком и Синеусом княжить на Русь. Однако, кто был увековечен этим крестом, сказать трудно, тем более, что глубокими исследованиями «могилы Трувора» почти никто не занимался. Возможно, крест поставлен павшим во время защиты города псковичам или в память о переносе крепости с Труворова городища на гору Жеравью. Как бы то ни было, но до настоящего времени крест производит впечатление чего-то мистического. От него так и веет «древностью веков». «Словно человек с раскинутыми в стороны руками, этот крест как бы загораживает вход на городище, не пускает на него пришельцев». Именно таким в 1903 г. изобразил его Н. К. Рерих на своём полотне «Изборск. Крест на Труворовом городище».

Очевидцы свидетельствуют, что русский писатель И. А. Бунин, будучи в эмиграции, на рабочем столе постоянно имел изображение Труворова креста, которое напоминало ему Родину — Россию, по которой он безмерно тосковал. По просьбе писателя на его могиле был установлен по форме точно такой же крест.

Большинство каменных крестов Изборска и его округа — это четырёхконечные кресты двух довольно устойчивых форм. Все четыре конца крестов первой формы расширяются от центра к краям. Края ограничены прямыми линиями: вверху и внизу горизонтальными, сбоку — вертикальными или слегка наклонными.

Рис. 4. Слева — картина Н. К. Рериха «Труворов крест»; справа — крест на могиле И. А. Бунина в предместье Парижа

Не менее распространены в Изборском крае каменные кресты иной формы. Они имеют расширяющиеся боковые, а также верхние и нижние концы, ограниченные параллельными краями. Их боковые крылья всегда слегка скошены к низу. Учитывая их широкое распространение в Изборске и его окрестностях, В. В. Седов счёл возможным объединить их в особый «изборский» тип.

Изборские надгробные кресты обычно имеют высоту наземной части до 1 метра. Ставились они на специальных плитах, реже — непосредственно вкапывались в землю. Нижние концы крестов удлинены, многие из них приспособлены для установки в четырёхугольных вырезах каменных плит, подложенных под кресты.

Большое скопление надгробных каменных крестов находится у церкви Сергия Радонежского и Никандра Псковского. Кресты, стоящие с правой стороны от входа в храм, в основном, привозные. Большинство из них были свезены сюда из разных мест ближайшей округи Изборска, в 70-е гг. XX в., — в период, когда церковь была в составе Изборского музея-заповедника. Почти все кресты можно отнести к «изборскому» типу. На некоторых из них имеются традиционные для этого края монограммы. Надгробные каменные кресты имеются также у церкви Рождества Богородицы и в других местах.

Около десятка крестов находится в урочище «Скудельня». Скудельня (Скудельница) — это название местности, где в XII–XVI вв. находился крупный могильник. В настоящее время он значительно разрушен, занят под постройки и огороды. Трудно определить, сколько

каменных крестов здесь было изначально. В источниках указываются различные цифры (от 13 до 20). В настоящее время на территории могильника фиксируется шесть могил с каменными крестами. Несколько крестов сосредоточено около часовни Флора и Лавра, три креста находятся внутри часовни. Кресты, стоящие в часовне, имеют свою историю. Один из них «подписной крест» стоял близ часовни, где ещё сохранилось его основание — большая каменная плита с четырёхугольным вырезом. В середине прошлого века крест был сломан и какое-то время лежал на земле, пока не был перенесён в часовню.

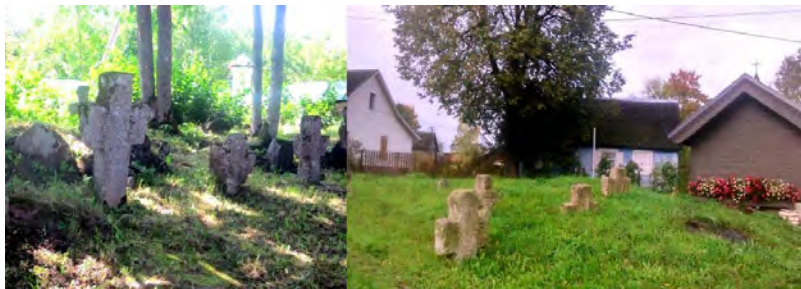

Рис. 5. Каменные кресты: слева — у церкви Сергия Радонежского; справа — у часовни Флора и Лавра в Изборске, «Скудельня»

На лицевой стороне креста помещены те же монограммы, что и на других изборских крестах. Под ними более мелкими буквам высечена надпись: «Ле[та] 7000 миро[м] поставлен кр[ес]т на рабе б[о]жии на Степане». Из надписи следует, что крест был поставлен в 1492 г. на могиле Степана и воздвигнут миром — общиной. К сожалению, в изборской коллекции каменных крестов имеется только два креста, на которых высечена памятная надпись, в честь кого они воздвигнуты. Второй подписной каменный крест вмонтирован в стену храма Рождества Богородицы.

Ещё одна экспозиция каменных крестов находится у деревни Замогилье, рядом с Никандровской часовней. Перед входом в часовню, на площади примерно 18×15 м, имеется несколько могил с крестами и надгробиями. Кресты выдернуты из своих гнёзд или обломаны и до настоящего времени валяются возле могил. Вид удручающий. Создаётся такое впечатление, что этот древний погост-памятник просто забыли, хотя он находится в одном километре от Изборска.

Другую группу каменных крестов Изборска и его округа составляют *храмовые* или *вкладные (закладные)*, вставляемые в стены христианских церквей. Использование вкладных каменных крестов яв-

ляется характерной особенностью изборских храмов, прежде всего для Никольской церкви на Городище и церкви Рождества Богородицы.

После пожара 1682 г. на месте деревянной Никольской церкви поставлена каменная. Во время перестройки храма монахи вмонтировали в его стены вкладные обетные кресты «во избавление от мимо идущего лиха». У северных дверей они поместили вкладной крест, вписанный в круг, как христианский символ веры, спасающей мир. В 2012 г. при подготовке к юбилею этот крест, по предложению народного художника СССР П. П. Оссовского, был взят за основу герба древнего Изборска. Всего в стенах храма заложено восемь каменных крестов. Большинство из них относится к крестам «изборского» типа. К сожалению, в результате реставрационных работ надписи на крестах были практически утрачены.

Рис. 6. Вкладные кресты: слева — Никольской церкви с Городища; справа — церкви Рождества Богородицы в Малах

В стенах церкви Рождества Богородицы находится четыре закладных креста: на восточной и западной стенах — по одному и на южной стене — два. Форму закладных крестов храма и их точный размер определить невозможно, т. к. в настоящее время все они окантованы деревянной рамкой. На южной стене храма один из крестов является подписным. По-видимому, первоначально он стоял на одной из могил древнего кладбища, расположенного рядом с Рождественской церковью.

Один вкладной каменный крест размещается в стене Троицкой часовни. То, что часовня стоит на перекрёстке дорог, даёт основание предположить, что здесь у изборян было поклонное место, где стоял каменный крест. В XVIII в., когда строили часовню, крест был вмонтирован в одну из её стен. Часовня и вкладной крест почитаемы изборя-

нами. Ежегодно на Святую Троицу настоятель Никольского собора служит здесь молебен.

На Изборской священной земле нашими предками было изготовлено и установлено много придорожных **поклонных** крестов. До настоящего времени они сохранились в деревнях Вастцы, Гнилкино, Коломно, Копаницы, Конечки, Куланово, Малы (на крутом спуске к монастырю), Мильцы, Новая (кресты увезены в музей), Петровск, Сено, Соколово, Тешевицы и других местах. Поклонные кресты ставились на перекрёстках или возле дорог, в местах остановки путников.

Рис. 7. Придорожные поклонные каменные кресты: слева — у деревни Захново; справа — у деревни Малы

Стоящий у обочины дороги, на перекрёстке или у часовни крест, воспринимался нашими предками, как символ веры и бессмертия. Считалось, что крест способен защитить человека, его дом и имущество от злых сил. Ни один христианин в былые времена, просто так, не пройдёт мимо стоящего у дороги креста, а обязательно остановится, трижды перекрестится и только потом следует дальше. Это придавало ему силы и бодрости духа на дальнейший путь. Пожилые местные жители ещё помнят, как возле таких крестов лежали полевые цветы, горсточки земляники, малины или черники. Конечно, с годами всё изменилось. Если раньше каменный крест воспринимался как священная реликвия, то сейчас, как хранитель памяти о наших мудрых и благородных предках, а чаще всего, как дополнительное украшение окружающего ландшафта.

Большой придорожный крест до недавнего времени стоял на старой Псковской дороге (Псков — Изборск — Печоры) близ деревни Вастцы; ныне он находится в Успенской часовне, построенной в XVIII в. на том же месте. Другой придорожный величественный каменный крест стоит на пути из Пскова в Новый Изборск в деревне Ха-

лахальня, сейчас над ним устроен навес, защищающий от осадков. В годы Великой Отечественной войны крест был взорван.

Имеются и другие часовни, в которых нашли приют и защиту поклонные каменные кресты: Флора и Лавра, Анастасьевская, Коломно, Петра и Павла, Ильинская, Никольская, Никандровская и другие. Многие повидали придорожные кресты на своём веку: крестные ходы, движение своих и вражеских войск, одиноких путников и даже монархов. Как много они могли бы поведать современному поколению.

Рис. 8. Поклонные кресты: слева — в часовне Успения в Вастцах; справа — в Халахальне

Трудно перечислить и описать все каменные кресты Изборска и его округа, ведь только в составе коллекции музея-заповедника их насчитывается, как уже отмечалось, более сотни. Известный русский писатель Л. Ф. Зуров писал, что «...из крестов выкована Русская земля и через кресты восходит солнышко». По всей видимости, он имел в виду, прежде всего, изборские кресты, т. к. будучи в эмиграции неоднократно посещал Изборск.

Говоря об изборских каменных крестах, следует отметить, что многие из них в последние годы, особенно в период развала Союза, стали мигрировать, т. е. перемещаться со своего исконного места, где были установлены, в другое. Например, в дер. Куланово возле часовни Архангела Михаила раньше стояло три намогильных креста XV в. Сейчас остался только один, остальные два в 90-е гг. прошлого столетия были изъяты из земли и увезены в Изборский музей-заповедник. Жители деревни были против этого, но поддались уговорам директора музея, который заверил людей, что кресты забирают временно, позже их снова вернут на своё место. К сожалению, дальнейшая судьба этих крестов неизвестна. Чтобы вернуть утраченные кресты, местный пред-

приниматель А. Н. Единов решил воссоздать их. В настоящее время он из найденной поблизости известняковой плиты, осваивая профессию каменотёса, изготавливает новый каменный крест.

Аналогичная история постигла и другие каменные кресты. Например, в дер. Тешевицы, где, согласно преданиям местных жителей, велись захоронения воинов дружины Александра Невского, погибших при освобождении Изборска от немецких рыцарей и погибших в годы Ливонской войны. Позднее в их память был установлен каменный крест, на котором выбиты древние христианские символы. В конце прошлого века этот крест исчез. После долгих поисков его нашли на огороде одного из жителей деревни и вернули на прежнее место. Такая же история с каменным крестом случилась и в дер. Копаницы, где и поныне каменный крест красуется на одном из огородов.

Обыватели ради своего престижа (хвастовства), не задумываясь о сущности данного священного символа, используя технические средства (трактор, бульдозер), вырывают крест с корнем из земли и устанавливают его за высоким забором в саду на видном месте. Это всё одно, что глумиться над могилами павших воинов. Невольно задумываешься, возможно ли такое варварство допустить на священной горе Афон или в другом месте?

Закончить краткое описание каменных крестов Изборска и его округи лучше всего словами псковских археологов В. А. Деркач и А. В. Михайлова: «Каменные кресты — не просто интереснейший памятник истории, археологии и эпиграфики, но и объект культурно-православного наследия, требующий особого внимания. Зачастую приходится сталкиваться с непониманием того, что ценен не просто каменный крест сам по себе, но и место его изначального нахождения. Каменный крест — не украшение или «скульптура», каждый из них выполняет свою сакральную функцию, «маркирует» место, где он воздвигнут». В целях сохранения каменных крестов некоторые из них следовало бы оградить, сделать табличку, что это исторический памятник XV в., который охраняется государством. Сохранить эти памятники средневековья для будущих поколений — наша общая задача.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ (Вересова Т. В.)	3
КРАЕВЕДЕНИЕ КАК НАУКА. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАЕВЕДЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ	5
Вересова Т. В. Роль краеведения в сохранении исторической памяти.....	5
Михайлова Н. И. История и возрождение Порховского краеведческого общества.....	13
Кондратенко А. И. «Вы пробудили в нас любовь к истории родного края...» (Пскович И. Е. Евсеев и его краеведческая деятельность в Орловской губернии)....	21
Бобровская О. А. Обзор документов Государственного архива Псковской области для составления родословной XVIII — начала XX в. (на примере пригорода Изборск)....	34
Таскаев А. Г. Из опыта краеведческой работы Псковского городского молодёжного центра.....	42
Наместникова Т. Е. Издательский проект Историко- культурного центра «Самолва».....	46
Тихонов А. К. Деятельность Владимирской областной общественной организации «Союз краеведов Владимирской области».....	54
РОССИЙСКО-БАЛТИЙСКОЕ ПОРУБЕЖЬЕ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ И КУЛЬТУР	57
Ганнибал Б. К. Эстония — родина российских Ганнибалов.....	57
Васильев В. И. «Нечаянные эмигранты».....	69

Аверина Э. Ю. Виленские страницы биографии архитектора Владимира Назимова.....	81
Тамби С. А. История пыталовских (яунлатгальских, абренских) эстонцев.....	89
Землякова О. К., Леонидов В. В. Евгений Климов и Советский Фонд культуры.....	102
Фейгмане Т. Д. Латвия в судьбе художника Евгения Климова.....	107
Салтан Н. И. Русские рижане и Псковская земля.....	116
Костючук Л. Я. К узнаванию и пониманию местных названий в условиях пограничья (синхронно-диахронный аспект изучения псковских говоров).....	128
Манаков А. Г. Четверть века изучения малого народа сету (сето) псковскими географами.....	136
Кузнецова З. И. «Храм дивен и печален» (о двух лютеранских храмах Печорского края, построенных по проекту А. А. Подчекаева).....	149
Фёдоров А. И. Петербург — Струги — Таллин в судьбе семьи Добровольских.....	157
Теренина Н. К. Территориальные особенности традиционных видов рукоделия регионов Эстонии.....	163
Кускова С. В. К вопросу о перспективах использования опыта событийного туризма федеральной земли Баден-Вюртемберг (ФРГ) в Псковском регионе.....	168

**ПРИРОДНОЕ, КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ И ТУРИЗМ..... 174**

Андреева И. М. Естественнонаучная деятельность
Псковского общества краеведения в 1920-е годы
(по страницам сборника «Познай свой край!»)..... 174

Слинчак А. И. Краеведческие исследования
В. К. Лесненко в Псковской области..... 183

Немцева Т. И. Псковичи — основатели известных
морских портов России..... 189

Яковлева М. С. К проблеме изучения и сохранения
исторических гидронимов на территории Опочецкого
района Псковской области..... 197

Андреев А. А., Соколова И. Г. Следы питомника
Псковского губернского земства..... 205

Филимонов А. В. О судьбе подворья Псково-Печерского
монастыря и церкви Богородицы Одигитрии в Пскове.... 212

Лилейкина В. А. Природные и архитектурные
достопримечательности в низовьях реки Великой..... 221

Перова Е. А. Взаимосвязь природного и культурного
наследия как основа экологического туризма
в Полистовском заповеднике..... 230

Евдокимов С. И. Некоторые аспекты формирования
границ Псковской и Великолульской областей после
Великой Отечественной войны (1944–1958 гг.)..... 238

Кривуля И. В. Современные демографические
процессы в Псковской области..... 244

Бугров Б. И. Каменные кресты — православные
святыни Изборской земли..... 250

Научное издание

ВОСЬМЫЕ
ПСКОВСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Том I

Материалы

*Международной научно-практической конференции,
г. Псков, 12–14 октября 2018 года*

Технический редактор: А. Г. Манаков
Компьютерная вёрстка: А. Г. Манаков
Корректор: С. Н. Емельянова

Подписано в печать 29.11.2018. Формат 60х90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 5622.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:
Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4а, корп. 3а.
Издательство Псковского государственного университета